

БОРЬБА КЛАССОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
общества историков-марксистов
при
ИЗМАНАДЕМИИ ЦИК СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ	
ВЕЛИКОМУ ПРОЛЕТАРСКОМУ ПИСАТЕЛЮ И ИСТОРИКУ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПРИВЕТ!	2
И. СТАЛИН	
ОТВЕТ Т.Т. ОЛЕХНОВИЧУ И АРИСТОВУ ПО ПОКУДУ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ „ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“ „О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА“	5
А. ГУЛЯЕВ	
О СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЛИНИИ БОЛЬШЕВИЗМА В РЕВО- ЛЮЦИИ 1935—1937 гг.	9
И. ТОКИН	
О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИЙНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	38
Е. РУБИНШТЕЙН	
ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1923 г. (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)	70
И. ШЮЦ	
В БОРЬБЕ ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ (АВТО- БИОГРАФИЯ ГЕРМАНСКОГО ПРОЛЕТАРЯ)	93
А. ЛЕВЕНСНИИ	
ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА ДВА Ф.ОНТА В ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕС- КОЙ ПАРТИИ 1881 — 1883 гг. (ОКОНЧАНИЕ)	117

ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Г. ЦВЕТКОВ	
ИЗ ИСТОРИИ ЗАБАСТОВОЧНОЙ БОРЬБЫ НА ЯРЦЕВСКОЙ ФАБРИКЕ	125

ИСТОРИЯ КОЛХОЗОВ

А. ГРИШМАН	
КОЛХОЗ ВАЛДГЕЙМ	137

БИБЛИОГРАФИЯ

Ст. ТОЛЬЦЕР	
С. РУБАН — „ЛЕНИН О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ“	152

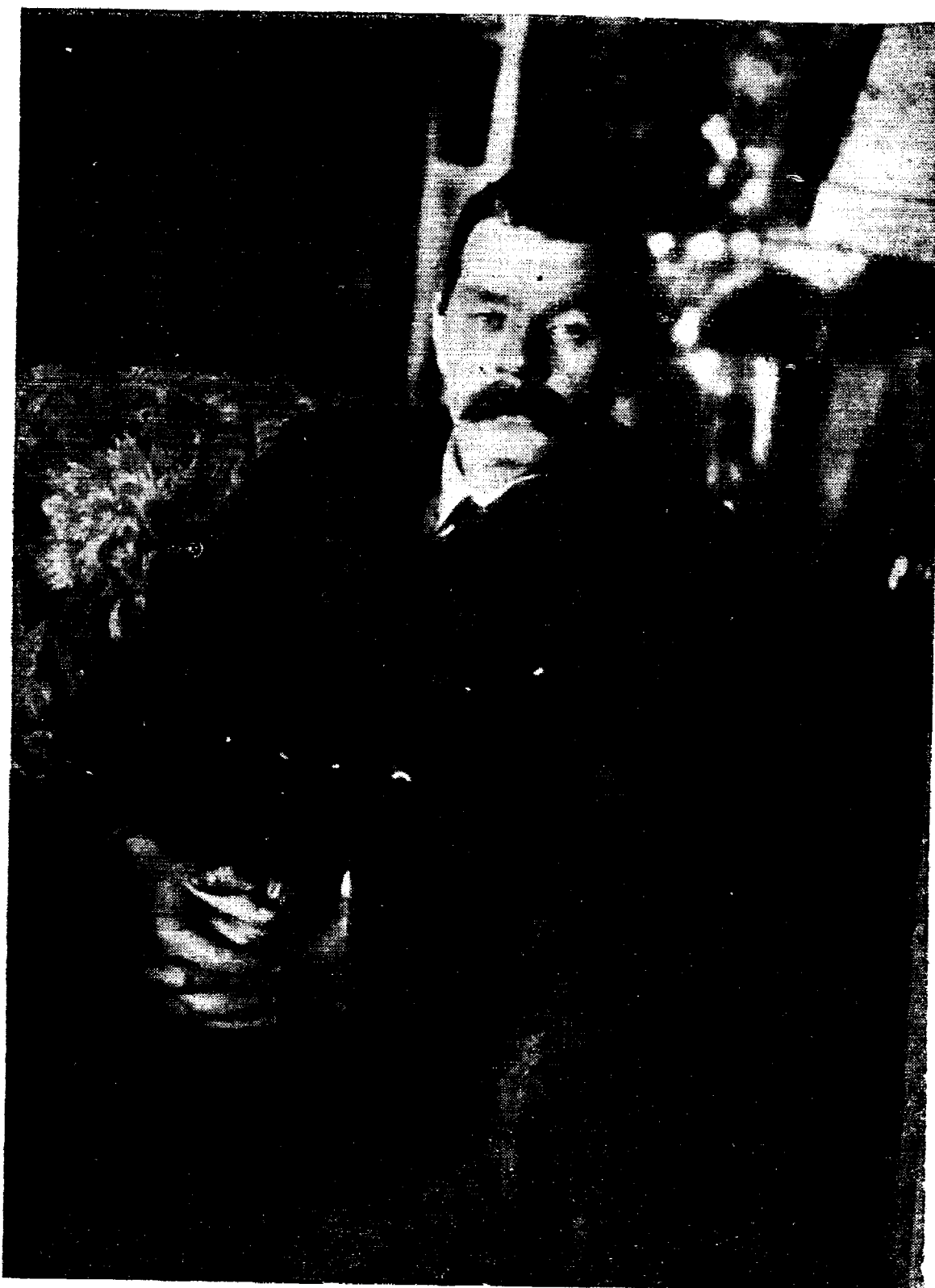
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР **М. Н. ПОИРОВСКИЙ**
 РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. ВОЛИН** (зам. отв. редактора)
Л. МЕХЛИС, А. ПАНКРАТОВА, И. ТОКИН (ответств. секретарь)

адрес редакции: москва, ул. им. горького, 8, т. 4-85-62

художник журнала варвара степанова

9-10
1932

великому пролетарскому писателю и историку —

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПРИВЕТ!

Пролетариат СССР и всего мира чувствует самого замечательного своего писателя—Максима Горького.

В каждую эпоху имеется класс, борьба которого за свои интересы составляет основную пружину общественного развития. Классовую борьбу каждой эпохи определяет прежде всего борьба пролетариата и его революционной партии—борьба класса, поставившего своей целью

построение бесклассового общества и расцвет и осуществление коммунистической культуры. Выразителем творческого подъема и культурного роста пролетариата, величайшим глашатаем непримиримой борьбы против буржуазии и мещанства, против всех гнусностей буржуазно-помещичьей культуры в ее самых тонких формах, активнейшим борцом за полное построение социалистического общества в СССР, глашатаем борьбы против попыток интервенции, подготовляемых империалистами, явился Максим Горький. Горький—художник пролетариата, и его искусство принадлежит рабочему классу и нашей партии. Горький никогда не писал просто для того, чтобы создать художественное произведение из пустой любви к красивой форме, он всегда боролся за настоящую классовую правду, всегда кипел, страстно отстаивая то, что казалось ему самым возвышенным и дорогим. Величие Горького в том и состоит, что он в своем творчестве соединяет высокую красоту с глубоким научным проникновением в так называемую «сущность жизни», в классовую суть всех форм общественной борьбы, сознательно становясь в этой борьбе на позицию определенного класса—пролетариата. Горький—писатель пролетариата, певец его борьбы, страстный защитник его классовой правды.

В дни юбилея мы отмечаем, однако не только Горького-писателя, художника, но и Горького-ученого, Горького-просветителя в лучшем смысле этого слова, Горького-историка. Одна из самых замечательных черт его состоит в том, что он умеет соединить в себе художественное творчество с глубоким и проникновенным взором в глубь истории. Горький — историк в своих художественных произведениях. В сущности по его произведениям можно и следует изучать историю: они войдут в историю борьбы пролетариата как самые замечательные художественные произведения, созданные представителем рабочего класса и отражающие его, пролетариата, жизнь и борьбу.

Но Горький является историком и в другом, более узком, почти профессиональном смысле этого слова, ибо Горький наших дней — это прежде всего инициатор создания «Истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов». В номере первом нашего журнала за 1931 г. Горький поместил статью, называющуюся «Народ должен знать свою историю». В этой статье он замечательно глубоко и в то же время просто сформулировал необходимость изучения и создания для широких масс истории гражданской войны. «Революционный дух новой истории, — писал Горький, — будет действовать еще более решительно и успешно, если перед массой рабочих и крестьян широко развернуть грандиозную и трагическую картину начала новой истории. Начало это—гражданская война 1918—1921 гг.—небывалое по силе выражение воли рабочих и крестьян, историческая картина бесчисленных боев голого, голодного, почти безоружного пролетариата с армиями офицеров и буржуазной молодежи, с прекрасно вооруженными армиями, которые защищали власть помещиков, фабрикантов, банкиров. Этими армиями командовали ученые генералы, им помогали капиталисты всей Европы».

«История гражданской войны — история победы великой правды, воплощенной в рабочем классе. Эту историю должен знать каждый боец на культурно-революционном фронте, каждый строитель нового мира». Эта история пужна не только старым бойцам, но и молодежи нашей для того, чтобы молодежь узнала героизм своих отцов и умела понять, кто дрался за свою избу и корову, кто за свободу рабочего класса, за социализм. Она необходима для миллионов пролетариата всех стран, миллионов, от которых уже недалеки дни великих битв. Эта книга должна быть яркой летописью героизма и вдохновлять на героизм».

В этих словах — глубокая правда, призывающая к служению социалистическому строительству, к борьбе за международную пролетарскую революцию. Для Горького вне социалистического строительства, вне борьбы за мировой Октябрь нет постоянной литературы, нет художественных произведений, нет классовой пролетарской правды. «В Октябре

1917 года,—говорит он,—у нас положено начало новой истории». Октябрь 1917 г. есть рубеж в истории человечества. Ленин писал, что величие нашей революции состоит в том, что она пробудила жажду строительства в миллионных массах. Это строительство разносторонне и требует напряжения всех сил в борьбе с врагами. Надо вооружить рабочих и крестьян историческими знаниями, чтобы каждый трудящийся знал историю своего класса, знал бы всю историю борьбы трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей.

Историческое знание, ставшее массовым, необходимо социалистическому строительству: оно рождает героизм, творческий подъем, строительный пафос, волю к победе. Горький прекрасно это знает и борется за массовую историческую науку. Центральный комитет нашей партии закрепил инициативу Горького специальными решениями, и под руководством партии историки вплотную приступили к созданию таких грандиозных предприятий, как «История гражданской войны» и «История фабрик и заводов». Это дело — часть социалистического строительства; создание этих исторических работ непосредственно связано со всеми успехами нашей социалистической стройки.

Призыв Центрального комитета и его мероприятия по созданию этих двух серий замечательны еще и тем, что работа по истории гражданской войны и фабрик и заводов поставлена как массовое дело.

Рабочие сами пишут свою историю, зная, что история — наука, и овладевая этой наукой. Творческий подъем, начало которому положено семнадцатым годом и который грандиозно расширен, углублен и развит вступлением СССР в период социализма, — этот творческий подъем культурно растущих масс проникает и в область исторического знания. Историческая наука, переживающая ленинский этап своего развития, становится массовой наукой. Широкие массы рабочих и крестьян становятся исторически грамотными, вооруженными светом исторического познания своего прошлого и настоящего, путей своих побед и достижений. И величайшая заслуга в этом принадлежит Горькому — художнику и историку, страстно борющемуся за историческую грамотность широких масс, за массовую историческую науку. Развитие исторической науки неразрывно связано с его именем. Вот почему в юбилейные дни все историки и редакция нашего исторического журнала шлют Горькому — художнику, Горькому — историку восторженный братский привет!

тт. ОЛЕХНОВИЧУ и АРИСТОВУ

ПО ПОВОДУ

**ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ „ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“
„О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА“**

Товарищу ОЛЕХНОВИЧУ

Ваше письмо получил. Отвечаю с запозданием ввиду перегруженности работой.

Никак не могу согласиться с Вами, товарищ Олехнович. И вот почему.

1. Не верно, что «троцкизм никогда фракцией коммунизма не был». Поскольку троцкисты порвали организационно—хотя бы и временно—с меньшевизмом, свернули—хотя бы и временно—свои антибольшевистские взгляды, были приняты в ВКП(б) и Коминтерн и подчинялись решениям этих последних,—троцкизм несомненно был частью, фракцией коммунизма. Троцкизм был фракцией коммунизма и в широким смысле слова, т. е. как часть мирового коммунистического движения, сохраняющая свою групповую особенность, и в узком смысле слова, т. е. как более или менее организованная фракция внутри ВКП(б), боровшаяся за влияние в партии. Смешно было бы отрицать всем известные факты о троцкистах, как о фракции в ВКП(б), зафиксированные в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). ВКП(б) не терпит фракций и не может пойти на их легализацию? Да, не терпит и не может пойти на их легализацию. Но это еще не значит, что троцкисты не составляли на деле фракцию. Именно потому, что троцкисты имели на деле свою фракцию, за легализацию которой боролись они,—именно поэтому—между прочим поэтому—оказались они потом выброшенными из партии.

Вы пытаетесь отыгаться на том, что стараетесь отделить троцкизм от троцкистов, полагая, что то, что относится к троцкизму, не может относиться к троцкистам. Иначе говоря, Вы хотите сказать, что троцкизм не был никогда фракцией коммунизма, а Троцкий и троцкисты были фракцией коммунизма. Это схоластика и самообман, товарищ Олехнович! Не может существовать троцкизм без носителей троцкизма, т. е. без троцкистов, так же как не могут существовать троцкисты без троцкизма,—пусть завуалированного и свернутого, но все же троцкизма,—в противном случае они перестали бы быть троцкистами.

В чем состояла характерная черта троцкистов, когда они составляли фракцию коммунизма? Она состояла в том, что троцкисты «перманентно» колебались между большевизмом и меньшевизмом, при чем колебания эти доходили до высшей точки при каждом повороте партии в Коминтерна, раздражаясь во фракционную борьбу против партии. Что это значит? Это значит, что троцкисты не были действительными большевиками, хотя и состояли в партии и подчинялись ее решениям, что их нельзя было также назвать и а с т о я щ и м и меньшевиками, хотя они и колебались часто в сторону меньшевизма. Эти колебания и легли в основу внутрипартийной борьбы между ленинцами и троцкистами за период пребывания троцкистов в нашей партии (1917—1927 гг.). Основу же самых колебаний троцкистов составлял тот факт, что, свернув свои анти-большевистские взгляды и войдя таким образом в партию, троцкисты не отказались все же от этих взглядов ввиду чего они, эти самые взгляды, давали о себе знать с особенной силой при каждом повороте партии и Коминтерна.

Вы, очевидно, не согласны с таким толкованием вопроса о троцкизме. Но тогда Вы должны прийти к одному из двух н е п р а в и л ь н ы х выводов. Л и б о Вы должны прийти к тому, что, войдя в партию, Троцкий и троцкисты начисто отказались от своих взглядов и превратились в д е й с т в и т е л ь н ы х большевиков, что неправильно, ибо при таком предположении становится непонятной и необъяснимой та непрерывная внутрипартийная борьба троцкистов против партии, которая наполняет весь период пребывания троцкистов в нашей партии. Л и б о Вы должны прийти к тому, что троцкизм (троцкисты) «все время являлся фракцией меньшевизма», что опять-таки неправильно, так как Ленин и ленинская партия допустили бы п р и н ц и п а л ь н у ю ошибку, приняв меньшевиков в состав коммунистической партии хотя бы на одну минуту.

2. Не верно, что троцкизм «все время являлся фракцией меньшевизма, одной из разновидностей буржуазной агентуры в рабочем движении», так же как неправильно Ваша попытка отделить «отношение партии к троцкизму, как к теории и практике буржуазной агентуры в рабочем движении» от «отношения партии на определенном историческом отрезке времени к Троцкому и троцкистам».

Во-первых, как я уже говорил выше, Вы допускаете ошибку, ошибку схоластическую, искусственно отрывая троцкизм от троцкистов и наоборот, — троцкистов от троцкизма. История нашей партии говорит, что такой отрыв, поскольку он допускался той или иной частью нашей партии, шел всегда и д е л и к о м на пользу троцкизму, облегчая последнему прятать концы в воду при вылазках против партии. Могу сказать Вам на ухо, что Вы окажете Троцкому и троцкистским контрабандистам величайшую услугу, вводя в обиход нашей политической практики метод искусственного отрыва вопроса о троцкизме от вопроса о троцкистах.

Во-вторых, допустив эту ошибку, Вы вынуждены допустить и д р у г у ю, вытекающую из нее ошибку, предположив, что «на определенном историческом отрезке времени» партия рассматривала Троцкого и троцкистов, как д е й с т в и т е л ь н ы х большевиков. Но такое предположение совершенно неправильно и в корне несовместимо с фактами из истории внутрипартийной борьбы между троцкистами и ленинцами. Чем объяснить, в таком случае, непрерывную борьбу между партией и троцкистами за весь период пребывания троцкистов в партии? Не думаете ли Вы, что это была склока, а не принципиальная борьба?

Вы видите, что Ваша «поправка» к моему «письму» в редакцию «Пролетарской революции» приводит к абсурду.

На самом деле троцкизм был фракцией меньшевизма до вступления троцкистов в нашу партию, он стал временно фракцией коммунизма

после вступления троцкистов в нашу партию, он стал вновь фракцией меньшевизма после изгнания троцкистов из нашей партии. «Собака вернулась к своей блевотине».

Стало быть:

а) нельзя утверждать, что «на определенном историческом отрезке времени» партия считала Троцкого и троцкистов действительными большевиками, ибо такое предположение коренным образом противоречит фактам из истории нашей партии за период 1917—1927 гг.;

б) нельзя считать, что троцкизм (троцкисты) «все время являлся фракцией меньшевизма», ибо такое предположение привело бы к тому, что в период 1917—1927 гг. партия наша оказалась бы партией блока между большевиками и меньшевиками, а не партией большевистско-монолитной, что совершенно неправильно и несовместимо с основами большевизма;

в) нельзя искусственно отрывать вопрос о троцкизме от вопроса о троцкистах, не рискуя превратиться в шевольное орудие троцкистских махинаций.

Какой же выход остается? Остается одно: согласиться с тем, что «на определенном историческом отрезке времени» троцкизм представлял фракцию коммунизма,—фракцию, колебавшуюся между большевизмом и меньшевизмом.

И. СТАЛИН

15. I. 1932 г.

Тов. АРИСТОВУ

У Вас недоразумение, г. Аристов.

Противоречия между статьей «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (1924 г.) и «письмом в редакцию «Пролетарской революции» (1931 г) нет. Эти два документа отмечают разные стороны вопроса, и это показалось Вам «противоречием». Но «противоречия» здесь нет.

В статье «Октябрьская революция» говорится о том, что в 1905 году не Роза Люксембург, а Парвус и Троцкий выдвигали теорию «перманентной» революции против Ленина. Это вполне соответствует исторической действительности. Именно Парвус, приехавший в 1905 году в Россию и редактировавший специальную газету, где он активно выступал за «перманентную» революцию против ленинской «концепции», именно Парвус, а потом, вслед за Парвусом и вместе с ним Троцкий,—именно эта двойка бомбардировала тогда ленинскую схему революции, противопоставляя ей теорию «перманентной» революции. Что касается Розы Люксембург, то она находилась тогда за кулисами, воздерживалась от активной борьбы с Лениным на этой почве, предпочитая, видимо, не связываться пока-что в борьбу.

В полемике против Радека в статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» я заострил вопрос на Парвусе потому, что Радек, говоря о 1905 годе и «перманентной» революции, намеренно умолчал о Парвусе. А умолчал он о Парвусе потому, что после 1905 года Парвус стал одиозной фигурой, сделался миллионером, превратился в прямого агента германских империалистов, и Радек не хотел связывать теорию «перманентной» революции с одиозным именем Парвуса, хотел обойти историю. Ну, а я пошел наперекор и расстроил маневр Радека, восстановив историческую правду и воздав должное Парвусу.

Так обстоит дело со статьей «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов».

Что касается «Письма в редакцию «Пролетарской революции», то там говорится уже о другой стороне вопроса, а именно—о том, что теорию «перманентной» революции сочинили Роза Люксембург и Парвус. И это также соответствует исторической действительности. Не Троцкий, а Роза Люксембург и Парвус сочинили теорию «перманентной» революции. Не Роза Люксембург, а Парвус и Троцкий выдвигали в 1905 году теорию «перманентной» революции и активно боролись за нее против Ленина. Впоследствии Роза Люксембург также стала активно бороться против ленинской схемы революции. Но это было уже после 1905 года.

В с е.

И. СТАЛИН

25. I. 32 г

О
СТРАТЕГИЧЕСКОЙ
ЛИНИИ БОЛЬШЕВИЗМА
В
РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Л. ГУЛЯЕВ

В 1924 г. в борьбе против троцкизма партия до конца разоблачила попытку Троцкого в «Уроках Октября» оклеветать партию большевиков тезисом о «первооружении» большевизма в 1917 г. Тов. Сталин тогда еще с предельной ясностью и точностью установил, что тезис Троцкого о «первооружении» большевизма в 1917 г. есть не что иное, как попытка рассечь большевизм на две части — на довоенный и послевоенный, как попытка развенчать большевизм в глазах рабочего класса всего мира. Тезис Троцкого имел своей целью приспособить ленинизм к интересам и требованиям троцкизма, а это значит — повредить делу перехода рабочих масс на сторону большевизма, повредить делу мировой пролетарской революции.

«Новый троцкизм, — писал т. Сталин в 1924 г., — не считает нужным открыто отстаивать теорию перманентной революции. Он «просто» устанавливает, что Октябрьская революция целиком подтвердила идею перманентной революции. Из этого он делает следующий вывод: важно и приемлемо в ленинизме то, что имело место после войны, в период Октябрьской революции, и наоборот, неправильно и неприемлемо в ленинизме то, что имело место до войны, до Октябрьской революции. Отсюда теория троцкистов о рассечении ленинизма на две части: на ленинизм до-

военный, ленинизм «старый», «непригодный», с его идеей диктатуры пролетариата и крестьянства, и ленинизм новый, послевоенный, октябрьский, который рассчитывают они приспособить к требованиям троцкизма» (сб. «Об уроках Октября», стр. 91).

Благодаря убийственному разоблачению троцкизма, проделанному партией в 1924 г., попытка подкопа под ленинизм «изнутри» была раскрыта и ликвидирована.

Борьба группы Троцкого против партии и Коминтерна в 1925—1927 гг., дальнейшее развитие троцкизма за пределами партии и Коминтерна как контрреволюционной теории и практики, как злейшего врага коммунизма — передового отряда контрреволюционной буржуазии в борьбе против диктатуры пролетариата, против СССР, — со всей силой подтвердили, куда «гнул» троцкизм в своих попытках приспособить ленинизм к интересам и требованиям троцкизма.

Школка троцкистских контрабандистов — Слуцкий и К^о — пыталась, выполняя заказ своего контрреволюционного учителя, вновь исподтишка проделать то же самое, что безуспешно пытался проделать Троцкий.

В своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» т. Сталин¹ го-

¹ Письмо т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» являет собою образец большевистской непримиримости и воинствующей партийности. Во всем своем содержании письмо т. Сталина имеет глубокое принципиально теоретическое и революционно-практическое значение для всех без исключения партий Коммунистического интернационала, для всего международного рабочего движения в их борьбе за диктатуру пролетариата, за коммунизм. Перед историческим фронтом письмо ставит ответственнейшую задачу борьбы за научно-большевистскую разработку истории вообще, истории нашей партии в особенности. Оно учит нас, как должен коммунист воевать с политическими кон-

трабандистами, пытающимися протаскивать чуждые, враждебные пролетариату контрреволюционные идеи, оно дает нам и образец того, как нужно относиться к оппортунизму, гнилому либерализму, проявляющемуся в отдельных клеточках ВКП(б) и Коминтерна. Письмо т. Сталина дает образец научно-большевистского освещения вопросов истории партии; оно ставит это изучение на огромную принципиально-теоретическую высоту, являясь вместе с тем величайшим доказательством того, что в борьбе против всяческих ухищрений классового врага и его агентуры ленинизм бесповоротно победил на теоретическом фронте как и на его историческом участке.

говорит, что «историки» и «литераторы» из разряда троцкистских контрабандистов стараются проводить свою контрабандную работу пока что по двум линиям: во-первых, они стараются доказать, что Ленин в период перед войной недооценивал опасности центризма. во-вторых, они стараются доказать, что Ленин (в довоенный период) не понимал необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. «При этом, — говорит т. Сталин, — неопытному читателю предоставляется догадываться, что Ленин стало быть не был еще тогда настоящим большевиком, что он понял необходимость такого перерастания лишь после войны, после того, как он «перевороужился» при помощи Троцкого».

Попытки, при помощи которых Троцкий и его агенты пытались и пытаются скомпрометировать ленинизм, не новы. Враги пролетариата применяли их давным-давно к марксизму. Всем известна попытка Бем-Баверка противопоставить I том «Капитала» Маркса его III тому и тем скомпрометировать великое учение Маркса. Всем известны также попытки буржуазии делить Маркса на революционного и Маркса умеренного. Эти буржуазные уловки давным-давно разоблачены еще Энгельсом и в более позднее время Лениным и Сталиным.

Ленину в свое время пришлось много потратить усилий прежде всего на то, чтобы восстановить марксову идею диктатуры пролетариата, замурованную вождями II интернационала, чтобы, очистив великое учение Маркса и Энгельса от скверны III интернационала, взять его в чистом виде, чтобы развить его дальше, обогатив его новым содержанием в соответствии с новой обстановкой эпохи империализма, с новыми достижениями борьбы мирового пролетариата в эту эпоху, дав тем самым ленинский этап в марксизме.

Ленин и его партия, с момента рождения ее, в своей борьбе исходили из идеи пролетарской революции и диктатуры пролетариата как коренного программного требования рабочего класса, единственного пути к социализму, к коммунизму.

Прежде чем перейти к рассмотрению затрагиваемого нашей темой вопроса, остановимся несколько на истории вопроса о диктатуре пролетариата. Это необходимо сделать по двум основным причинам. Во-первых, потому, что стратегическая линия большевизма в российской революции 1905—1907 гг. есть линия на пе-

рерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию. иначе говоря, — линия борьбы за диктатуру пролетариата, за победу в конечном счете социализма во всем мире. Не имея в виду борьбы за диктатуру пролетариата, нельзя ни говорить ни тем более бороться за перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую, т. е. социалистическую. Во-вторых, при рассмотрении вопроса темы необходимо напомнить хотя бы весьма кратко исторические вехи развития учения о диктатуре пролетариата. Это нужно сделать и для того, чтобы подчеркнуть «трогательное» историческое единство в непрерывной борьбе буржуазии и самых разнообразнейших ее агентов против диктатуры пролетариата как в эпоху Маркса и Энгельса, когда диктатура пролетариата существовала лишь в идее, или точнее, когда рабочим классом делались лишь первые попытки воплощения этой идеи (Парижская коммуна), так и тем более в ту эпоху, когда борьба за диктатуру пролетариата превратилась в основной вопрос непосредственной революционной практики пролетариата империалистических стран.

Не будучи в состоянии разбить марксистское учение в «открытом бою», буржуазия и ее агенты еще при жизни Маркса делали всяческие попытки приспособить марксизм к интересам и потребностям буржуазного общества. Нужно было изъять из марксизма его действительную основную сердцевину — идею пролетарской революции и диктатуры пролетариата; нужно было развенчать марксизм, особенно по линии диктатуры пролетариата, «спрятать» от глаз рабочего класса идею диктатуры пролетариата. Такую работу буржуазия и ее агенты начали делать еще при жизни Маркса, еще со времени революции 1848 г.

Разоблачая хитросплетения буржуазии, Маркс неоднократно подчеркивал, что вне диктатуры пролетариата, без диктатуры пролетариата не может быть завоевано бесклассовое социалистическое общество. Так, еще в 1850 г. в заявлении редактору газеты «Neue Deutsche Zeitung» Маркс писал:

«В фельетоне, напечатанном в вашей газете от 22 июня с. г., вы упрекнули меня в том, что я отстаиваю господство и диктатуру рабочего класса, между тем как вы, наоборот, стоите за уничтожение классовых различий вообще. Я не понимаю этой поправки.

Вам хорошо известно, что в «Манифесте коммунистической партии» (опубликован до Февральской революции 1848 г.) на стр. 16 сказано: «Если пролетариат в борьбе против буржуазии необходимо объединяется как класс, путем революции становится господствующим классом и как господствующий класс насильственно уничтожает старые условия производства, то вместе с последними он уничтожает также и условия существования антагонизма классов, классы вообще, а тем самым и собственное классовое господство».

Вы знаете, что в «Нищете философии» я защищал до февраля 1848 г. эту же точку зрения против Прудона.

Наконец в той самой статье, которую вы критикуете (3-й выпуск «Новой рейнской газеты», стр. 32), говорится: «Этот социализм (т. е. коммунизм) есть не что иное, как объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата как необходимая переходная ступень к отмене всяких классовых различий, отмене производственных отношений, на которых покоятся эти различия, отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений»².

Или еще в своем письме в Вейдемейеру от 5 марта 1852 г., приведенном Лениным в его работе «Государство и революция», Маркс заявляет, что основное существо его (Маркса) работы «состояло в доказательстве следующее: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов, к обществу без классов».

Для Маркса было непреложной истиной, что уничтожение капиталистического общества возможно лишь через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата³.

² Июль 1850 г. К. Маркс. (Сочинения Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 7 и 8).

Характерно, что приведенный документ был тщательно скрыт вождами II интернационала, а затем и ренегатом коммунизма—Рязановым; опубликован только в 1932 г., после изгнания Рязанова из партии, из Института Маркса и Энгельса.

³ Построение бесклассового общества на основе диктатуры пролетариата великие учителя пролетариата Маркс и Энгельс выдвинули как идею; XVII конференция Всесоюзной коммунистической

Сказанное Марксом в письме к Вейдемейеру Лениным сопровождается следующей глубокой замечанием: «В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения рядовых и наиболее глубоких мыслителей и, во-вторых, суть его учения о государстве»... Ленин со всей силой подчеркивает дальше, что «кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики... Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата». В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма» (том XXI, стр. 391—392, цитирую по 2-му и 3-му изданию, в дальнейшем издании указано не будет. Подчеркнуто везде Лениным.—Л. Г.).

Мы не говорим уже о многочисленных высказываниях Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата в связи с Парижской коммуной (см. эти высказывания например у Ленина в «Государство и революция»).

Энгельс в 1891 г. (в период составления германской с.-д. Эрфуртской программы) считал нужным со всей силой подчеркнуть то значение, которое придавали Маркс и Энгельс диктатуре пролетариата и Парижской коммуне 1871 г. как прообразу этой диктатуры. Энгельс писал:

«В последнее время немецкий филистер опять начинает испытывать смертельный ужас при словах диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую коммуну. Это была диктатура пролетариата» (Энгельс, Введение к работе Маркса «Гражданская война во Франции», написанное в 1891 г.).

Для большевистской партии Ленина и Сталина, для ВКП(б) и Коминтерна как единственных продолжателей учения Маркса—Энгельса, диктатура пролетариата была, есть и будет коренным вопросом теории и практики большевизма вплоть до завершения построения коммунистического общества во всем мире.

партии большевиков поставила уже в качестве очередной задачи второй пятилетки завершение построения бесклассового общества в СССР на основе всемерного укрепления и развития диктатуры пролетариата.

Только на основе завоевания диктатуры пролетариата и ее всемерного укрепления и развития, как доказал уже пролетариат СССР, окончательно укрепившись на социалистическом пути, возможно построение социализма в одной стране и во всем мире. Поэтому программа нашей партии, программа Коминтерна ставят во главу угла вопрос о диктатуре пролетариата.

«Вопрос о диктатуре пролетариата есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах» (Ленин, т. XXV, стр. 431).

«Основным вопросом ленинизма, его отправным пунктом, его фундаментом является вопрос о диктатуре пролетариата» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 237, изд. 1930 г.).

Так обстоит дело с вопросом о диктатуре пролетариата у Маркса—Энгельса, а затем у их учеников и продолжателей дела Маркса и Энгельса, вождей пролетарской революции — у Ленина и Сталина.

Если после смерти Энгельса, находясь на пути сползания к оппортунизму, вожди германской с.-д. (они же в основном руководители II интернационала) постарались тщательно спрятать от рабочего класса высказывания Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата, то легко представить, с какой силой они уже в качестве полных ренегатов марксизма, в качестве вождей контрреволюционной с.-д. — социал-фашизма, пытались дискредитировать, развенчать диктатуру пролетариата и повести бешеную борьбу против нее после того, как она стала фактом на 1/6 части земного шара.

Матерый социал-фашист Каутский в своей книжке 1918 г. «Диктатура пролетариата» немало отравленной желчи пустил по адресу большевиков, по адресу диктатуры пролетариата в СССР. Вопреки всему сказанному у Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата Каутский с исключительным цинизмом «доказывает», что Маркс случайно обмолвился, обронил случайную фразу о диктатуре пролетариата, что большевики, превратив в основное программное требование диктатуру пролетариата, и тем более завоевав ее, — отошли, дескать, от марксизма⁴. Нет надобности спорить с контрреволюционерами.

⁴ Ту же линию, но с еще большим цинизмом продолжает Каутский в многочисленных своих контрреволюционных писаниях, в частности в вышедшей в 1929 г. «Der Bolschewismus in der Sache».

Социал-фашисты Каутский, Гильфердинг, Бауэр и К^о — весь этот «святейший синод» II интернационала — в послевоенный период со всей откровенностью классовых врагов рабочего класса прямо отрицают диктатуру пролетариата и ведут бешеную борьбу против нее.

Троцкизм, превратившийся в итоге своего развития в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведет свою борьбу против диктатуры пролетариата, против СССР с тех же позиций Каутского, прикрываясь флером всяческой демагогии. Троцкий и его единомышленники пытаются доказать, что в довоенный период, в частности в период революции 1905—1907 гг., идея диктатуры пролетариата была чужда большевизму, что тогда Ленин якобы не стоял за идею социалистической революции и диктатуры пролетариата и следовательно не ставил задач перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, что только в военный или даже послевоенный период Ленин встал на рельсы социалистической революции и диктатуры пролетариата, перевооружившись на основе троцкизма.

Вот один из «перлов» клеветы Троцкого на довоенный большевизм, на большевизм этапа 1905 и 1907 гг.:

Троцкий заявляет, что большевики «стояли в тот период (1905 г.) на точке зрения буржуазной революции и демократической республики... считаю, что моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна...» «Только благодаря тому, что большевизму удалось создать эту революционно-сколоченную организацию, оказался возможным столь быстрый поворот (имеется в виду 1917 г.—Л. Г.) от революционно-демократической позиции к революционно-социалистической». Или еще: «Под руководством Ленина большевизм совершил свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весной 1917 г., т. е. до завоевания власти».

Нет надобности спорить с контрреволюционером Троцким, автором галиматии о «повороте» большевизма со старых позиций на новые, о «перевооружении» большевизма. Достаточно привести несколько основных положений из различных работ Ленина, начиная с 1894 г., чтобы не осталось никакого следа от всей этой троцкистской контрреволюционной, клеветниче-

ской мазни. В том-то и дело, что знамя борьбы за диктатуру пролетариата после смерти Энгельса оказалось бы фактически свернутым, если бы Ленин не подхватил этого знамени.

Ленин был первый, кто правильно понял применительно к новой обстановке марксову идею перманентной (непрерывной) революции. Ленин не только правильно понял ее, но и развил дальше, работав на ее основе теорию перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Марксову идею перманентной революции постигла та же участь, что и идею диктатуры пролетариата. Если главная «заслуга» по замуровыванию марксовою идеи диктатуры пролетариата падает на долю ортодоксов II интернационала с Каутским во главе, то задача извратить, «испортить» марксову идею перманентной революции выпала на долю левых II интернационала (Парвус, и здесь же приложила руку Роза Люксембург). Они первые «изобрели» извращенную теорию перманентной революции. Из этого источника и почерпнул Троцкий в 1905—1907 гг. свою «теорию» перманентной революции и вместе с Парвусом сделал оружием борьбы против большевизма.

Тов. Сталин в 1924 г., разоблачая и высмеивая перманентников в кавычках, писал: «Идея «перманентной» революции не есть новая идея. Ее выдвинул впервые Маркс в конце 40-х годов в известном своем «Обращении» к «союзу коммунистов» (1850). Из этого документа и взята нашими «перманентниками» идея непрерывной революции. Следует заметить, что наши «перманентники», взяв ее у Маркса, несколько видоизменили ее и, видоизменив, «испортили» ее, сделав непригодной для практического употребления. Понадобилась опытная рука Ленина для того, чтобы выправить эту «ошибку», взять идею непрерывной революции Маркса в ее чистом виде и сделать ее одним из краеугольных камней своей теории революции» (Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 30—31, изд. 1930 г.).

Ленин уже в 1894 г. в первой своей крупной работе «Что такое «друзья народа» со всей силой поставил вопрос о коммунистической революции мирового рабочего класса, к которой должен пойти российский пролетариат, пройдя через буржуазно-демократическую революцию. «Русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит

абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции» (Ленин, т. I, стр. 194)

В этой работе Ленин подчеркнул, что борьба против самодержавия, его свержение — в буржуазно-демократической революции — есть лишь средство для перехода к развернутой борьбе за свержение буржуазии, средство для перехода к социалистической революции. «Борьба против всех этих учреждений (абсолютизм, реакционные сословия и учреждения) необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии. Осуществление общедемократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся—чисто демократическим по своей природе учреждением — капиталом» (Ленин, т. I, стр. 187. Последнее подчеркнуто Лениным).

Без пролетарской подлинно революционной партии немислима гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции, тем более немислима социалистическая революция, немислимо завоевание диктатуры пролетариата.

Не случайно поэтому с самого начала своей революционной деятельности в петербургском «Союзе борьбы» с 1894—1897 гг. и особенно в период «Искры» 1900—1903 гг. Ленин прежде всего боролся за создание боевой монолитной пролетарской партии, партии нового типа, не терпящей ни малейших признаков оппортунизма в своих рядах. Эта партия, идя под знаменем коммунистической революции и диктатуры пролетариата, в условиях царской России должна была провести пролетариат и его резервы прежде всего через буржуазно-демократическую революцию, с самого начала поставив перед собой задачу перерастания ее в революцию социалистическую, перейти к борьбе против капитализма, за пролетарскую революцию.

В 1901—1902 гг., продолжая борьбу за партию нового типа, борясь против международного оппортунизма в лице бернштейнианства, мильеранизма и российского оппортунизма — экономизма, Ленин со всей силой заостряет внимание рабочего класса на идее диктатуры пролетариата: «Бернштейнианство... развращало социалистическое сознание, олошля марк-

тивизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие постепенные реформы» (Ленин, Что делать, т. IV, стр. 374).

Вслед за этим в том же 1902 г. в борьбе против Плеханова и руководимых им «мягких искровцев», критикуя второй проект александровской программы, Ленин пишет: «Четыре основных недостатка пронизывают собой весь проект и делают его, на мой взгляд, совершенно неприемлемым... Место диктатуры пролетариата заняла «революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплуатации» и даже вместо классовой борьбы пролетариата вставлена «борьба трудящейся и эксплуатируемой массы» (Ленин, т. V, стр. 36).

Из предыдущего явствует, что благодаря Ленину программа РСДРП, принятая III парт'ездом в 1903 г. (в отличие от всех программ II интернационала), получила в разделе «максимум» точно сформулированную цель борьбы рабочего класса—диктатуру пролетариата как единственный путь борьбы за социализм и коммунизм.

Дальше, уже в момент революции в июле 1905 г. в своей работе «Две тактики», говоря о происходившей в России буржуазно-демократической революции, Ленин пишет: «Когда фактом будет не только революция, а и полная победа революции, тогда мы «подменим» (может быть при ужасных воплях новых будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т. е. полного социалистического переворота» (Ленин, т. VIII, стр. 119). «Пролетариат должен провести демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силу сопротивления самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силу сопротивления буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии. Главные задачи пролетариата» (Ленин, т. VIII, стр. 96, июль 1905 г.).

В 1908 г. Ленин с такой же решительностью и определенностью заявляет, что в буржуазно-демократической революции пролетариат будет участвовать не для того, чтобы создать буржуазный правопорядок и спокойно заседать в парламентах и в муниципалитетах буржуазии, а для того, чтобы, совершив буржуазно-демократическую революцию, перейти к социалистической революции.

«Пусть мещане спешат «вить себе гнездышко» в спокойных муниципалитетах будущей демократической России. Задачей пролетариата является организация масс не для этой цели, а для революционной борьбы за полную демократизацию сегодня, за социалистический переворот завтра» (Ленин, т. XII, стр. 292).

В 1915 г. в статье «О двух линиях революции» Ленин пишет: «Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, т. е. за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие непролетарских народных масс в освобождении буржуазной России от военно-феодалного «империализма» (царизма), и этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариатом Европы» (Ленин, т. XVIII, стр. 318).

В развитие этих своих принципиальных взглядов Ленин после победы Февраля с полной последовательностью (в своих апрельских тезисах 1917 г.) ставит перед пролетариатом задачу борьбы за власть рабочего класса и беднейшего крестьянства. Борьба за диктатуру пролетариата, т. е. борьба за переход от буржуазно-демократической Февральской революции к революции пролетарской, социалистической.

Перед самым Октябрем 1917 г. Ленин пишет: «Сотни раз доказывали и доказали большевики, что доказала и полугодовая история нашей революции, а именно, что выхода нет, объективно нет, не может быть кроме диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата» (Ленин, т. XXI, стр. 340. Подчеркнуто Лениным.—Л. Г.).

В октябре 1917 г. под руководством большевистской партии российский пролетариат завоевал диктатуру пролетариата. На

основе диктатуры пролетариата, ее всемерного укрепления уже завершён фундамент социалистической экономики; СССР окончательно укрепился на социалистическом пути, указывая тем самым путь борьбы рабочему классу всего мира, облегчая эту борьбу. Советский пролетариат под руководством коммунистической партии завершит построение социалистического общества во второй пятилетке.

Новой эпохе, эпохе империализма и пролетарской революции, соответствует новый этап в марксизме — ленинский этап. В этом новом этапе Ленин и Сталин развили и продвинули вперед все марксово учение о пролетарской революции и особенно о диктатуре пролетариата, о строительстве социализма на основе диктатуры пролетариата.

Совершенно очевидно, что учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, революционный марксизм—ленинизм, на всем пути своего развития идет под знаменем пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

Если же послушать некоторых наших «историков», вольно или невольно протаскивающих троцкистский хлам на страницы нашей печати, то выходит, что раньше был какой-то большевизм непролетарского типа, а видимо мелкобуржуазного, лишь с элементами пролетарского учения. Тов. Баевский например в одном из своих выступлений в Комакадемии заявил: «В ленинском наследии эпохи 1898—1907 гг. есть целый ряд элементов теории и тактики пролетарской революции» (см. об этом в «Большевике» № 22 за 1931 г.).

Действительная история большевизма-ленинизма вопреки всем фальсификаторам говорит о том, что большевистская партия с самого своего рождения борется за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата, за коммунизм.

Ленинизм — международное явление. Большевистская партия с первых дней своего существования во всей своей теории, стратегии, тактике и организации, во всей своей непримиримой борьбе со всеми разновидностями оппортунизма, — единственная пролетарская, до конца интернациональная партия; в отличие от довоенных партий II интернационала — партия нового типа. Ленинизм — знамя всех компартий Коммунистического интернационала, «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции»... «Теория и тактика

пролетарской революции вообще, диктатуры пролетариата в особенности» (Сталин).

ЛЕНИН О РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЕ И ПЕРЕРАСТАНИИ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПРОЛЕТАРСКУЮ В 1905—1907 гг.

Борясь за мировую пролетарскую революцию, Ленин воевал за диктатуру пролетариата. Однако борьба за пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата совсем не означала для Ленина, что в каждой капиталистической стране пролетариат должен начинать свою борьбу непосредственно с пролетарской революции.

Программа Коминтерна определяет несколько типов стран, в которых пролетариат в своей борьбе должен пройти различные ступени, прежде чем он завоеует диктатуру пролетариата:

«В современных условиях империализма, — говорится в Программе Коминтерна, — монополистического гниющего капитализма, кануна социалистической революции, международная революция пролетариата складывается из разномерных и разнородных процессов: непосредственно пролетарских революций, революций буржуазно-демократического типа, перерастающих в революции пролетариата (подчеркнуто мной. — Л. Г.), освободительных национальных войн, колониальных революций. Лишь в конечном счете революционный процесс приводит к мировой диктатуре пролетариата».

Как известно, в эпоху империализма мир вступил в конце XIX, начале XX столетия. «Для Европы, — пишет Владимир Ильич, — можно установить довольно точное время окончательной смены старого капитализма новым: это именно — начало XX века... 1860 и 1870 годы — высшая и предельная ступень свободной конкуренции... Монополии — лишь едва заметные зародыши. После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение, они еще непрочны. Они еще — переходящее явление. Подъем конца XIX века и кризис 1900—1902 гг.: картели становятся одной из основ хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм» (Ленин, т. XIX, стр. 85—86).

Не подлежит сомнению, что в эпоху империализма страны с высоким развитием капитализма, завершившие в основном путь буржуазно-демократических преобра-

зований, стоят непосредственно перед пролетарской революцией. В этих странах пролетариат должен драться за диктатуру пролетариата непосредственно. Но есть еще немало стран, где достигнут лишь средний уровень развития капитализма при значительных остатках крепостничества. В этой категории стран, вернее в части стран из этой категории (см. Программу Коминтерна), а также в странах со сравнительно низким уровнем развития капитализма пролетариату придется бороться сначала за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с тем, чтобы, завоевав ее, перейти ко второй революции — пролетарской революции — и завоевать диктатуру пролетариата.

«В одних из этих стран возможен процесс более или менее быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую; в других — типы пролетарских революций, но с большим объемом задач буржуазно-демократического характера». «Здесь, следовательно, диктатура пролетариата может наступить не сразу, а в процессе перехода от демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистической диктатуре пролетариата» (Программа Коминтерна, стр. 80—81, изд. 4-е. Гиз, 1928 г.).

В этой категории стран, говорит Программа Коминтерна, завоеванию диктатуры пролетариата должно предшествовать завоевание революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Вопрос о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, завоевывающейся под гегемонией пролетариата, о «будущем» этой диктатуры и есть гвоздь ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. «У революционно-демократической диктатуры, как и у всего на свете, есть прошлое и будущее. Ее прошлое — крепостничество, самодержавие, привилегия; ее будущее — борьба наемного рабочего за социализм» (Ленин).

Вся история революционной борьбы угнетенных классов с исчерпывающей полнотой доказала, что без завоевания диктатуры угнетенными классами не может быть победы над эксплуататорскими классами.

История всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым

главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре. Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революции или ничего не хочет знать в этой области» (Ленин, т. XXV, стр. 432).

Поэтому Ленин разрабатывает учение о гегемонии пролетариата, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства как составную часть учения о международной пролетарской революции, о диктатуре пролетариата.

Что такое революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства? Это преддверие диктатуры пролетариата; это союз пролетариата со всем крестьянством под гегемонией пролетариата в условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

«Формула, которую сами большевики избрали для себя, гласит: «Пролетариат, ведущий за собой крестьянство». Никакой другой формулы для выражения идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в резолюциях большевиков нет» (Ленин, т. XIV, стр. 38. Подчеркнуто мною.—Л. Г.).

Временное революционное правительство (советы), вся система советов на этапе буржуазно-демократической революции — органы революционно-демократической диктатуры, а не сама революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Для сведения некоторых товарищей подчеркиваем здесь, что как нельзя разрывать, так и нельзя смешивать понятий «временное революционное правительство» и «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Революционная демократическая диктатура — это не орган власти, не правительство⁵, а соотношение классовых сил. Временное революционное правительство — лишь орган революционно-демократической диктатуры.

Итак, ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию есть учение о завоевании революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства под гегемонией пролетариата, учение о переходе от революционно-демократи-

⁵ Во II томе «Истории ВКП(б)» по ред. т. Ярославского например на стр. 367 революционно-демократическая диктатура отождествляется с временным революционным правительством.

ской диктатуры пролетариата и крестьянства к пролетарской революции, к диктатуре пролетариата. Это учение вообще применимо, общезначительно для всех стран, стоящих в эпоху империализма прежде всего перед буржуазно-демократической революцией (см. Программу Коминтерна).

Между тем некоторые товарищи, например т. Кардашев, впадают в грубейшую ошибку, когда утверждают, что учение Ленина о революционно-демократической диктатуре пригодно лишь для «специфических русских условий».

«В этой сжатой формулировке заложены основные предпосылки ленинской теории революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства,—пишет т. Кардашев,—которая (теория революционно-демократической диктатуры) является вместе с тем и теорией перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в применении к конкретным условиям русской действительности» (Кардашев, Методологические основы проблемы перерастания, «Пролетарская революция» № 2—3, 1931 г., стр. 170. Последние слова подчеркнуты мною.— Л. Г.).

Можно было бы думать, что это обмолвка т. Кардашева, но это не так. В качестве вывода из своих рассуждений т. Кардашев записывает: «Таким образом теория революционно-демократической диктатуры есть переложение марксовской идеи перманентной революции на язык специфических русских условий» (там же, стр. 175. Подчеркнуто Кардашевым.— Л. Г.).

У Кардашева здесь не что иное, как скат к троцкистскому истолкованию ленинизма как «национально-ограниченного явления», давным-давно разоблаченному т. Сталиным, Кардашев видимо, не усвоил того, что Ленин и Сталин десятки раз указывали, и практика революционного движения во всех странах подтверждала и подтверждает, что «основные вопросы русской революции были и остаются основными вопросами международной революции»⁴.

⁴ Ниже будет показано, что Кардашев в вопросе о перерастании стоит на антиленинской позиции, когда выводит ленинскую линию на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую из борьбы двух путей — «русского» и «американского».

Как сказано выше, Ленин, борясь за победу социалистической революции в России и во всем мире, отдавал себе ясный отчет в том, что не во всех странах, в том числе и в России, пролетариат может начать дело непосредственно с завоевания диктатуры пролетариата. «Большевизм отстаивал,—пишет т. Сталин,—с 1905 г. идею союза рабочего класса с крестьянством при гегемонии пролетариата. Большевики утверждали, что дело надо вести к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства с тем, чтобы от революции буржуазно-демократической перейти немедленно к революции социалистической при обеспечении поддержки со стороны деревенской бедноты».

Царская Россия XIX столетия принадлежала к категории стран империалистических.

Но царская Россия в эпоху империализма была не только одной из империалистических стран, роль и место России в системе империализма заключались в том, что она «была узловым пунктом всех этих противоречий империализма» (Сталин), будучи в то же время в экономическом отношении позади передовых стран Европы, как Германии, Англии, Франции.

Имея уже к 1905 г. «сравнительно высокое развитие капитализма» (Ленин) «при очень высоком развитии капитализма во всем мире» (Ленин), царская Россия все же стояла прежде всего непосредственно перед буржуазно-демократической революцией, так как в ней еще очень сильны были остатки крепостничества. «Новейший капиталистический империализм (в России.— Л. Г.) оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» (Ленин, т. XIX, стр. 136).

Новейший капиталистический империализм в России, с его колониальным гнетом по отношению к нерусским национальностям переплетался с огромными остатками крепостничества (помещичье землевладение, крестьянская община, формально дожившая до 1905 г., круговая порука, выкупные платежи, «отработки», кабальная аренда-испольщина и т. д. и т. п. плюс сама государственная надстройка в лице самодержавно-полицейского аппарата, всякого рода модернизированные феодальные привилегии, господство церкви в деревне и т. д.), ибо при наличии все развивающегося капитализма в сельском хозяйстве все же так же

зывается «прусский путь» капитализма в сельском хозяйстве, на который встал помещик в период реформы 1861 г., — этот путь не победил к 1905 г., не одержал он победы и к 1917 г., хотя столыпинская реформа была вторым шагом по «прусскому пути». Не победил и так называемый «американский путь» капитализма в сельском хозяйстве, за который боролись мелкие товаропроизводители — крестьяне. Еще до революции 1905—1907 гг. имели место две социальные войны в России. Одна — против остатков феодализма, другая — против капитализма, против империализма. Одна — первоочередная война (против остатков крепостничества), где пролетариат ведет за собой все крестьянство, и вторая — против капитализма, где пролетариат идет уже против буржуазии городской и сельской, опираясь на беднейшее крестьянство, при нейтрализации середняка. «...две различных и разнородных социальных войны... — писал Ленин, — одна общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества» (Ленин, том VIII, стр. 255). Будучи узловым пунктом противоречий империализма, раздираемая этими противоречиями, царская Россия и представляла собой наиболее слабое звено в цепи империализма. В России в эпоху империализма и развернулась революция в первую очередь.

Франция представляла собой центральное звено революционного действия на заре капиталистической эры. В эпоху монополистического капитализма этот центр переместился в Германию, которая (середина XIX века) стояла накануне буржуазно-демократической революции, была больше всех других стран беременна буржуазно-демократической революцией. Германия являлась родиной марксизма⁷.

В эпоху империализма центр революционного действия перенесся в Россию, ибо здесь сконцентрировались в наиболее варварской форме все противоречия этой эпохи. Россия оказалась родиной ленинизма, родиной теории и тактики пролетар-

⁷ Небезынтересно отметить, что еще Маркс и Энгельс, анализируя ход мировой истории, обратили внимание на тот факт, что по мере развития капитализма и классовой борьбы центр революционного действия переместился с Запада на Восток — из Франции в Германию и дальше в Россию.

ской революции в эпоху империализма. (Сталин, Вопросы ленинизма, глава «Исторические корни ленинизма»).

Русский царизм был опорой реакции во всем мире. Разбить царизм — значило развязать мировую революцию. Все это придавало русской революции с первых ее дней международный характер.

«Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат... интересы царизма и западного империализма сплелись между собой и сливались в конце концов в клубок интересов империализма; отсюда следует, — говорит т. Сталин, — кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восставать и против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он на самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась с таким образом и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую... Революция в России не могла не стать пролетарской, она не могла не принять в первые же дни своего развития международный характер, она не могла таким образом не потрясти самую основу мирового империализма» (Сталин, Вопросы ленинизма).

Итак, в России противоречия империализма, дополняемые противоречиями остатков крепостничества, проявились резко всего. Капиталистическая эксплуатация дополнялась национальным гнетом, сливаясь в свою очередь с гнетом военно-феодалным.

Большевистская партия учитывала все эти особенности мировой обстановки и в соответствии с этим намечала свою стратегическую линию на буржуазно-демократическую революцию, ее перерастание в социалистическую революцию, на разжигание пожара революции во всем мире.

Россия должна была стать ареной первой революции в эпоху империализма вообще и пролетарской революции в особенности не только потому, что в этой стране было больше всего противоречий, но еще и потому, что эти противоречия породили в России самый революционный пролетариат, выкованную Лениным партию большевиков. На

основе самой революционной теории и практики пролетариат России сумел повести за собой резервы революции в лице крестьянства и угнетенных наций. Все это привело к тому, что российский пролетариат с самого начала эпохи империализма шел в авангарде всего революционного движения. Недаром Ленин еще в 1902 г. в «Что делать» говорил уже о международной авангардной роли русского пролетариата. Предвидение Ленина подтвердилось. Пролетариат народов России совершил в качестве авангарда мирового пролетариата три революции, первый в мире завоевал диктатуру пролетариата, в авангарде мирового пролетариата ведет борьбу за коммунизм.

Из примера победы пролетарской революции в России видно, что так называемые «слабые» экономические предпосылки в той или иной конкретной капиталистической стране в эпоху империализма, когда весь мир «созрел» для социалистической революции, не могут рассматриваться как препоны, как преграда к социалистической революции. Вне связи с этим вопросом и с вопросами о гегемонии пролетариата, о роли партии пролетариата в революции, о роли революционной активности восставших масс и вне связи со всем содержанием, со всем переплетом классовой борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства за социалистическую революцию нельзя говорить о так называемых экономических предпосылках. Тов. Сталин, говоря о предпосылках социалистической революции, разоблачает теорию довоенной социал-демократии: «Оппортунисты всех стран, если они и говорят для отвода глаз о победе пролетарской революции, то они говорят, что эта победа возможна только в капиталистических высоко развитых странах». Много трудов еще в довоенный период положил Ленин, чтобы разбить эту оппортунистическую теорию довоенного II интернационала. Опыт нашей революции доказал, что эта гнилая теория довоенных ортодоксов II интернационала не имела ничего общего с революцией.

«Цепь империалистического фронта,— пишет т. Сталин,— как правило, должна прорваться там, где звенья цепи слабее, и уже во всяком случае не обязательно там, где капитализм наиболее развит, где пролетариат столько-то процентов, а крестьян столько-то и т. д. Вот почему статистиче-

ские выкладки о процентном исчислении пролетарского состава населения в отдельной стране теряют то исключительное значение при решении вопроса о пролетарской революции, какое им придавали начетчики из II интернационала, не понявшие империализма и болящиеся революции, как чумы» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 27, изд. 1930 г.).

В то же время, имея в виду идеалистические попытки деборинской школки, нужно подчеркнуть, что как Ленин, так и Сталин не один десяток раз указывали, что нельзя заниматься вульгаризацией, нельзя игнорировать определенные объективные условия, без минимального наличия которых не может быть речи о социалистической революции.

Так, Ленин в заметках на книжку Бухарина «Экономика переходного периода» указал, что «без известного развития капитализма у нас ничего бы не вышло». На это же неоднократно указывал М. Н. Покровский, говоривший, что «диалектика, не считающаяся с объективными условиями, есть идеалистическая, а не марксистская диалектика».

Сила социалистической революции, возможность ее победы, так же как и демократической революции, перерастающей в социалистическую, определяются не только одними объективными и не только одними субъективными предпосылками внутреннего и международного масштаба, а диалектическим единством тех и других. Одних объективных возможностей, как бы они хороши ни были, мало. Чтобы превратить все эти возможности в действительность, нужны еще субъективные факторы. Нужна подлинно революционная, т. е. большевистская партия пролетариата — боевая революционная партия нового типа, не терпящая в своих рядах наличия буржуазной агентуры, которая только и в состоянии в ходе борьбы осуществить гегемонию пролетариата по отношению к его союзнику — крестьянству — и угнетенным национальностям. Такая партия играет решающую роль в революции.

Огромнейшую, а в период революционного вихря совершенно исключительную роль играют такие факторы революции, как потенциальные стихийные силы, скрытые в революционной, творческой активности восстающих масс, силы, организуемые партией пролетариата во всей многогранной руководящей деятельности ее:

организуя все эти силы, партия пролетариата отвоевывает массы из-под влияния всех соглашательских партий, организует единое руководство революцией, изолируя соглашателей от масс, нанося удары всем разновидностям оппортунизма и примиренчества к нему.

Партия организует победу пролетариата и всего крестьянства в буржуазно-демократической революции, присоединение крестьянской бедноты к пролетариату на этапе перерастания, самое перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию и обеспечивает победу социалистической революции. Без партии пролетариата не может быть гегемонии пролетариата. В эпоху империализма не может быть стихийной победы революции вообще, социалистической революции, завоевания диктатуры пролетариата в особенности, не говоря уже о социалистическом строительстве. Партия в период подготовки к социалистической революции организует городской и сельский пролетариат, ведет его на бой, выступая сама в авангарде всех боевых действий, организует революционную власть советов, вводит в русло стихийное революционное движение и использует размах творческих способностей восставших масс. Партия пролетариата как величайший субъективный фактор классовой борьбы пролетариата, сокрушая все соглашательские мелкобуржуазные партии, все разновидности оппортунизма, отесняя, ликвидируя все оппортунистические группировки, ведет пролетариат от победы к победе. Таков и только таков может быть ход победоносной революционной борьбы пролетариата и руководимых им резервов пролетарской революции.

Вся конкретная деятельность большевистской партии на всех ее этапах, в частности на этапе 1905—1907 гг. и тем более этапах двух революций 1917 г., есть блестящий образец такого рода революционной тактики. На основе своей стратегической установки (бей оппортунизм прежде всего «у себя дома» — в своей стране, в своей партии), большевики в 1903 г. провозгласили раскол с оппортунистами (меньшевиками), держа курс на разрыв, раскол с оппортунизмом во всем II интернационале.

Ортодоксы довоенного II интернационала ратовали за пролетарскую революцию лишь на словах. Они не жалели потоков слов за революцию в «чужой стране», но

для действительной подготовки и организации революции в «своей» стране (как впрочем, и в «чужой») они не ударили палец о палец. К этому сводился «интернационализм» довоенного II интернационала. Недаром же Каутский задолго до мировой войны писал: «Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры спокойнее можем предоставить будущему!» Интернационализм ленинской партии заключался и заключается прежде всего в том, что пролетариат каждой страны обязан делать все возможное, максимум возможного для победы революции в «своей стране», чтобы помочь делу международной пролетарской революции, помочь делу борьбы за мировую диктатуру пролетариата. Это — подлинный интернационализм. Так Ленин его и определяет:

«Тактика большевиков была правильной, была единственно интернациональной тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском «неверии» в нее... она была основана на правильном... учете европейской революционной ситуации. Эта тактика была единственно интернационалистической, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране для развития и поддержки, пробуждения революции во всех странах» (Ленин, т. XXIII, стр. 385).

На основе этой единственно интернациональной линии поведения большевики и считали, что и в 1905 г. нужно было добиться максимума того, чего возможно добиться было в одной стране. — победы буржуазно-демократической революции с тем, чтобы сейчас же начать переходить к социалистической революции и сделать все возможное для перенесения революции на Запад.

В России на очереди дня стояли две революции «как два звена единой цепи» (С т а л и н). Прежде всего буржуазно-демократическая революция. Революция 1905—1907 гг. и была буржуазно-демократической революцией, но она одновременно была и началом второй революции. Революция 1905—1907 гг. была буржуазно-демократической революцией нового типа, не типа прежних революций XVII, XVIII и первой половины XIX столетий — эпохи зари и расцвета капитализма. — а она представляла собой буржуазно-демократическую революцию эпохи империализма, эпохи умирающего капитализма. Она, как указано было выше, происходила в усло-

виях «очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России». Поэтому такая революция, являясь «буржуазно-демократической (или как Ленин подчеркивал, крестьянской) революцией по социальному содержанию», одновременно с этим была уже революцией «пролетарской по средствам борьбы» (Ленин, т. XIX, стр. 348). Такая буржуазно-демократическая революция, совершающаяся под гегемонией пролетариата, во главе с пролетарской партией нового типа, революция «пролетарская по методам борьбы», самым фактом своей победы давала все условия для немедленного перерастания в революцию социалистическую.

В первой (буржуазно-демократической) революции завоевать революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. во второй революции—диктатуру пролетариата,—в этом и заключался общий стратегический план большевизма в 1905 г.

Раз на очереди дня как непосредственная задача стояла буржуазно-демократическая революция, то само собой понятно, что подробнее всего и совершенно конкретно разрабатывалась первая часть стратегического плана революции, т. е. плана нанесения головного удара самодержавию с установкой на немедленное перерастание победившей буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию.

Вторая часть стратегического плана—нанесение второго стратегического головного удара второму противнику—буржуазии— в 1905—1907 гг. была разработана менее подробно. Поскольку же в 1905 г. первая, т. е. буржуазно-демократическая, революция не победила, постольку в дальнейшем на очереди дня осталась у большевиков вплоть до победы Февральской революции первая часть стратегического плана. После победы Февраля на очередь дня встала задача реализации второй части большевистского стратегического плана, т. е. социалистической революции, которая установив пролетарскую диктатуру в Октябре 1917 г., попутно, мимоходом завершила задачи буржуазно-демократической революции.

Каковы те внутренние данные, внутренние силы, на которые должны были в 1905—1907 гг. опереться прежде всего первая, а затем и вторая революции?

В эпоху империализма в капиталистической стране, да еще сравнительно высоко развитой, в буржуазно-демократической революции буржуазия фактически исключается из списка движущих сил буржуазно-демократической революции.

«Если наша революция буржуазна по своему социальному содержанию, то откуда нельзя делать вывод о руководящей роли буржуазии в нашей революции, о буржуазии как движущей силе ее. Такой вывод, обычный у Плеханова и меньшевиков, есть оплошенье марксизма, карикатура на марксизм» (Ленин, т. VII, стр. 235).

Почему же невозможна ни руководящая роль буржуазии ни роль буржуазии как движущей силы в буржуазно-демократической революции нового типа?

«Победа буржуазной революции у нас невозможна как победа буржуазии ит. это кажется парадоксальным, но это факт» (Ленин). «Сознательность социалистического пролетариата, идущего рука об руку с международной армией социалистического пролетариата в Европе, крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискации помещичьих земель, вот какие обстоятельства бросили русский либерализм гораздо сильнее, чем европейский, в объятия контрреволюции». Эти строки написаны Лениным в мае 1906 г. (т. VII, стр. 206). В марте 1905 г. Ленин писал: «Антагонизм пролетариата и буржуазии у нас гораздо глубже, чем в 1789, 1848, 1871 гг., поэтому буржуазия будет больше бояться пролетарской революции и скорее бросится в объятия реакции» (Ленин, т. VII, стр. 132).

Пролетариат как гегемон буржуазно-демократической революции, как ее руководитель и передовой боец ведет за собой все крестьянство, а также и угнетенные народы. Но не просто ведет все крестьянство на этапе буржуазно-демократической революции, не заботясь о дальнейшей судьбе революции, нет. Ведет его, организуя в то же время бедноту, организуя сельский пролетариат. Вот как Ленин ставит этот вопрос в своей работе «Пересмотр аграрной программы»:

«Мы поддерживаем крестьянское движение до конца, но мы должны помнить, что это движение другого класса, не того, который может совершить и совершит социалистический переворот». А поэтому: «Чем ближе подходит дело к победе крестьянского восстания, тем ближе поворот

крестьян-хозяев (т. е. кулаков. — Л. Г.) против пролетариата, тем нужнее самостоятельная пролетарская организация, тем энергичнее, настойчивее, решительнее и громче должны мы звать к полному социалистическому перевороту» (Ленин, т. IX, стр. 73).

Исходя из этого, «нас,—пишет Ленин,—интересует всецело (и после победы крестьянского восстания почти исключительно) вопрос: что делать сельскому пролетариату?»

Мы ответим на этот вопрос, коренной вопрос новой буржуазно-демократической России: пролетариат сельский должен самостоятельно организоваться вместе с городским для борьбы за полный социалистический переворот» (Ленин, т. IX, стр. 73).

Итак, в борьбе за победу буржуазно-демократической революции и тем более при ее победе, при победе революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, рабочий класс под руководством своей партии организует пролетарские и полупролетарские слои деревни для совершения второй революции—социалистической революции, для завоевания диктатуры пролетариата. Пролетариат с беднотой при нейтрализации середняка проиграв буржуазии, городской и сельской, совершает социалистическую революцию при сочувствии и поддержке угнетенных народов.

Вот как рисовал Ленин в 1905—1907 гг. основные, сиречь внутренние, силы первой и второй революций. В первой революции интересы пролетариата в борьбе за свержение самодержавия, за уничтожение всех остатков крепостничества «совпадали», по выражению Ленина, с интересами всего крестьянства. В этой революции пролетариат, парализуя неустойчивость буржуазии, мог победить лишь только на основе его союза со всем крестьянством, ведя в то же время линию на приближение к себе беднейшего крестьянства. Временное «совпадение» интересов пролетариата со всем крестьянством давало возможность завоевать революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства представляет собой временное соотношение классовых сил в ходе и при победе буржуазно-демократической революции. «Силой, способной одержать решительную победу над царизмом, может быть только народ, т. е. пролетариат и крестьянство... Решительная по-

беда революции над царизмом есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (Ленин, т. VIII, стр. 62, подчеркнуто Лениным. — Л. Г.).

И дальше:

Газета «Вперед» говорила точно, в чем состоит реальная возможность удержать власть в своих руках, — в революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, в их совместной массовой силе, способной перевесить все силы контрреволюции, в их неизбежном совпадении интересов относительно демократических преобразований» (Ленин, т. VI, стр. 83—84).

Будучи подлинными интернационалистами, большевики, как сказано выше, исходили из того, что революция может быть успешной лишь тогда, когда пролетариат под руководством партии будет действовать «полагаясь гораздо более на борьбу самого народа, чем на благоприятные международные осложнения, более на войну внутреннюю, чем на войну внешнюю» (так писала большевистская газета «Пролетарий» от 1 сентября 1905 г.). Нельзя забывать, того, что партия большевиков шла в авангарде пролетариата, возглавлявшего в 1905—1907 гг. буржуазно-демократическую революцию эпохи империализма, эпохи умирающего капитализма. Внутренние силы такой буржуазно-демократической революции резко выросли в лице пролетариата в сравнении с буржуазно-демократическими революциями доминирующей эпохи. Плюс к этому в окружающих Россию странах пролетариат уже представлял собою мощную силу, готовую к социалистической революции, это делало мировой пролетариат резервом революции в России. «Франция конца XVIII в эпоху буржуазно-демократической революции, — писал Ленин, — была окружена гораздо более отсталыми полуфеодальными странами, которые служили резервом реставрации, а Россия начала XX в. в эпоху своей буржуазно-демократической революции окружена гораздо более передовыми странами, в которых есть социальная сила, способная стать резервом революции» (Ленин, т. VII, ч. 1-я, стр. 192—193).

Революционное движение социалистического пролетариата на Западе, а не «государственная поддержка» с его стороны, рассматривалось Лениным как дополнительное условие для успешного перерастания буржуазно-демократической револю-

ции в пролетарскую, а его победа — как абсолютная гарантия победы самой пролетарской революции в России. В этом смысле Ленин и говорил: «Мы, как авангард, начнем, а западный пролетариат закончит».

Итак, победу как демократической, так и социалистической революций в 1905—1907 гг. Ленин планировал на учете прежде всего внутренних сил. Во главу угла победы революции Ленин ставил так называемую относительную гарантию победы, относительную гарантию от реставрации (опирающуюся на внутренние революционные силы страны под руководством большевистской партии), которая в свою очередь облегчала и приближала гарантию абсолютную — победу мировой революции. «По Ленину, революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России» (Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 191, изд. 2-е, 1930 г.).

Исходя из всех внутренних и международных условий эпохи империализма, Ленин и ставил задачу немедленного перерастания буржуазно-демократической революции 1905 г. в революцию социалистическую. Ленин не ставит никакой «китайской стены» между буржуазно-демократической и социалистической революциями.

«От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы не остановимся на полпути. Мы стоим за непрерывную революцию» (Ленин, т. VII, стр. 186). Давая линию на перерастание, Ленин борется на два фронта, прежде всего против правых оппортунистов, против меньшевиков, отрицавших борьбу пролетариата за перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую, ставивших «китайскую стену» между буржуазно-демократической и социалистической революциями, на деле ратовавших за буржуазную революцию с гочки зрения задач буржуазии. Одновременно с этим Ленин борется против «леваков», против какого бы то ни было забега вперед, против какого бы то ни было перепрыгивания, против забвения первоочередных, хотя временных задач пролетариата, задач буржуазно-демократической революции. Ленин в 1905 г. пишет:

«Социал-демократ никогда и ни на минуту не должен забывать о неизбежной классовой борьбе пролетариата за социализм...

Но из этого смешно и реакционно было бы выводить забвение, игнорирование или пренебрежение насущных по отношению к настоящему, хотя и переходящих, временных задач. Борьба с самодержавием—временная, переходящая задача социалистов, но всякое игнорирование или пренебрежение этой задачей равносильно измене социализму и услуге реакции. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть безусловно лишь переходящая, временная задача социалистов, но игнорирование этой задачи в эпоху демократической революции прямо реакционно (Ленин, т. VII, стр. 85).

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое—самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия... Ее будущее—борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм» (Ленин, т. VIII, стр. 84—85).

Таким образом первый этап борьбы (буржуазно-демократическая революция) нужно пройти, чтобы от него можно было сейчас же, немедленно, перейти к другому этапу (социалистической революции), ибо: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть безусловно лишь переходящая, временная задача социалистов, но игнорировать, забывать ее нельзя».

Исходя из этого принципа, Ленин в 1905 г. дает такое указание пролетариату, борющемуся под руководством большевиков за диктатуру пролетариата:

«Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешевой популярностью, мы можем сказать и говорим лишь одно: мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы тем легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической» (Ленин, т. VIII, стр. 187).

Для Ленина победа социалистической революции (не говоря уже о демократической), как сказано выше, решалась диалектическим взаимодействием объективных и субъективных факторов революции, где решающая роль принадлежала пролетарской партии. От ее правильного руководства, правильного осуществления на деле гегемонии пролетариата, от ее маневренной способности в боях и т. д. зависела организация сил революции, организован-

ный разворот борьбы, и вопрос победы решался в последнем счете силой классов, выступавших в борьбе под руководством пролетарской партии. Именно эти силы и нужно было организовать и привести в движение. «Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает в последнем счете только сила, и мы должны заботиться о подготовке организации этой силы и активном, наступательном употреблении ее» (Ленин, «Две тактики»).

Основным критерием зрелости пролетариата к победе в демократической, а затем и социалистической революции было то, насколько пролетариат, возглавляемый партией большевиков, сумеет повести за собой резервы революции: в первой революции — все крестьянство при опоре на крестьянскую бедноту, во второй — крестьянскую бедноту при нейтрализации середняка.

«Если бы мы (большевики) не могли опереться, кроме пролетариата, и на крестьянство в борьбе за республику и демократию, тогда дело удержания власти было бы безнадежно... (речь идет о буржуазно-демократической революции). А если оно небезнадежно, если решительная победа над царизмом открывает такую возможность, тогда мы должны указывать на нее, активно звать к ее превращению в действительность» (Ленин, т. VIII, стр. 84).

«Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупнейших промышленных центров... писал Ленин в 1918 г., — не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана «незрелость» России для социалистической революции... тогда революция не вышла бы за пределы буржуазно-демократической революции» (Ленин, т. XXIII, стр. 394).

Стремясь к завоеванию диктатуры пролетариата, Ленин в 1905 г., как сказано выше, давал общий стратегический план двух революций. Однако значит ли это, что Ленин разрывает эти две революции? Нет, Ленин не разрывает их. Ленин мыслит эти две революции — буржуазно-демократическую и социалистическую — как два этапа единого революционного потока, как два звена единой цепи. Для Ленина эти две революции — живая жизнь, а не мертвая схема. Они не могут быть смешиваемы в одну кучу, но и не могут быть разорваны, так как первая перерастает во вторую, вторая, походя, мимоходом, довершает задачи первой.

Исследуя вопросы о преемственности, о «единстве» двух революций, Ленин еще в 1905 г. давал указания партии: «Разве можно отрицать, что в истории отдельные частные элементы того и другого (буржуазно-демократического и социалистического переворота.—Л. Г.) переплетаются? Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще много и много доделать в смысле демократизма?» (т. VIII, стр. 85). В свете этих указаний Ленина и надо решать вопрос о его взглядах 1905 г. — о завершении буржуазно-демократической революции, в частности вопрос о национализации земли на этапе буржуазно-демократической революции Ленин, стало-быть, и в 1905 г. считал, что не обязательно после свержения самодержавия сначала полностью завершить демократические преобразования вплоть до ликвидации всех и всяческих остатков крепостничества и лишь потом драться за победу социалистической революции.

Сказанное выше отнюдь не значит, что в 1905 г. Ленин, исходя из интересов будущей социалистической революции, не призывал партию и пролетариат драться прежде всего за полное завершение буржуазно-демократической революции — «чем полнее будет демократический переворот, тем скорее, шире, чище, решительнее развернется эта новая борьба» (Ленин, т. VIII, стр. 118).

«При условии завоевания республиканской национализация всей земли как возможный максимум буржуазно-демократического переворота, как естественный и необходимый шаг вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм» (Ленин, т. IX, стр. 72).

Ленинское указание 1905 г. блестяще подтвердилось в октябре 1917 г. Октябрьская пролетарская революция, делая свое основное дело, — завоеывая диктатуру пролетариата, — попутно в качестве побочной задачи доделала все то, что не решила Февральская буржуазно-демократическая революция. Поэтому в 1918 и 1921 гг. уже на основе опыта Октября в борьбе против контрреволюционной социал-демократии Ленин еще и еще раз подтверждает свои мысли, высказанные в 1905 г. о нераздельности буржуазно-демократической и социалистической революций, о невозможности искусственно отгораживать первую от второй.

«Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хиллквиты, Лонге, Макдональды, Турати и «прочие герои» 2½-го «марксизма» не сумели понять... соотношение между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революцией. Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удастся второй перерастить первую» (Ленин, т. XXVII, стр. 26). «Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделять друг от друга чем-либо иным, кроме степени объединения его (пролетариата. — Л. Г.) с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опощение ст., замена либерализмом» (Ленин, т. XV, стр. 508—509, изд. 1-е).

В 1905 г. было необходимо прежде всего победить царизм, достичь революционно-демократической диктатуры. Это последнее открывало возможность немедленного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, так как «месяцы революционной диктатуры пролетариата и крестьянства сделают больше, чем десятилетия мирной отупляющей атмосферы политического застоя» (Ленин, т. VII, стр. 202).

Завоеванная революционная демократическая диктатура дает такие преимущества пролетариату в его борьбе, при которых за несколько месяцев он шагнет так, как не может шагнуть в течение целых десятилетий, так как при революционно-демократической диктатуре он мобилизует десятки миллионов бедноты. С какой целью мобилизует эти миллионы? Разумеется, для социалистической революции.

О ТРОЦКИСТСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ⁸

Полного своего развития троцкистская теория и практика «перманентной революции», вместе с ее носителем и прокламатором Троцким, достигла тогда, когда превратилась в передовое оружие контрреволюции. Начало же применения этой теории и практики лежит в оппорту-

⁸ Известно, что изобретателями извращенной теории перманентной революции были левые на Западе (Парvus и Роза Люксембург); Троцкий подхватил их «теорию» и сделал ее орудием борьбы против ленинизма.

⁹ «Исключение из правила» в этом отношении составляет троцкизм 1917—1927 гг. В этот период троцкизм (троцкисты) была фракцией коммунизма.

Порвав организационно (хотя и временно) с меньшевизмом, свернув временно свои антиболь-

нистической, антипролетарской деятельности меньшевиков в период перед революцией и в революции 1905—1907 гг.

Теория и тактика перманентной революции Троцкого неотделимы от меньшевизма⁹. Троцкий в 1905 г., так же как в 1907 году, не переставал скучить о том, что пролетариат, очутившись у власти, моментально потеряет эту власть, так как он вступит в неразрешимые противоречия с крестьянством, что крестьянство задавит пролетариат при содействии международной реакции, и т. д.

Отрицание гегемонии пролетариата, возможность руководства крестьянством со стороны пролетариата, отрицание в дальнейшем на этой основе диктатуры пролетариата в СССР (как и отрицание социалистического характера нашей Октябрьской революции), отрицание возможности победы социализма в СССР, борьба за интервенцию против СССР—вот этапы развития троцкистской теории и тактики «перманентной революции». Путь Троцкого, за вычетом его временного пребывания в компартии, есть путь типичного меньшевика.

В чем видели свое призвание меньшевики в революции 1905—1907 гг.? В революции 1905—1907 гг. все меньшевики как отряд международного оппортунизма (Троцкий как их «левая» разновидность в том числе), и бессознательно, и сознательно выполняя социальный заказ русской и международной буржуазии, принимали все меры к тому, чтобы затормозить, сорвать дело развертывания буржуазно-демократической революции в России, чтобы не дать пролетариату и руководи-

шевицкие взгляды, подчиняясь решениям большевистской партии. Троцкий (троцкисты) были приняты в ряды большевиков.

Последнее совсем не значит, что Троцкий (троцкисты) стали тем самым действительными коммунистами, действительными большевиками. Вся борьба троцкистов с 1917 по 1927 г. за свое влияние в партии со всей очевидностью говорит о том, что троцкизм (троцкисты) в этот период перманентно колебались в сторону меньшевизма. Колебания троцкистов в сторону меньшевизма наиболее обострились при каждом новом повороте партии и в конечном счете привели Троцкого и его единомышленников (Каменев—Зиновьев) к открытой фракционной борьбе против партии и Коминтерна, начавшей перерастать в контрреволюцию; XV съезд партии положил предел этой борьбе. Окадавшись выброшенным из ВКП(б) и Коминтерна, Троцкий вернулся к меньшевикам. Причем в своей контрреволюционной деятельности не только догнал своих меньшевистских белоэмигрантских собратьев, но и обогнал их, встав в их первые ряды по борьбе против СССР.

тому им крестьянству одержать решительную победу над самодержавием, чтобы не допустить в конечном счете прерывания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, т. е. социалистическую, чтобы не дать разжечь пожар мировой революции. С этой целью меньшевики прежде всего выдвинули теоретическое обоснование об отсталости России и недопустимости в ней социалистической революции. В качестве же практического «лозунга» своей работы меньшевики пустили в обращение некий жупел в виде страшных слов о неизбежности реакции или реставрации в случае решительной революционной борьбы и победы пролетариата. Достаточно привести два-три примера, чтобы показать эту работу меньшевиков.

1. Уже в 1904 г. в «Плане» земской кампании новой «Искры» вожди меньшевика запугивают рабочих пугалом реакции, меньшевики обрушиваются на российский пролетариат за его попытки начать решительные действия против самодержавия в виде уличных демонстраций, разгромов полицейских участков и т. д.

Меньшевики по поводу решительной пролетарской тактики заявляют: «Мы впади бы в основную ошибку... Такая тактика скомпрометировала бы социал-демократию потому, что превратила бы всю нашу политическую кампанию в рычаг для реакции».

2. Тогдашний меньшевик Мартынов в «Двух диктатурах» вновь выступает с пугалом реакции. Женевская конференция меньшевиков отрицает решительную борьбу пролетариата—вооруженное восстание—под тем же предлогом реакции. Кавказские меньшевики развивают эту же идею в своих писаниях (см. у Ленина в «Двух тактиках» разоблачения по этому вопросу).

3. На IV съезде главный патриарх российского отделения международного меньшевикства Плеханов оперирует все тем же пугалом реставрации, пугалом реакции.

«Проект Ленина¹⁰, — говорит Плеханов,—тесно связан с утопией захвата власти революционерами, и вот почему против него должны высказаться те из вас, которые не имеют вкуса к этой утопии... Что такое демократическая республика, к кото-

рой мы теперь стремимся? Это—буржуазная республика. И я думаю, что если бы мы твердо и решительно усвоили себе этот взгляд, то мы не так легко вдавались бы в идеализацию захвата власти». Подытоживая свое выступление на IV съезде, Плеханов заявляет: «Ключ моей позиции заключается в указании на возможность реставрации» (Плеханов т. XV, стр. 70, 73, 75).

Словом, от первых шагов революции до ее зенита (декабрь 1905 года) и тем более после поражения декабрьского восстания меньшевики по существу только тем и занимаются, что с пугалом реакции в руках дезорганизуют дело революции. суют палки в колеса революции.

Какое место в этой меньшевистской работе занимает Троцкий со своей пресловутой теорией? В деле разложения, дезорганизации рядов пролетариата он играет одну из первых ролей. Троцкий, как и все меньшевики, спешит убедить российский пролетариат в беспечности, в бесполезности его борьбы, ибо все равно ничего не выйдет, так как «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты» («Наша революция» стр. 278, «1905»).

В статье «Итоги и перспективы» Троцкий вновь пытается запугать, дезорганизовать российский пролетариат, отбить у него охоту бороться за перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

«Русский пролетариат, — пишет Троцкий,—оказавшись у власти... встретит организованную вражду со стороны мировой реакции... представленный своим собственным взглядом, рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него». Ся неверие и отчаяние, Троцкий продолжает в то же время фразерствовать насчет мировой революции. «Ему, русскому пролетариату, ничего другого не остается, как связать судьбу своего политического господства с судьбой социалистической революции в Европе... Колоссальную государственную политическую силу... он обрушит на чашу весов классовой борьбы всего капиталистического мира. С государственной властью в руках, с

¹⁰ Речь идет о проекте аграрной программы. — Л. Г.

контрреволюцией за спиной, он бросит своим собратям во всем мире старый призывной клич, который будет на этот раз кличем последней атаки:¹¹ «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Троцкий «1905», стр. 80).

Приведенная здесь революционная фраза Троцкого о мировой революции есть не что иное, как словесное драпри, «прикрывающее архиреволюционными фразами архипортунистическую практику» (Лен. сб. 2, стр. 313).

Итак, по Троцкому, у российского пролетариата нет спасения от контрреволюции, от реакции. «Контрреволюция спереди» — в лице мировой реакции, «контрреволюция сзади» — в лице крестьянства. В итоге словесный призыв к мировой революции, а на деле — фактический отказ от революции. Ибо как для победы революции, так и для закрепления ее победы (до прихода мировой революции) нужны прежде всего внутренние революционные силы в самой стране. Их-то, по Троцкому, и нет; так как нет руководства крестьянством со стороны пролетариата, нет гегемонии пролетариата, то нет победы революции в России, а потому «нельзя сомневаться ни минуты», что российский пролетариат, как указывал Троцкий, будет раздавлен.

Такова общая объективная линия антиреволюционной работы отряда международного оппортунизма-меньшевизма (Троцкого в том числе) как агентуры русской и международной буржуазии, воевавшего против развертывания революции в России, под предлогом неизбежности ее поражения, под предлогом реакции, реставрации.

Ленин, ведя пролетариат в бой, показывает классовую суть меньшевистской тактики, вскрывает истинный смысл меньшевистского воя о неизбежности реакции. Уже в 1904 г. в своей работе «Земская кампания и план «Искры» Ленин показывает, что разговоры новой «Искры» о ре-

¹¹ Похоронную мелодию для пролетарской революции Троцкий продолжает в 1915 г. и в 1917 г. В книжке «Программа мира», изданной в 1915 г. и переизданной перед Октябрем 1917 г., Троцкий пишет: «Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок к борьбе в других странах, а если бы этого не произошло, то безнадежно думать — так свидетельствуют и опыт истории, и теоретические соображения, — что например революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы»...

акции или о «рычаге для реакции» есть не что иное, как «пугало», нарочито созданное меньшевиками по заказу буржуазии.

«Не успел еще, — писал Ленин в 1904 г., — революционный пролетариат нанести ни одного серьезного удара царскому самодержавию в такой момент, когда оно особенно явно колеблется и когда серьезный удар особенно необходим, особенно полезен и может оказаться решающим ударом, а нашлись уже социал-демократы, бормочущие о рычаге для реакции. Это уже не только путаница, это прямая пошлость. И редакция (новой «Искры». — Л. Г.) договорилась до этой пошлости, сочинив себе специально из разговоров о рычаге для реакции сугубо грозное пугало». «Пугаясь уличных листов, — пишет дальше В. И., — пугаясь всего, что идет дальше цензурной конституции, господа либералы всегда будут бояться лозунга «демократическая республика» и призыва к вооруженному всенародному восстанию. Но сознательный пролетариат отвергнет с негодованием самую мысль о том, чтобы мы могли отказаться от этого лозунга, от этого призыва, чтобы мы могли вообще руководиться в своей деятельности паникой и страхами буржуазии» (Ленин, т. VII, стр. 7—9).

Борясь на два фронта, Ленин не устает прежде всего разоблачать меньшевиков. Все статьи и прежде всего «Две тактики» а также речи Ленина, решения III съезда Таммерфорской конференции заострены против меньшевистской работы по дезорганизации революции. На IV съезде (1906 г.) Ленин вновь и вновь показывает, что, бормоча о неизбежности поражения революции, о неизбежности реакции, реставрации, меньшевики на протяжении всей революции прокламируют сделки с реакцией. В этом — гвоздь их политики, гвоздь их тактики.

Ибо «под видом гарантии от реставрации или от реакции у Плеханова выходит из его программы сделка с реакцией» (Ленин, т. XI, стр. 191).

А весь ларчик меньшевистской премудрости — от Плеханова — Дана — Мартынова до Троцкого, с его перманентной революцией, открывался, как мы видели выше, плехановским «ключом», борьбой против революции на основе ссылки на неизбежность реакции.

Поэтому, подытоживая в 1906 г. основное содержание линии меньшевизма (общей всем разновидностям, в том числе и троцкистской), Ленин пригвозждает меньшевиков к позорному столбу, так как доказывает, что истинное лицо этой линии есть лицо буржуазное, кадетское.

Ленин говорит: «Ссылка на отсутствие гарантии от реставрации есть политическое оружие буржуазии против пролетариата» (подчеркнуто Лениным.—Л. Г.). «В этой борьбе,—продолжает дальше В. И., — философы и политики буржуазии неизбежно хватаются за исторические доводы, за примеры прошлого. В прошлом же всегда было так, что надували рабочих, что даже после победы революции являлась реставрация — значит и не может быть иначе, как говорит буржуазия, естественно стремясь ослабить веру русского пролетариата в свои силы и в силу европейского социализма. Обострение политических противоречий и политической борьбы ведет к реакции, поучает рабочих буржуа, — значит нужно притуплять эти противоречия: чем рисковать реакцией после победы, лучше не драться за победу, а войти в сделку с реакцией» (Ленин, т. VII, стр. 196, изд. I-е).

Притуплять классовые противоречия, пугать рабочих реакцией, тормозить дело революции, совать палки в колеса революции, срывать революцию — вот в чем объективная сущность политической линии всего меньшевизма русского и международного, в том числе и троцкизма как разновидности меньшевизма с его теорией перманентной революции в 1905 г., как агентур русской и международной буржуазии в рядах пролетариата¹².

Итак, троцкистская теория перманентной революции — органически неразрывная часть русского и международного меньшевизма.

Как известно, в революции 1905—1907 гг. Троцкий представлял так называемую «левую» разновидность меньшевизма. Троцкий изображал себя так, что он «не меньшевик и не большевик», а «революционный социал-демократ». В действительности же Троцкий стоял обеими нога-

¹² Недаром, вспоминая борьбу с оппортунизмом в России с 1903 г., Ленин в 1911 г. писал: «Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные либеральные взгляды» (Ленин, т. XV, стр. 10).

ми на меньшевистской позиции, был мажорным меньшевиком, но в интересах разделения труда между оппортунистами он прикрывал меньшевизм трескучей левой фразой.

Такой род оппортунизма известен был в довоенный период под названием центризма — наиболее подлый вид оппортунизма. В России эту разновидность являл собой Троцкий.

В 1907 г. на Лондонском съезде Ленин прямо определяет Троцкого как центриста.

«Несколько слов о Троцком. Он говорил от «центра», он выражал взгляды Бунда. Он громил нас за высшение нами «неприемлемой» резолюции... Когда Троцкий говорил: «Ваша неприемлемая резолюция мешает провести наши верные мысли», в крикнул ему: «Дайте же в вашу резолюцию!» Троцкий ответил: «Нет, сначала снимите свою».

Неправда ли, хорошая позиция «центра»? (Ленин).

Высмеивая беспринципность центриста Троцкого, Ленин иронически замечает: «Почему вы не провели своей резолюции, спросят нас на местах. Потому что на нее обиделся центр и отказался по обиде от изложения своих принципов!! Это не принципиальная позиция, а беспринципность центра» (Ленин, т. XI, стр. 241—242).

Блестящее, необычайно яркое разоблачение центристской методологии Троцкого дает Ленин в 1911 г. на следующем дальнейшем этапе Троцкого. Приведем здесь целиком это место из Ленина. Разоблачая центристские приемы Троцкого, Ленин писал:

«Приемы, которые пускают в ход люди, вроде Троцкого, кричащие о «соглашении» и о своей вражде к ликвидаторству, приемы эти известны слишком хорошо: громче кричать, что мы-де «не большевики, не меньшевики, а революционные с.-д.», усердно божиться и клясться, что мы враги ликвидаторства и горой стоим за нелегальную РСДРП, изо всех сил ругать тех, кто разоблачает ликвидаторов гг. Потресова и К^о, называть антиликвидаторов «раздувающими» вопрос, ни слова не говорить против определенных ликвидаторов гг. Потресова, Мартова, Левицкого, Дана, Ларина и т. д.». Продолжая разоблачение Троцкого, Ленин пишет:

«Реальное значение подобных приемов очевидно. Посредством фразы прикрываются действительные ликвидаторы и де-

гаются всяческие попытки мешать работе антиликвидаторов. Точь в точь подобную попытку проводило известное в истории РСДРП своей беспринципностью «Рабочее дело»; оно боялось и влялось, что мы-де вовсе не экономисты, что мы вполне за политическую борьбу, а на деле прикрывало «Рабочую мысль» и экономистов, всю борьбу направляя на тех, кто разоблачал экономистов и опровергал их¹³.

Отсюда ясно, что Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, гг. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группу Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства» (Ленин, т. XV, стр. 217—218).

Левизна на словах у определенного отряда оппортунистов при общей открытой меньшевистской линии капитуляции перед буржуазией приносила и приносит еще больший вред, чем открытая оппортунистическая линия обычного оппортунизма, в тех условиях меньшевизма. Эта «левизна» есть давно известный рабочему классу способ разделения труда в лагере оппортунистов, это—один из приемов удерживать до поры до времени массы от перехода их на сторону единственно революционной партии большевиков. Это—хорошо известный метод, практикуемый издавна даже самой буржуазией в целях отвлечения масс от революции. Это—метод одурачивания масс, широко практикуемый в данный период социал-фашистами II интернационала и даже национал-фашистами. В частности последние пускают в ход слово «социализм», разглагольствуют о национализации банков, ходят на демонстрации в рабочих блузах и с красными знаменами (с фашистским значком — свастикой) и т. д.

На известных этапах истории, когда буржуазии становится «невозмогу», когда революция назревает или уже наносит удар за ударом по эксплуататорскому миру, в случае надобности даже «проститутки буржуазного либерализма», — по выражению Ленина. — и те «пытаются напяливать на себя тогу революционности».

¹³ Заметим кстати, что детоическое централизация в России Ленин ведет здесь во времена «Рабочего дела» — 1899—1903 гг.

Тем более меньшевики (от них же первый сестя Троцкий) не без успеха пользовались этим самым методом левой фразы.

«Революция становится фактом. — писал Ленин в августе 1905 г., — для признания революции не требуется уже быть революционером. Мы присутствуем при высокопоучительном и высоко комическом зрелище. Проститутки буржуазного либерализма пытаются напяливать на себя тогу революционности. Освобожденцы — *liberati tenentis amici*» — освобожденцы начинают говорить от имени революции! Освобожденцы начинают уверять, что они «не боятся революции» (Струве в № 72 «Освобождения») (!!!). Освобожденцы выражают претензию стать во главе революции (!!!). Это чрезвычайно знаменательное явление... даже буржуазия начинает чувствовать, что выгоднее становиться на почву революции — до того распатано самодержавие» (Ленин, т. VI, изд. 1-е стр. 391—392).

Искусный буржуазный прием — пустить в оборот «левую» фразу, попытаться на ее основе забрать под свое влияние рабочих с тем, чтобы отвести их от революции, свести на-нет их борьбу. На эту линию по существу вступил Троцкий в 1905—07 гг.

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ ГАРАНТИЯХ ПОБЕДЫ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1905—07 гг.

Под относительной гарантией победы социалистической революции в России Ленин понимал победу ее в самой России, победу, разжигающую пожар мировой революции. Под абсолютной гарантией победы социалистической революции в России Ленин понимал победу социалистической революции на Западе.

Относительная гарантия победы социалистической революции, по Ленину, уже в 1905 г. покоится на внутренних силах. Но значит ли это, что большевизм впадает в какую-то национальную ограниченность, что большевизм отгораживается от мировой социалистической революции? Ничуть не бывало. Так могут думать о большевиках только представители классового врага. Победившая революция, в данном случае в России, при революционной ситуации на Западе закладывает начало победы интернациональной революции, рав-

¹⁴ Положимте вместе, друзья! — Л. Г.

жигает революционную борьбу мирового пролетариата и угнетенных народов колоний. Россия была узловым пунктом противоречий империализма; российский пролетариат в эпоху империализма имел единственно революционную партию рабочего класса, партию нового типа — большевистскую партию. Только тот ссылается и уповает прежде всего на силы мировой революции, кто не верит в победу социалистической революции вообще, кто ничего общего не имеет с интернациональными задачами пролетариата, кто против победы пролетариата, кто помогает буржуазии. «История знает немало социалистов, — говорит т. Сталин, — которые с пеной у рта требовали от рабочих партий других стран самых что ни на есть революционных действий. Но это еще не значит, что они не пасовали в своей собственной партии или в своей собственной стране перед своими оппортунистами, перед своей буржуазией» (Сталин).

Если большевики в 1905 г. ставили задачу немедленного перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, то значит ли это, что большевики рассчитывали на легкое и простое решение этой задачи в условиях 1905 г.? Ничуть не бывало. Большевики отдавали себе ясный отчет, какие большие трудности нужно было преодолеть для решения этой задачи. Совершенно ясно, что в России 1905 г. было труднее, чем в России 1917 г., совершить буржуазно-демократическую революцию и тем более социалистическую революцию, ибо к 1917 г., как указывает Ленин, в последующий период капитализм ушел дальше по сравнению с 1905 г., значительно сильнее обострилась вся система противоречий мирового империализма (мировая война 1914—1918 гг. — тому красноречивое доказательство); трудности буржуазно-демократической, тем более социалистической революции, Ленин осознавал яснее ясного и предупреждал товарищей: «Было бы непозволительным оптимизмом забывать о тех трудностях (написано в июле 1905 г.), которые связаны с вовлечением в движение массы не только рабочего класса, но и крестьянства». Но есть ли трудности — неисполнимость? «Но трудность не есть неисполнимость, — писал Владимир Ильич, — важна уверенность в правильном выборе пути и эта уверенность усиливает во сто крат революционную энергию и революционный энтузиазм, способные совершать чудеса» (Ленин, т. VIII, стр. 96). Задача заклю-

чалась не в капитуляции перед трудностями, а в том, как в этих трудных условиях преодолеть все трудности на пути победы буржуазно-демократической революции, на пути ее перерастания в пролетарскую революцию. И Ленин этот единственно правильный путь перерастания указал: это — путь революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, путь гегемонии пролетариата, путь перерастания. Поэтому, писал Ленин, «... речь идет не о трудностях задачи, а о том, на каком пути искать и добиваться ее решения. Речь идет не о том, легко или трудно сделать размах революции могучим и непобедимым, а о том, как поступать следует для усиления этого размаха. Расхождение касается именно основного характера деятельности, самого направления ее. Мы подчеркиваем это потому, что невнимательные и недобросовестные люди слишком часто смешивают два различных вопроса: вопрос о направлении пути, т. е. выборе одного из двух различных путей, и вопрос о легкости осуществления цели или близости ее осуществления на данном пути» (т. VI, стр. 96). Ленин неоднократно подчеркивал словами Маркса, что было бы очень легко творить историю, если бы можно было иметь заранее 100 проц. шансов на успех.

В условиях 1905 г. Ленин не выдвигал еще тезиса о возможности победы социализма в одной стране.

Однако наличие революционной ситуации на Западе Ленин считал достаточным даже в обстановке 1905 г. для победы социалистической революции в России, не дожидаясь победы западного пролетариата. Учение о возможности победы социализма в одной стране, как уже упоминалось выше, Ленин выдвинул и обосновал в 1915 г. в ряде работ, особенно в статьях «О лозунге Соединенных штатов Европы», «О брошюре Юниуса» и др. наряду с разработкой учения о законе неравномерности капиталистического развития в эпоху империализма¹⁵. Подготовительные же этапы разработки Лениным этого учения следует отнести к периоду 1905 г., поскольку тогда уже ставилась Лениным задача немедленного перехода буржуазно-демократической революции к социалистической революции.

Ленин не догматически, не талмудически подходил к вопросу о перерастании.

¹⁵ Это не значит, что Ленин не разрабатывал вопросов империализма в предшествующий период.

Завоевать демократическую диктатуру в 1905 г., затем сообразовать наши действия целиком с интернациональными задачами партии пролетариата, стоящей за полную победу социалистической революции и диктатуры пролетариата, — такова была задача пролетариата. В соответствии с этим Ленин в июле 1905 г. определял:

«У нас будут, коли доживем до настоящей победы революции, новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса» (подчеркнуто мною.—Л. Г., Ленин, т. VI, стр. 338 по 1-му изд.).

Ибо «марксизм не догма, а руководство к действию», теория для большевиков вырастает из практики, как и обратно, «теория должна отвечать на вопросы практики» (Ленин).

При всем этом нужно ударить (как это уже сделала «Правда» от 12/II 1932 г.) по вульгаризаторским попыткам отдельных историков, вроде некоторых товарищей из ленинградского комвуза, которые, не понимая величайшей заслуги Ленина в деле разработки теории пролетарской революции, новой постановки вопроса о возможности победы социализма в одной стране (проделанной Лениным в 1915 и в последующие годы), пытаются, неведомо по каким соображениям, доказывать, что Ленин уже в 1905 г. поставил вопрос о победе социализма в одной стране. Нет надобности спорить по этому вопросу, так как всем известно, что Ленин это сделал в 1915 г. (см. речи т. Сталина на XV всесоюзной конференции, на VII пленуме ИККИ).

Указанные товарищи просто не понимают диалектики истории, хотят представить ленинизм без движения, в стационарном, застывшем виде; эти товарищи забыли, что «не идти вперед — значит быть отброшенным назад» (Ленин), они забыли, что ленинизм, будучи единым, последовательным на всех своих этапах, непрерывно развивается.

После письма т. Сталина немало разоблачено попыток троцкистских контрабандистов протаскивать троцкистский хлам в нашу историческую литературу, также немало раскритиковано всякого рода ошибок у отдельных большевистских историков, льющих своими ошибками воду на мель-

ницу контрреволюционного троцкизма¹⁶.

Больше всего попыток скомпрометировать большевизм троцкистские контрабандисты делали по линии фальсификации истории большевистской партии в части извращения ленинского стратегического плана 1905 г. с тем, чтобы, отвергнув большевистскую линию 1905 г. на немедленное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, затем утвердить «переворужение» большевизма в 1917 г. Глубоко прав т. Каганович, когда говорит:

«Открыто под флагом троцкизма выступать теперь трудно, масс не завоеешь, капитала не наживешь. Выступать надо под другими знаменами, лозунгами, тезисами, формулировками. Надо поставить под сомнение последовательность ленинской большевистской теории, чтобы опорочить нашу практику осуществления генеральной линии партии. Оппортунизм пытается поэтому пролезать сейчас в наши ряды, прикрываясь, примазываясь, прикрашиваясь, ползая на брюхе, пытается проникнуть в щели и в особенности пытается влезть через ворота истории нашей партии» (Каганович, За большевистское изучение истории партии, стр. 26).

Водой на троцкистскую мельницу являются и работы т. Кардашева. Наряду с отдельными правильными положениями работы т. Кардашева в корне извращают ленинизм, ибо ленинскую диалектику подменяют эклектикой. Так, правильно подчеркивая, что Ленин в революции 1905—1907 гг. (и до нее) ставит задачу перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, т. Кардашев в то же время пишет:

«Темп перерастания революции 1905 г. мыслился Лениным более замедленным, нежели в 1917 г. Эта относительная замедленность темпа перерастания революции 1905 г. обуславливалась тем, что не обходим был промежуток времени, в течение которого должны были быть устранены с исторического пути русской буржуазно-демократической революции элементы «азиатчины», тормозившие процесс ее перерастания в революцию социали-

¹⁶ За недостатком места мы не сможем здесь повторять все эти разоблачения и критику. Отсылаем товарищей прежде всего к №№ 22, 23—24 «Большевика» за 1931 г., №№ 1—2, 11—12 за 1932 г.; «Правды» за 30 XII 1931 г., 17/IV 1932 г., «Борьбе классов» № 2—3 за 1932 г. и т. д.

экономическую, поскольку нужно было дать ВЫЗРЕТЬ внутриклассовым противоречиям, зарождающимся на очищенной от средневековой капиталистической основе¹⁷ (см. журнал «Пролетарская революция» № 2—3, 1931 г., Кардашев. «Методологические основы проблемы перерастания», стр. 182).

Комментарии излишни. Тов. Кардашев извратил здесь не только ленинскую методологию перерастания, но извратил до основания всю историческую действительность России, нарисовал Россию не XX столетия, а по крайней мере Россию одного-двух столетий назад. Сколько бы отговорок ни написал Кардашев в своей статье, приведенное место, извращая ленинскую позицию 1905—1907 гг., помогает протаскивать троцкистский тезис «о перевооружении» большевизма в 1917 г.

Не понимая того, что основой основ исторического процесса эпохи империализма является борьба двух антагонистических классов — пролетариата и буржуазии, — где пролетариат, как гегемон борьбы, во главе с компартией, борется за диктатуру пролетариата (или непосредственно за диктатуру пролетариата или проходя сначала этап буржуазно-демократической революции — революционно-демократической диктатуры), Кардашев запутался настолько, что в недавнем своем литературном выступлении договорился до «прямой отго-бауэровщины. Договорился до того, что в так называемом «американском» капиталистическом пути развития усмотрел путь социалистический; и что достаточно только несколько расширить рамки буржуазно-демократического переворота, чтобы стать тем самым на «столбовую дорогу непосредственного социалистического строительства» — без диктатуры пролетариата.

«Таким образом, — пишет Кардашев, — в ленинском учении о двух путях — «прусском» и «американском» — необходимо различать также и третий путь — социалистический. Этот третий — социалистический путь — содержится уже неявно, в зародышевом виде, во втором, демократическом «аме-

¹⁷ Оказывается, только еще зарождающимся?! Но еще не существующим? Выходит, что в России 1905 года еще не было классовых противоречий капиталистического общества?! Мудрено ли после этого отрицать меньшевикам перерастание? Какое же тут перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, если только еще зарождаются, но не родились классовые противоречия капиталистического общества!! — Л. Г.

риканского» пути» (журнал «Молодой большевик» № 3—4, 1932 г.). Развивая свою мысль Кардашев пишет:

«В меру роста силы, сознательности и боевой активности пролетариата, ведущего за собой крестьянство, расширить рамки буржуазно-демократического переворота, выйти за их пределы на столбовую дорогу непосредственно социалистического строительства. Такова диалектика соотношения классовых сил в эпоху незавершенной буржуазно-демократической революции, совершающейся в условиях империализма» (там же, стр. 51, подчеркнуто мной. — Л. Г.).

Нужно ли доказывать, что здесь нет ни грана ленинизма, что здесь — явная клевета на Ленина, скат с позиций ленинизма?

Чтобы покончить с критикой, остановимся еще на выступлении т. Юдовского.

Тов. Юдовский развивал в одном из своих выступлений такую точку зрения, что для победы пролетарской революции тем лучше, чем меньше развит капитализм, чем меньше в частности дифференцировано крестьянство.

«Чем в меньшей степени крестьянство будет дифференцировано в момент пролетарской революции, — говорит т. Юдовский, — тем меньше мы допустим, чтобы крестьянство опустилось на дно (?? — Л. Г.), тем в большей степени будет обеспечена возможность для пролетарской революции».

Отсюда т. Юдовский делает неправильный вывод, что «в 1905 г. мы в деревне имели условия перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, не менее благоприятные, чем в 1917 г. даже, я сказал бы, более благоприятные. Почему? А потому именно, что накануне 1905 г. наша деревня была менее дифференцирована, чем в 1917 г.».

Тов. Юдовский смешал здесь в одну кучу два различных вопроса: вопрос о победе пролетарской революции в капиталистической стране с вопросом о некапиталистическом пути развития отсталых колониальных стран к социализму при могущественнейшей поддержке стран диктатуры пролетариата (см. по этому вопросу тезисы Ленина II конгрессу Коминтерна по аграрно-колониальному вопросу и IV раздел Программы Коминтерна).

Тов. Юдовский, в угоду должно быть добрынской идеалистической школке развивает упорство, достойное лучшего при-

менения. Юдовский настаивает: «Поэтому утверждаю, что чем меньше деревня дифференцирована к моменту пролетарской революции, тем для пролетариата выгоднее, для самой пролетарской революции выгоднее, ибо пролетариат в деревне не встречает сопротивления» (все выдержки взяты из книги «Труды I всесоюзной конференции историков-марксистов», т. I, стр. 139, речь т. Юдовского).

Нет надобности повторять все приведенные выше указания Ленина, что пролетариат в его борьбе за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата может идти лишь с бедной, с полупролетариатом, который, как и сам пролетариат, создавался в результате дифференциации крестьянства. Это разумеется не значит, что рабочий класс капиталистических стран эпохи империализма (тем более сейчас, когда на $\frac{1}{6}$ части земного шара пролетариат окончательно упрочился на социалистическом пути) должен ждать какой-то исключительной, всеобъемлющей дифференциации крестьянства по принципу «чем больше, тем лучше» и лишь потом начинать социалистическую революцию; так и не значит, что пролетариат, скажем Америки, должен приходить в ужас от наличия дифференцированного крестьянства. Вся соль вопроса, как известно, по Ленину и Сталину, заключается в том, насколько пролетариат под водительством большевистской партии на пути к пролетарской революции сумеет подчинить своему влиянию беднейшее крестьянство, насколько основательно рабочий класс сумеет руководить этим беднейшим крестьянством, сумеет повести его за собой на пролетарскую революцию как свой основной резерв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Троцкий и всякого рода троцкистские контрабандисты и фальсификаторы истории большевизма много положили трудов на то, чтобы скомпрометировать большевизм в глазах рабочего класса всего мира прежде всего тезисом о «переворужении» большевизма — тезисом «разбольшевичивания большевизма» в апреле 1917 г.

Все эти попытки как Троцкого, так и его агентуры терпели неизбежное поражение, ибо попытаться доказать, что большевизм не боролся в 1905 г. за перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую, что большевизм в довоенный период не боролся за диктатуру пролетариата, невозможно, а это и есть пол-

ный провал разговоров о «переворужении».

В 1917 г. в феврале и в октябре были реализованы на расширенной основе те задачи, которые были поставлены большевиками в революции 1905—1907 гг.

В феврале 1917 г. пролетариат, крестьянство и угнетенные национальности под гегемонией пролетариата свергли самодержавие. Руководство большевистской партии в Февральской революции, как и реализация большевистского плана свержения самодержавия, плана первого этапа революции на пути к социалистической революции, совершенно очевидно. Только люди из классово враждебного лагеря могут утверждать иное. Только люди, сознательно или бессознательно льющие воду на мельницу контрреволюционного троцкизма, меньшевизма, от них же Шляпников есть первый, не могут не замечать этих фактов и жевать троцкистскую жвачку о «переворужении» большевизма.

Уже в 1918 г. Ленин раз'яснил, что, совершая Февральскую, а затем и Октябрьскую революцию, большевики, руководя пролетариатом, осуществляли свои задачи 1905 г. «Запутанный Каутским вопрос о соотношении буржуазно-демократической и социалистической революции, — писал Владимир Ильич, — большевики уже в 1905 г. раз'яснили полностью. Да, революция наша буржуазная, пока мы идем вместе с крестьянством как цельм. Это мы яснее ясного сознавали. сотый и тысячный раз с 1905 г. говорили...» «...Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала мы вместе со всем крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (поскольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе со всеми эксплуатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богачей, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической».

«Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской бедной, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом» («Пролетарская революция и ренегат Каутский», Ленин, т. XV, изд. 1-е, стр. 508—509).

Или например в работе от 1920 г.: «Особенное значение имеет, если говорить о теории, программа РСДРП, составленная в 1902—1903 гг.», указывает Ленин. «Вопрос о диктатуре пролетариата поставлен в этой программе ясно и определенно, притом поставлен именно в связи с борьбой против Бернштейна, против оппортунизма. Но самое важное значение имеет конечно,—продолжает Ленин,—опыт революции, т. е. в России опыт 1905 г. Три последние месяца этого года—октябрь, ноябрь и декабрь—были периодом замечательно сильной, широкой, массовой революционной борьбы,—периодом соединения двух наиболее могучих приемов борьбы—массовой политической стачки и вооруженного восстания... Первый раз во всемирной истории была достигнута такая высота развития и такая сила революционной борьбы, что вооруженное восстание выступило в соединении с массовой стачкой, этим специфическим пролетарским оружием. Ясно, что этот опыт имеет мировое значение для всех пролетарских революций». Это значение вырастает тем более, что «те основные вопросы (советская власть и диктатура пролетариата), которые занимают теперь внимание сознательных рабочих во всем мире, оказались поставленными практически в конце 1905 года» (Ленин, т. XXV, стр. 431—432). Так ставит вопрос Ленин о преемственности революций 1905 и 1917 гг.

Если все основные вопросы революции 1917 г. были поставлены уже в революции 1905 г., если разговоры о «переворужении»—контрреволюционная клевета, то можно ли отсюда сделать вывод, что ничего нового не было в большевистской ориентации, в тактике в революциях 1917 г. по сравнению с революцией 1905 г.?

Ответить положительно на этот вопрос—значит власть в непростительное упрощенство. До такого упрощенства и докатились некоторые товарищи, справедливо раскритикованные «Правдой» в ряде статей, в частности в статье т. Попова Н. от 17/IV 1932 г.

Основной стержень большевистского общего стратегического плана как в 1905, так и в 1917 гг. был разумее всего один и тот же: совершить буржуазно-де-

мократическую революцию, драться за ее перерастание в социалистическую революцию, совершить последнюю и завоевать диктатуру пролетариата, держа курс на всех этих этапах на разжигание пожара революции на Западе и Востоке.

Однако это совсем не значит, что в 1917 г. у большевиков не было ничего нового. Не видеть нового в 1917 г. по сравнению с 1905 г.—это и есть упрощенство, это и есть огридание истории большевизма¹⁸.

Во-первых, ушел дальше мировой империализм, противоречия его обострились до крайних пределов (мировая империалистическая война), ушло дальше рабочее движение. Поэтому Владимир Ильич определял в 1917 г., что «революция в России неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905—1907 годах». Ибо после революции 1905 г. прошел уже известный этап. Кроме того «война причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический» (Ленин, т. XXI, стр. 233). В частности «значение империалистической войны,— писал т. Сталин,—состоит между прочим в том, что она собрала все эти противоречия (противоречия империализма.—Л. Г.) в один узел и бросила их на чашу весов, ускорив и облегчив революционные битвы пролетариата» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 8, изд. 9-е, 1931 г.).

Новое у большевиков, если говорить в широком смысле слова, определялось тем, что в порядке дня стоял вопрос о возможности победы социализма в одной стране. Если же говорить в узком смысле слова о плане перерастания 1917 г., то новое в нем определилось в первую очередь тем, что в феврале 1917 г. большевистский лозунг 1905 г. революционно-демократической диктатуры как основного условия борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую

¹⁸ Тов. Сталин, указывая на развитие большевизма, подчеркивает, что «Ленин не знал еще в 1905 г. советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата Ленин знал еще в 1905 г., что отдельные советы являются зачатком революционной власти в период свержения царизма. Но об объединении в государственную форму диктатуру пролетариата он еще не знал тогда. Республику советов как государственную форму диктатуры пролетариата Ленин открыл лишь в 1917 г.» (Сталин, Об оппозиции, стр. 520).

осуществлялся не совсем обычно, он осуществлялся своеобразно.

«Большевицкие лозунги и идеи,—писал Ленин весной 1917 г.,—в общем вполне подтверждены историей, но конкретно дела сложились иначе, чем мог кто бы то ни было ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее». Большевицкая формула революционно-демократической диктатуры осуществилась, но «жизнь,—пишет В. И. в апреле 1917 г.,—ввела ее из царства формул в царство действительности, облекла ее плотью и кровью, конкретизировала и тем самым видоизменила».

В чем же оригинальность осуществления большевицкого лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Оригинальность и своеобразие в том, что возникло так называемое «двоевластие». В этом—оригинальность: революционно-демократическая диктатура (советы) возникла наряду с установившейся диктатурой буржуазии (временное буржуазное правительство).

«Существует рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, добровольно отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее» —писал Ленин в марте 1917 г. (т. XX, стр. 102).

Не отменило ли это своеобразие общий большевицкий стратегический план всей картины революции как революции, состоящей из двух неразрывных этапов,—двух звеньев одной цепи буржуазно-демократической революции и социалистической революции, как рисовал эту картину Ленин в 1905 г. Нет, не отменило, а наоборот, подтвердило. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, осуществившись весной 1917 г. в лице советов, диктовала необходимость борьбы за вторую, т. е. за пролетарскую революцию как начало и предпосылку мировой социалистической революции. Поэтому Ленин еще в первом письме «Издаю» указывал: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась в русской революции, ибо эта «формула» предвидит лишь соотношение классов, а не конкретное политическое учреждение, реализующее это соотношение, это сотрудничество. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов — вот вам уже осуществленная жизнью революционно-демократическая

диктатура пролетариата и крестьянства».. «На очереди дня уже иная, новая задача»... (Ленин, т. XX, стр. 101).

Своеобразие Февраля — двоевластие — диктовало необходимость новой ориентировки партии. Партия большевиков уже до приезда Ленина из-за границы осознавала необходимость борьбы за новую революцию, поскольку эта задача всегда стояла в плане большевицкой партии. Тех, кто не хотел этой новой борьбы, — борьбы за перерастание, — кто стоял на меньшевицких позициях, большевики исключили из партии еще в марте, как перерожденцев: (Севрук, Войтинский), а против тех, кто подписывал Севрукам и Войтинским, т. е. против Каменева, большевиками велась уже борьба до приезда Ленина¹⁹.

По поводу задачи—двигать дальше революцию, двигать ее по пути перерастания в социалистическую революцию, т. Сталин уже 14 марта 1917 г., т. е. за 18 дней до приезда Ленина, обращаясь к рабочим Ленинграда и Москвы в «Правде», писал: «Удержать завоеванные права для того, чтобы добить старые силы и вместе с провинцией двинуть дальше русскую революцию, — вот какова должна быть задача столичного пролетариата».

Здесь же т. Сталин указывает: «Укрепить... советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с центральным советом рабочих и солдатских депутатов как органом революционной власти народа,— вот в каком направлении должны работать революционные социал-демократы».

Из приведенного видно, что партия большевиков до приезда Ленина стояла на правильной позиции, шла к новой ориентировке. В то же время нельзя было решить в один присест все вопросы, вставшие в связи с двоевластием. Старая большевицкая линия 1905 г. на немедленный переход от буржуазно-демократической революции не исходила

¹⁹ Перед Октябрем, как известно, на позицию Каменева скатился и Зиновьев, в силу чего тогда уже ставился Лениным вопрос об исключении их обоих из большевицких рядов.

Штрейкбрехерская работа перед Октябрем, борьба против партии в блоке с Троцким в 1925—27 гг. (в результате «временное» исключение из рядов ВКП(б) XV съездом — через полгода были приняты в партию вновь) и, наконец, поддержка контрреволюционной группы Рютина — Галкина (1932 г.) поставили Каменева и Зиновьева последним решением ЦКК — окончательно вне рядов ВКП(б).

из «двоевластия». Февральская же революция дала «двоевластие». Февральская революция хотя и «зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции (так как завоевала уже революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.—Л. Г.), но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства» (Ленин).

Империалистическая сущность временного правительства была ясна для подавляющего большинства партии большевиков с самого начала его возникновения. Об этом ясно говорят места, приведенные выше из работ т. Сталина. Что поддерживать это правительство было нельзя — это партия понимала. Но партия понимала также, что временное правительство невозможно было сразу свергнуть, ибо оно было связано с советами. В этих новых условиях нужна была новая ориентировка партии, которую и дал Ленин в своих знаменитых «Апрельских тезисах».

«Старая платформа прямого свержения правительства,—разъяснял т. Сталин,—теперь уже не отвечала действительности. Теперь уже нельзя было идти на немедленное свержение правительства, связанного с советами, ибо кто хотел свергнуть тогда временное правительство, тот должен был свергнуть и советы. Но нельзя было также вести политику поддержки временного правительства, ибо это правительство являлось правительством империализма. Нужна была новая ориентировка партии. Немудрено, что большевики, разбросанные царизмом по тюрьмам и ссылкам и теперь только получившие возможность съехаться с разных концов России для выработки новой платформы, не смогли в один присест разобраться в новом положении. Немудрено, что в поисках новой ориентировки партия остановилась тогда на полдороге в вопросах о мире и о власти советов. Понадобились знаменитые «Апрельские тезисы» Ленина для того, чтобы партия смогла одним взмахом выйти на новую дорогу» (Сталин. На путях к Октябрю).

Только контрреволюционные троцкисты и меньшевистские клеветники и их подголоски типа Шляпникова могут говорить о том, что партия большевиков до приезда Ленина стояла на рельсах поддержки временного правительства и оборончества, не выдвигая перед собой задачи борьбы за

перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

В сложном переплете классовой борьбы (двоевластие) большевистской партии в целях выполнения большевистского общего старого стратегического плана (борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую, борьбы за завоевание диктатуры пролетариата) нужна была новая ориентировка. Эта новая ориентировка и была дана Лениным в его знаменитых «Апрельских тезисах», определивших суть «двоевластия», соотношение классовых сил в России и на международной арене, наметивших конкретный план перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в условиях 1917 г., ставящих непосредственную задачу создания коммунистического интернационала и борьбы за мировую социалистическую революцию.

Партия большевиков, стоя на ленинских позициях, потому так быстро и приняла апрельские тезисы Ленина, несмотря на сплошной вой всех разрядов меньшевиков как в России, так и на международной арене, несмотря на то, что Плеханов например назвал сумасшествием ставить в России задачу борьбы за социалистическую революцию.

Апрельские тезисы Ленина были для большевиков не какой-то «взорвавшейся бомбой», как изображает это дело Троцкий, а за ним и все троцкистские фальсификаторы, не отходом от прежних позиций большевизма, не каким-то новым общим стратегическим планом большевизма, не «переворужением», не разбольшевичением большевиков, а новой ориентировкой в новых условиях борьбы, конкретизирующей и развивающей дальше то, что в 1905 г. большевизм выразил следующими словами: «Когда фактом будет не только революция, но и полная победа революции, тогда мы «подменим» (может быть, при ужасных воплях со стороны будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры, т. е. полного социалистического переворота».

Нужно ли после этого доказывать, что троцкистская клевета о перевооружении большевизма в 1917 г. не имеет ничего общего с действительностью?

Большевики в 1917 г. в феврале и октябре, изолируя соглашательские партии, борясь на два фронта, реализовали на расширенной основе то, что Ленин намечал в 1905 г. Нужно ли доказывать после это-

го, что большевизм един в своем развитии? Не ясно ли, что всякие попытки отделить большевизм довоенный от большевизма послевоенного по самой своей сути контрреволюционны от начала до конца. Ленин и большевистская партия были верны себе всегда и не отступали от основных принципов большевизма. Ленин стоял на точке зрения диктатуры пролетариата с самого зарождения большевизма. Ленин вел партию, пролетариат по линии борьбы за диктатуру пролетариата, за мировую социалистическую революцию. Партия и пролетариат СССР под руководством Ленина и Сталина во главе с ленинским ЦК продолжают борьбу за дело Ленина, борьбу за полную победу социализма на основе диктатуры пролетариата, борьбу за мировую пролетарскую революцию, борьбу за победу коммунизма во всем мире.

Теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую с ее основной идеей гегемонии пролетариата — революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства под гегемонией пролетариата есть развитие марксовской идеи перманентной революции, есть одна из важнейших органических частей ленинского учения мировой пролетарской революции, этого международного пролетарского учения эпохи империализма и пролетарской революции.

В условиях всеобщего кризиса капиталистической системы на современном его этапе, когда под ударами мирового экономического кризиса гигантски обострились все внутренние и внешние противоречия умирающего капитализма, когда капитализм чреват новой империалистической войной и интервенцией против СССР, когда частичная стабилизация капитализма уже закончилась, когда в ряде капиталистических и колониальных стран (Германия, Польша, Китай) зреют предпосылки непосредственно-революционного кризиса, при одновременном мощном развитии системы социализма в СССР, когда Советский союз окончательно и бесповоротно укрепился на социалистическом пути — в этих условиях вопрос о «перерастании» буржуазно-демократической революции в пролетарскую для многих стран не сегодня-завтра может стать как исключительно актуальный практический вопрос. Вся мировая обстановка, вся международная борьба революционного пролетариата и угнетенных народов колоний со всей очевид-

ностью демонстрируют правильность ленинско-сталинского положения, что «основные вопросы русской революции были (и остаются) основными вопросами международной революции». Было бы однако упрощением, грубой вулгаризацией, отходом от ленинской диалектики думать, что развитие революции, скажем в странах Востока (да и не только Востока), не внесет никаких частных, усложняющих элементов, элементов своеобразия в решение задач буржуазно-демократической революции, как и ее перерастание в революцию социалистическую. Ясно, что своеобразие революции будет, должно быть, оно закономерно, ибо история движется, революционная практика и на ее основе теория развиваются. Поэтому Ленин, борясь против социал-фашистов и в назидание всем неуспевающим думать схематикам, в назидание людям штампа писал: «Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах... и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им несомненно большие своеобразия, чем русская революция» (Ленин, т. XXVII, стр. 401). Каждая революция несет какие-либо особенности. Но эти особенности, эти своеобразия, эти отдельные исключения «из правила» не отменяют, а лишь подтверждают основные положения марксизма-ленинизма. Все те вопросы, которые подняты и разработаны Лениным и Сталиным в учении о мировой пролетарской революции в эпоху империализма и решенные уже советским пролетариатом на территории России, все образцы борьбы большевистской партии с международным оппортунизмом за мировую социалистическую революцию и диктатуру пролетариата в недалеком будущем предстоит решать мировому пролетариату. Поэтому вопросы: о гегемонии пролетариата, о пролетарской боевой партии — авангарде, партии нового типа, вопрос о резервах пролетариата в революциях (буржуазно-демократической и в пролетарской) — решающий вопрос о руководящей роли пролетариата и партии в борьбе за революционно-демократическую диктатуру, а затем за диктатуру пролетариата, — все эти вопросы и все вопросы, их «сопровождающие», будучи основными вопросами русской революции, остаются основными вопросами революции международной.

БОЛЬШЕВИСТСКОЙ партийности

исторической науки

И. ТОКИН

Исполняется год со времени письма т. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» — письма, делающего целую эпоху в развитии исторической науки.

Статья т. Сталина и постановления ЦК партии, являются важнейшей вехой в политической борьбе пролетариата и нашей партии. Поднять теоретический уровень всей научно-политической работы, сделать ее достоянием миллионов, двинуть дальше историческую науку на основе обобщения великого исторического опыта пролетариата, приобщения к науке миллионов, сознательно строящих новую жизнь, — это дело величайшей политической значимости.

После письма т. Сталина большевистские кадры историков вплотную приступили к созданию исторических работ, разрабатывающих вопросы новейшей истории рабочего движения, истории большевизма.

Проведена огромная работа по разоблачению троцкистских и всякого рода иных контрбандистов, по разоблачению правых «лево»-оппортунистических «теорий» и «концепций». Вплотную приступили к изучению и разработке ленинского наследства.

Историческая наука, вся работа историков-марксистов проникается новыми задачами, становясь по своему характеру и непосредственному значению огромной важности массовым делом, а не только делом профессиональных кадров историков.

Современный этап развития исторической науки находится в определенном соответствии с ленинским этапом в развитии философии марксизма. Ленинский этап развития философии марксизма касается не только какой-либо узкой области теоретической мысли, — он охватывает все области марксистско-ленинского мировоззрения, в том числе и основы исторической науки.

Историческая наука также переживает ленинскую ступень в своем развитии.

Что значит однако ленинский этап развития исторической науки? Это значит прежде всего, что вся научная работа историков поднимается на новую, высшую ступень, осуществляя разработку ленинского наследства и указаний т. Сталина о задачах исторической науки; вся работа историков пронизывается новой тематикой; центральными вопросами в работе историков становятся вопросы истории большевизма; вместе с тем вообще по-новому ставятся исторические проблемы; историческая наука становится подлинно большевистской исторической наукой, имеющей непосредственной целью своей всемерную помощь партии и Коминтерну в деле полного построения социализма в СССР и борьбы за мировую пролетарскую революцию.

Таким образом и задачи осуществления, реализации ленинского этапа в развитии

философии и задачи борьбы за ленинский этап исторической науки в основном одни и те же. Непосредственно эти задачи определяются лозунгом партии о социалистическом наступлении по всему фронту, означающим задачу выкорчевывания всех корней буржуазных, социал-демократических теорий право- и «лево»-оппортунистических взглядов, до последнего времени проникавших в научную работу и получавших в ней то или иное отражение.

Связь между ленинским этапом в развитии философии марксизма и в развитии исторической науки имеет еще одну сторону, которую очень важно подчеркнуть: разработка вопросов истории большевизма, всей его истории, всей его борьбы по всем линиям (и непосредственно политической и теоретической) против оппортунизма имеет огромное значение для реализации задач, вытекающих из ленинского этапа развития философии марксизма.

Возьмем хотя бы такой вопрос, как вопрос о роли Ленина и Плеханова в развитии философии марксизма. Теперь уже всем совершенно ясно, что говорить например о «плехановской ортодоксии», говорить о последовательно-марксистской линии Плеханова в философии марксизма и т. д.—это значит исказить всю историю теоретической и политической борьбы Ленина, большевизма за дальнейшее развитие марксизма, за теорию и практику революционной диалектики, за учение о диктатуре пролетариата, за подготовку победоносной мировой пролетарской революции.

Письмо т. Сталина поставило со всей остротой вопросы исторических и теоретических истоков большевизма. Когда мы говорим о том, что большевизм с самого начала был особым политическим течением, партией нового типа, то мы тем самым говорим, что во всей теории, во всем мировоззрении, во всей научной методологии большевизм представлял собой последнее слово научного социализма, т. е. нечто новое, весьма отличное от теорий, от всех догм, характерных для всех социал-демократических партий, для всего II интернационала.

Мы говорим далее о теоретической разработке революционной диалектики в связи с ленинским этапом развития философии марксизма; мы говорим, что самое

главное и основное, что внес Ленин в философию марксизма, заключается в разработке и новом дальнейшем развитии и конкретизации вопросов теории материалистической революционной диалектики.

Но что это значит? Это значит, что Ленин обобщил огромный исторический материал прежде всего нашей эпохи—эпохи империализма и пролетарских революций, это значит далее что он по-новому, в свете новой эпохи обобщил весь опыт мировой истории борьбы классов, весь опыт мировой борьбы рабочего класса.

Уже это обстоятельство показывает, что понять ленинский этап развития марксистской философии—это значит понять всю историю большевизма и всю методологию ленинского изучения не только социально-экономических и политических явлений эпохи империализма (и х прежде всего), но и всей предшествующей мировой истории. Совершенно ясно поэтому, что когда мы говорим о ленинском этапе в развитии исторической науки, то мы говорим не только о новой тематике, не только о новых проблемах, поставленных нашей эпохой, но мы говорим также и о методологии исторического знания, мы говорим о новом подходе к изучению вообще всех исторических событий.

Разумеется этот новый подход не означает чего-либо, отрицающего основы марксистского метода исследования исторического процесса. Тов. Сталин в одной из своих работ, посвященных борьбе против троцкистско-зиновьевской оппозиции, говорит так: «Что такое марксизм? Марксизм есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода. Ясно, что не может. Не ясно ли после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых форм на основе опыта при сохранении точки зрения марксизма, при сохранении метода, а Зиновьев поступает наоборот, сохраняя букву и подменяя буквой отдельных положений марксизма точку зрения марксизма, его метод. Что может быть общего между действительным марксизмом и между подменной основной линией марксизма, буквой отдельных формул и цитатами из отдельных положений марксизма?»

Следует совершенно ясно представить, что ленинское историческое наследство и работы т. Сталина дают ответ не только на вопросы эпохи империализма и пролетарской революции. Работы Ленина и Сталина, разрабатывая главным образом и прежде всего центральные вопросы теории и практики пролетарской диктатуры, освещают весь путь борьбы рабочего класса, всю историю капитализма, всю историю человеческого общества. Не приходится говорить о том значении, какое имеют например лекции Ленина «О государстве», его работа «О развитии капитализма в России», «Аграрный вопрос в России» и многие, многие другие, или например «Ответы т. Сталина на вопросы свердловцев» (см. 9-й вопрос и ответ в речи от 9 июня 1925 г.), многочисленные высказывания Сталина о крестьянских движениях, о буржуазных революциях, о переходе от феодализма к капитализму и т. д. для разработки вопросов истории докапиталистических формаций, в частности истории феодализма, истории переходных эпох, истории зарождения и гибели классов, истории образования и укрепления буржуазных государств и т. д. и т. п.

Разрабатывать все эти и другие исторические вопросы без систематического изучения Ленина и Сталина — это значит лишать науку самого высокого, что она имеет, это значит, собственно, даже не заниматься подлинной наукой, а отойти от нее, неизбежно подпадая под влияние различного рода буржуазных, мелкобуржуазных, социал-демократических схем, теорий и концепций.

Письмо т. Сталина со всей остротой поставило вопросы разработки истории большевизма; эти вопросы поставлены им как центральные вопросы всей исторической науки в целом. Вся наша борьба на историческом участке проходит под лозунгом борьбы за большевистскую партийность исторической науки. Вопрос о большевистской партийности есть вопрос о политических, методологических основах всякого исторического исследования, какого бы отдаленного прошлого человеческой истории это исследование ни касалось.

«Марксизм, — говорил Ленин, — есть вывод, которому учит всемирная история». Марксизм явился результатом научного обобщения всей мировой истории. Стать таковым он мог потому,

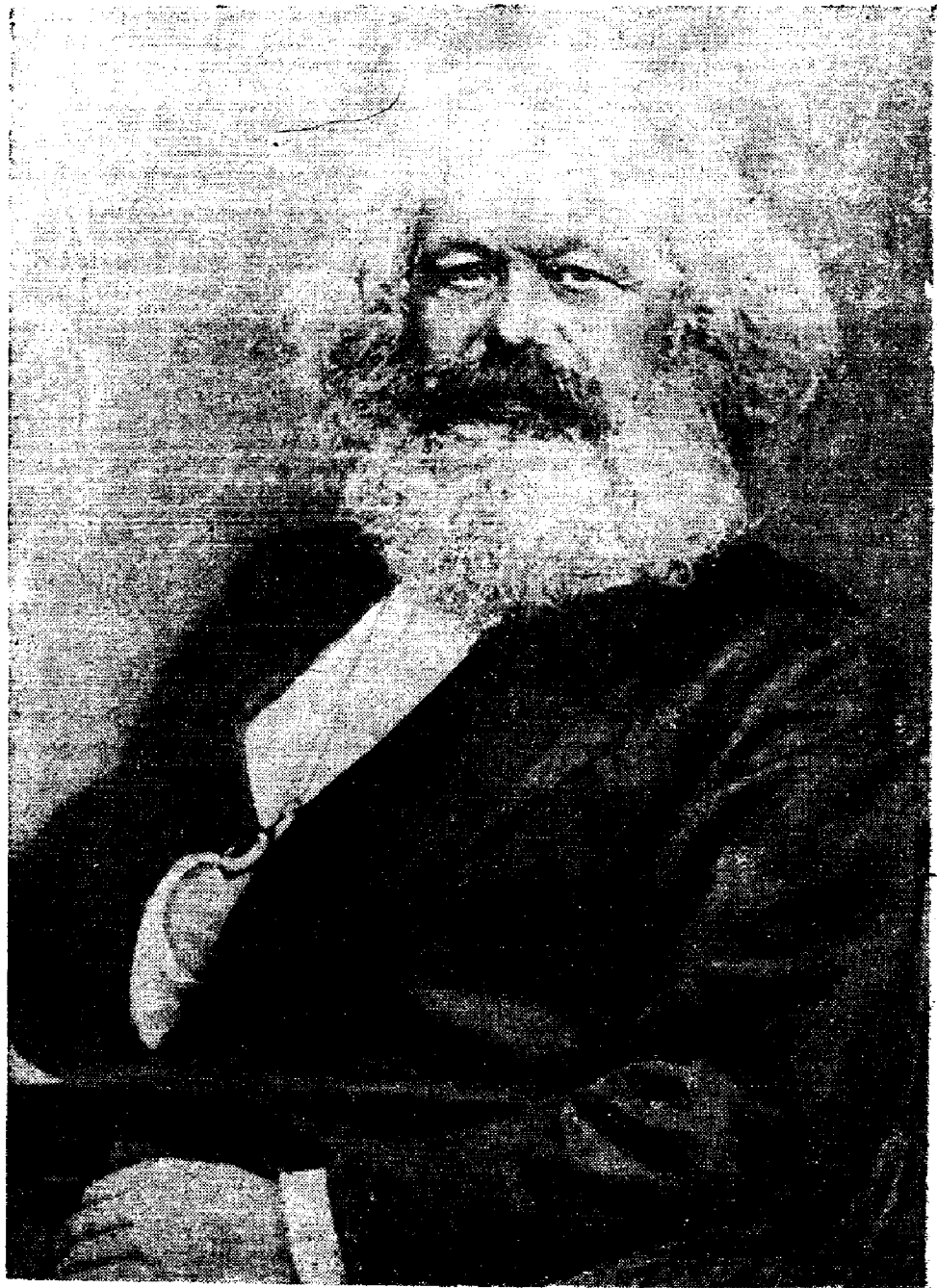
что он рассмотрел всю мировую историю с точки зрения материалистической диалектики, с точки зрения интересов рабочего класса и дал новый, подлинно научный подход к историческому процессу.

Новый ленинский период в развитии философии и исторической науки революционного марксизма означал и означает таким образом, с одной стороны, обобщение новых фактов всемирной истории, нового опыта пролетарской борьбы; новый ленинский этап означает, с другой стороны, что ко всей исторической науке в целом предъявляются новые требования, вытекающие из особенностей данного исторического периода, из особых, новых интересов рабочего класса, новых потребностей его борьбы, которые делают необходимой разработку целого ряда новых исторических проблем.

Укажем хотя бы на значение изучения истории переходных эпох, периодов зарождения и гибели классов, периодов смены исторических закономерностей.

Вопрос о смене исторических закономерностей, об условиях зарождения и развития ряда новых закономерностей и т. д. представляет собой один из самых главных методологических вопросов исторической науки. Его кардинальная важность обуславливается прежде всего тем, что период смены закономерностей, как учит история, является периодом революционных бурь, когда живая борьба классов, втягивающая в политическую жизнь целые миллионы народной массы, решает самый вопрос о дальнейших путях и формах исторического развития.

Периоды смены закономерностей есть прежде всего периоды революций, изучение которых стоит вообще на первом плане исторической науки. Особое значение имеет изучение нашей эпохи, когда революционная активность рабочего класса, руководимого коммунистической партией, коренным образом меняет все направление исторического развития, уничтожает через пролетарскую революцию самые основы всяческой эксплуатации и создает основы нового бесклассового, социалистического общества. Наша эпоха характеризуется чрезвычайным многообразием форм и способов классовой борьбы; на передний план в качестве решающей силы выступает сознательная борьба пролетариата и его партии. — борьба, сама порождающая новые закономерности исторического развития. Ленин в целом ряде своих работ поставил и разрешил во-

ОТКРЫТИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ ИЛИ, ВЕРНЕЕ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАТЕРИАЛИЗМА НА ОБЛАСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ УСТРАНИЛО ДВА ГЛАВНЫХ НЕДОСТАТКА ПРЕЖНИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ. ВО-ПЕРВЫХ, ОНИ В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ РАССМАТРИВАЛИ ЛИШЬ ИДЕЙНЫЕ МОТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ, НЕ ИССЛЕДУЯ ТОГО, ЧЕМ ВЫЗЫВАЮТСЯ ЭТИ МОТИВЫ, НЕ УЛАВЛИВАЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, НЕ УСМАТРИВАЯ КОРНЕЙ ЭТИХ ОТНОШЕНИЙ В СТЕПЕНИ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА; ВО-ВТОРЫХ, ПРЕЖНИЕ ТЕОРИИ НЕ ОХВАТЫВАЛИ КАК РАЗ ДЕЙСТВИЯ МАСС НАСЕЛЕНИЯ...

МАРКСИЗМ УКАЗАЛ ПУТЬ К ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕМУ ВСЕСТОРОННЕМУ ИЗУЧЕНИЮ ПРОЦЕССА ВОЗНИКНОВЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И УПАДКА ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ, РАССМАТРИВАЯ СОВОКУПНОСТЬ ВСЕХ ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ, СВОДЯ ИХ К ТОЧНО ОПРЕДЕЛЯЕМЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ И ПРОИЗВОДСТВА РАЗЛИЧНЫХ КЛАССОВ ОБЩЕСТВА, УСТРАНЯЯ СУБЪЕКТИВИЗМ И ПРОИЗВОЛ В ВЫБОРЕ ОТДЕЛЬНЫХ «ГЛАВЕНСТВУЮЩИХ» ИДЕЙ ИЛИ В ТОЛКОВАНИИ ИХ, ВСКРЫВАЯ КОРНИ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ ВСЕХ ИДЕЙ И ВСЕХ РАЗЛИЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В СОСТОЯНИИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ.

ЛЕНИН

просы методологии изучения революционных эпох, эпох решающих битв рабочего класса за установление пролетарской диктатуры. Особое значение имеют здесь между прочим его заметки по поводу Суханова (см. т. XXVII). В этих заметках Ленин высмеивает вульгарно-плоское, меньшевистское представление о путях исторического развития,—представление, по которому исторический процесс должен совершаться по определенной, предначертанной меньшевистской мудростью, схеме. «Трусливым реформистам, боящимся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней,—как говорил Ленин,—...совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития» (т. XXVII, стр. 399).

Понять эту полосу своеобразий, понять то новое, что дала с 1917 г. мировая история, можно только в том случае, если подходить к анализу и оценке событий с точки зрения революционной диалектики. Меньшевики никогда не понимали диалектики, они всегда поэтому искажали, извращали, опошляли марксизм. Ленин бичует «героев II интернационала» за их «рабскую подражательность прошлому» и говорит: «Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики».

Наша эпоха особенно богата фактами смены исторических закономерностей. Выпадение России из мировой капиталистической системы в 1917 г., Великая октябрьская социалистическая революция, означавшая, что впервые после столетий работы на чужих, на эксплуататоров, появилась «возможность работы на себя» (Ленин), вступление СССР в период социализма — все это представляет собою нечто совершенно небывалое в истории, нечто, являющееся сменой исторических путей развития. СССР показал новые исторические дороги. На эти дороги смотрит сейчас пролетариат всего мира. Объяснить все эти события — это значит написать историю победоносной пролетарской революции на основе правильно понятой революционной диалектики.

В связи с этим между прочим следует отметить всю политическую актуальность

и теоретическую значимость работы по созданию истории социалистического строительства. Эта задача — создать полную, научно разработанную историю построения социализма в СССР — давно вполне созрела. За эту работу надо приниматься немедленно.

Значение исторических постановлений ЦК партии тем и велико, что они ставят вопросы «Истории фабрик и заводов» и «Истории гражданской войны» в свете всех современных успехов и достижений советской власти и большевистской партии. Создавая «Историю фабрик и заводов» и «Историю гражданской войны» мы должны разрабатывать также всю историю социалистического строительства. Интернациональное значение этой работы исключительно велико. СССР — база мировой пролетарской революции; такую роль СССР и русский рабочий класс во главе с большевистской партией играют прежде всего потому, что у нас строится бесклассовое социалистическое общество. Довести историю этого строительства до сознания каждого рабочего, каждого трудящегося во всем мире — это значит в огромной степени способствовать революционизированию их, способствовать завоеванию компартиями большинства рабочего класса.

Понять на историческом материале эту смену исторических закономерностей, понять все те исторические события, которые произошли в последнюю эпоху, и на основании изучения их двигать дальше разработку материалистической диалектики — все это, будучи задачей огромной политической важности, представляет собою единый процесс научного большевистского познания. Здесь со всей силой сказываются и взаимосвязь, обусловленность в развитии теоретического знания, развитии материалистической диалектики с развитием исторического знания, с развитием исторической науки, с одной стороны, и вся непосредственная политическая значимость исторической науки для современной мировой борьбы рабочего класса, с другой.

Подчеркнем еще раз: только на основании дальнейшего развития учения Маркса и Энгельса, только на основании дальнейшей разработки марксова учения о революционной диалектике, о диктатуре пролетариата, т. е. только на основании того, что дали Ленин и Сталин, толь-

ко на основании того, что они внесли в теоретическую сокровищницу марксизма, можно понять, обобщить и сделать все практические выводы из всех тех событий, которые характеризуют нашу эпоху—эпоху пролетарской революции. Ленин в своем письме в журнал «Под знаменем марксизма» (т. XXVII, стр. 187) в 1922 г. писал, что «новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много образцов «диалектики в области отношений экономических, политических». Разрабатывать диалектику надо прежде всего на основании этого исторически обобщенного современного материала. История современной эпохи, история эпохи империализма, история пролетарской революции, история социалистического строительства, мировая история большевизма—все это таким образом представляет важнейшую основу для разработки материалистической диалектики, теории ленинизма.

Вопрос о связи разработки важнейших исторических вопросов с разработкой теории революционной диалектики вплотную подводит нас к проблеме историзма в марксизме. Подчеркнуть всю важность исторической науки, разработки основных вопросов современной истории, как и истории вообще, для дальнейшей разработки теоретических основ марксизма, для разработки революционной диалектики важно тем более, что у нас в исторической литературе довольно часто можно встретить непонимание того, что историзм составляет живую душу диалектики, что марксизм насквозь историчен, что коммунизм полностью и целиком пронизывается историческим характером подхода к изучению социальных явлений.

Ленин всегда подчеркивал значение этого исторического подхода к рассмотрению всякого теоретического вопроса и обоснованию каждого практического действия. Всегда, когда Ленин говорил о значении исторической науки, о значении исторического изучения данного вопроса, он никогда не забывал упомянуть, что история не есть простой комментарий к отдельным современным событиям, но что теория не может ничего объяснить, если данное явление рассматривается безот-

носительно к прошлому и к будущему, т. е. не исторически.

История есть такая наука, которая имеет и обязательно должна иметь своим выводом тот или иной лозунг или практическое действие, т. е. в самом существе своем историческая наука должна не только объяснять прошлое, но так его объяснять, чтобы ясно были видны начало и конец развития данного исторического явления; историческая наука дает возможность таким образом, охватывая действительный, конкретный исторический процесс, в известной мере предвидеть будущее.

Из всех замечаний Ленина и Сталина об исторической науке с несомненностью вытекает, что как не может быть исторической науки без политической, классовой целеустремленности, так нет и настоящей научной классовой пролетарской политики без исторического освещения прошлого и теоретического предвидения не только основ ближайшего развития, но даже и конкретного пути этого ближайшего будущего.

«Ко всякому вопросу,—говорил Ленин,—можно солидно подойти с уверенностью, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом» («Новые статьи и письма», стр. 95). Решительно во всем—в непосредственной политической борьбе, в анализе теоретического вопроса и т. д.—езде нужен, по Ленину, исторический подход, без которого нет ни научного решения вопроса, ни правильной, т. е. научной, пролетарской политики. «Мы должны проверять себя,—писал Ленин,—изучая цепь политических событий в их целом, их причинной связи, их результатах» («Из дневника публициста», т. XXI, стр. 215). Какой бы вопрос, разработанный Лениным, мы ни взяли, мы всегда найдем у него этот упор на необходимость историзма. Всем известно например, как Ленин писал в годы мировой войны о необходимости исторического рассмотрения вопроса о характерных особенностях новой империалистической эпохи и данной, конкретной, начавшейся в 1914 г. мировой империалистической войны. Необходим конкретно-исторический анализ, учил Ленин. «И от наци-

фистов, и от анархистов,—писал он,—мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности» (т. XVIII, стр. 193). Всем известно, как Ленин бичевал всегда меньшевиков и Плеханова за непонимание ими революционной диалектики и в связи с этим—непонимание ими историзма. Вспомним, как споря в 1906 г. с Плехановым о сущности буржуазной демократии и о тактике социал-демократии, Ленин обвинял Плеханова в том, что у него нет исторического подхода к явлениям. Ошибка Плеханова, писал Ленин, «состоит в совершенно не историческом воззрении его на буржуазную демократию в России» (т. IX, стр. 298). Можно было бы привести много примеров. Нам важно здесь подчеркнуть, что для Ленина указание на необходимость исторического подхода к изучению данного явления является важнейшим методологическим указанием, относящимся и к общим вопросам политической и теоретической борьбы и к рассмотрению отдельных, хотя бы и самых на первый взгляд мелких и незначительных явлений. С замечательной яркостью это можно видеть на ленинском анализе событий лета 1917 года, когда невероятно бурный темп развития событий, с каждым днем усложняющаяся обстановка классовой борьбы особенно остро требовали ясного, точного, четкого анализа всего хода революции и каждого отдельного события.

Нарастание революционного подъема масс, все более сплывающихся вокруг большевистской партии, вызывает контр-наступление буржуазии, бешенство ее вождей и лакеев. Буржуазия организует поход против большевиков, применяя самые гнусные, какие только знал мир, средства для того, чтобы опорочить вождей рабочего класса. Ленин писал: «Чем ожесточеннее клеветуют и лгут на большевиков в эти дни², тем спокойнее должны мы, опровергая ложь и клевету, вдумываться в историческую связь событий и в политическое, т. е. классовое, значение данного хода революции». Освещая «историческую связь событий», Ленин находит за внешней видимостью явлений глубинные исторические силы, движение масс, изменяющееся движение классов и их борьбы, линии классовой политики бо-

рющихся сил. Ленин отмечает назревание новой революции. Он отмечает «растущее недовольство масс буржуазной политикой буржуазного большинства Временного правительства». И в событиях 20 и 21 апреля, и в дни 10 и 18 июня, и в переломные дни 3 и 4 июля Ленин отмечает «общее, выливающееся через край недовольство масс, возбуждение их против буржуазии и ее правительства. Кто эту суть дела забывает или замалчивает, или умаляет, тот отрекается от азбучных истин социализма относительно классовой борьбы». Ленин, верный своему историческому методу рассмотрения событий, устанавливает то общее, что было во всех перечисленных событиях; он, далее, продолжает анализ исторической связи явлений и устанавливает то новое, конкретно-отличное от предшествующего, что выявилось в этих трех кризисах. «Последний — и, пожалуй, самый поучительный вывод — из рассмотрения событий в их связи, — пишет он, — состоит в том, что все три кризиса показывают нам некоторую, новую в истории нашей революции, форму некой демонстрации более сложного типа, при волнообразном движении, быстром подъеме и крутом спуске, при обострении революции и контр-революции, при «вымывании», на более или менее продолжительное время, средних элементов.

По форме движение в течение всех этих трех кризисов было демонстрацией. Противоправительственная демонстрация — таково было бы формально наиболее точное описание событий. Но в том-то и суть, что это не обычная демонстрация, это нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция. Это — взрыв революции и контрреволюции в месте, это — резкое, иногда почти внезапное «вымывание» средних элементов, в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных» (т. XXI, стр. 21—22).

Не только каждый месяц, но и каждая неделя, а часто и каждый день приносили новые факты, обнаруживающие поступательное движение революции, нарастание нового, социалистического переворота. Ленин внимательно следит за каждым событием, вскрывает классовую линию за каждым действием, учит рассмотрению исторической связи событий, без которого невозможно разобратся в сложном калейдоскопическом водовороте, без которого невозможно подготовить боевые силы для революционного нагиска. Рассматри-

² Статья «Три кризиса»; написана 20 июля 1917 г., т. XXI, стр. 20.

вая вопрос о закрытии «Правды»³, Ленин говорит, что на этот вопрос надо взглянуть «исторически, в целом, во всем процессе подготовки и осуществления этой меры...» И дальше Ленин связывает в одно целое кадетские требования репрессий против большевиков (составлявшие «одну из главных, если не главную часть политической программы кадетов в революции»), клеветнические вопли буржуазии и кадетов, обвинения в шпионстве и пр. и пр., т. е. сразу вырастает и становится совершенно очевидной линия определенной политики со стороны буржуазной контрреволюции. Только так, т. е. «с исторической точки зрения», рассматривая весь «ход исторических событий» — учит Ленин, — можно правильно оценить классовое, т. е. политическое, значение такого факта, как закрытие «Правды». «Закрытие «Правды», — пишет Ленин, — аресты большевиков и другие преследования их представляют из себя, если взглянуть на суть дела и на связь событий, не что иное, как выполнение давней программы контрреволюции и кадетов в частности» (т. XXI, стр. 56—57).

Не будем приводить других мест. Ясно, что исторический подход к изучению значения общественных событий играл у Ленина в его анализе огромную роль. Без этого историзма нет и не может быть правильной ориентировки, а следовательно нет и не может быть правильной классовой политики.

Марксистский историзм внутренне и неразрывно связан, обусловлен самими теоретическими основами марксизма. Логическое, теоретическое есть обобщение исторического несовпадающее с ним, но и не существующее вне его. Исторический материал, правильно, научно обобщенный, дает дальнейшее развитие теории. Сама теория не может развиваться вне исторических обобщений. Совершенно не случайно Ленин в своей статье «Карл Маркс» писал, что «Маркс в ряде исторических работ разрабатывал свою материалистическую теорию» (т. XVIII, стр. 7). Именно в исторических работах, на обобщении конкретного исторического материала Маркс разрабатывал общие вопросы материалистического мировоззрения. Разумеется, это замечание Владимира

³ Статья «О конституционных иллюзиях» от 8 августа (26 июля) 1917 г.

Ильича не единично и конечно не случайно. Можно было бы указать на другую статью, относящуюся к другому периоду, — на его работу «Государство и революция», где Ленин писал: «Верный своей философии диалектического материализма, Маркс (в решении вопроса о государстве. — И. Т.) берет в основу исторический опыт великих годов революции—48—51 гг.» (т. XXI, стр. 38).

Уже из этих мест совершенно ясно, что подлинное развитие материалистической теории, что современное развитие революционной диалектики как теории познания, как логики, должно обосновываться на разработке и обобщении конкретного исторического материала, — прежде всего явлений новой эпохи. (вспомним слова Ленина в его письме в журнал «Под знаменем марксизма»), — но конечно не только на этом материале, но и на историческом материале вообще.

Именно потому, что по самому существу своему всякое теоретическое развитие может продолжаться, подниматься на новую ступень только путем привлечения многообразных и всеохватывающих новых конкретных исторических данных, именно поэтому логическое и историческое в их соотношении было сформулировано Лениным так, что «диалектика включает историчность», как он писал в своих замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина (Лен. сб. XI, стр. 384)⁴.

Конечно мы не должны допускать вульгарного отождествления логического и

⁴ Марксизм навсвязь историчен. Этого к сожалению не понимают некоторые из наших историков. Они полагают, что историзм — лишь один из приемов, что марксизм существует сам по себе, историзм же и историчность — нечто побочное или во всяком случае нечто совсем другое. При такого рода «толковании» разрывают марксизм и историзм и, естественно, искажают марксистское учение.

Для примера возьмем хотя бы Никольского. Этот историк в одной из своих статей в «Большой советской энциклопедии» (БСЭ, т. VII, стр. 334) пишет, что этнология будет подлинно научной тогда, когда станет, как он выражается, «с одной стороны исторической, а с другой марксистской». Разрыв марксизма и историзма выражен здесь с предельной ясностью. Это — типичная вульгаризаторская трактовка соотношения исторического и теоретического. На самом деле нет подлинного историзма вне марксизма, только марксизм дает настоящую историчность, историчность в подлинно научном смысле этого слова, т. е. в освещении всего рода явлений в целом, всего круга событий, когда становится осознанной внутренняя связь явлений, когда видно не только начало этих явлений, но и конец их.

исторического, но мы не должны допускать и их разрыва, при котором логическая совокупность отдельных теоретических положений развивается как бы сама собой. В своем дальнейшем развитии всякая теоретическая мысль, всякое знание должно неизбежно все время проверяться и обобщаться новым, все более углубляющимся анализом конкретной исторической действительности, в особенности обобщением социальных явлений эпохи войн и революций, — эпохи, дающей особенно много образцов диалектики.

Разрыв логического и исторического и вульгарное отождествление их одинаково ведут к извращению ленинизма. Единство истории и теории мышления должно быть установлено со всей ясностью.

Во всех своих замечаниях, касающихся отдельных исторических проблем, а также общих теоретических вопросов, Ленин всегда подчеркивал необходимость этого исторического подхода, необходимость соблюдения принципа историзма, без которого нет подлинной материалистической революционной диалектики.

В связи с этим следует остановиться на вопросе о конкретном в исторической науке.

Историческая наука есть конкретная наука, изучающая конкретный исторический процесс. М. Н. Покровский любил говорить, что если бы историческая наука занималась только общими вопросами истории общественно-экономических формаций, тогда бы одной «социологии» за глаза было бы достаточно.

На самом деле «социологии» для понимания и знания конкретной исторической действительности далеко не достаточно: нужна еще историческая наука. Ленин когда-то в письме к Кикнадзе писал, что марксизм стоит только на почве фактов, а не возможностей. Эти слова целиком относятся и специально к исторической науке. Историческая наука стоит на почве фактов, конкретных явлений многообразной, разносторонней исторической действительности.

Исходя из наших общих представлений о развитии, исходя из общих представлений об историческом процессе дать подлинно историческое объяснение данному факту, т. е. указать на реальную связь, существующую между ним и последующими, указать его место в ряду других явлений,

указать на его значение для данного момента, периода, и общеисторическое значение с точки зрения большой исторической перспективы, большого цикла развития и т. д., — сделать это и значит дать историческое представление о конкретном историческом процессе. Сделать это всегда труднее всего и всегда абсолютно необходимо. Без точного учета конкретного многообразия социальных явлений нет научно обоснованной тактики пролетариата и его партии; без анализа конкретной ситуации, конкретного движения классов нет истории классов и их борьбы.

Ленин всегда учил необходимости изучать все единство конкретного многообразия в развитии исторического процесса. В статье «Карл Маркс» он писал: «Маркс указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса» (т. XVIII, стр. 13). Надо следовательно понять все единство разностороннего и противоречивого исторического процесса. Эта разносторонность есть многоконкретность. Историк, ограничивающийся общими схемами, был бы не историком, а схематиком, неизбежно попадающим в объятия схоластики и софистики. Возьмем для примера того, как важно учитывать все конкретное многообразие исторических явлений данного периода, вопрос о буржуазных революциях на Западе. Ленин в полемике с П. Киевским (см. ст. «О карикатуре на марксизм», т. XIX) писал, что нельзя путать конкретное рассмотрение данного явления с общим определением данной эпохи. Необходимо, говорил он, уметь отличать «данное конкретное явление от всей суммы разнообразных явлений эпохи». И дальше: «Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений... как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых...» и т. д.

В применении к эпохе буржуазно-демократических революций на Западе можно сказать, что для историка чрезвычайно важно понять все конкретные явления того времени, идущие по линии оформления и развития рабочего класса, хотя главным классом, определявшим общественное развитие, была тогда буржуазия (1789—1870 гг. в Западной Европе). Ленин и Сталин учат, что надо прежде всего всегда точно определить, какой класс стоит в центре данной эпохи и, во-вторых,

учесть все конкретное многообразие различных явлений в данную эпоху. Конкретное изучение исторического процесса показывает например, что буржуазия была основной движущей силой Великой французской революции в целом; но оно, это изучение, показывает также, что в решающие моменты этой революции власть оказывалась в руках «общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии», как определяет Ленин, что буржуазия, как указывает Сталин, неспособна сплотить вокруг себя на сколько-нибудь длительный период трудящиеся и эксплуатируемые массы. Историк, не заметивший всех конкретных явлений эпохи подъема буржуазии — явлений, идущих по линии оформления сил, накопления опыта борьбы рабочего класса, подготовки его к будущим боям с буржуазией, не понял бы этой эпохи, не понял бы вопроса о зарождении и сменах исторических закономерностей, не был бы пролетарским историком, не был бы поэтом историком вообще.

В борьбе с меньшевиками в 1903—05—07 годах и последующих Ленин, продолжая развивать дальше марксово учение об историческом процессе, непрестанно говорит о необходимости учитывать конкретные особенности исторических эпох, конкретные своеобразия в историческом развитии.

Меньшевики слепо применяли созданную ими схему исторического развития буржуазных революций на Западе к вопросу о движущих силах русской буржуазно-демократической революции. Ленин, разоблачая меньшевиков, указывает все время, во-первых, на то, что меньшевики не понимают всей сложности исторического процесса классовой борьбы на Западе (см. например его «Доклад об объединительном съезде», изложение спора с Плехановым, пример с Конвентом), а во-вторых, — что самое главное, — меньшевики не понимают особенностей той эпохи, в которую совершалась буржуазно-демократическая революция в России. Это была эпоха империализма, а империализм есть последняя и высшая стадия капитализма; буржуазно-демократическая революция в России совершается при наличии высоко развитого пролетариата, являющегося

авангардом всей мировой борьбы рабочего класса, ставящего себе задачей перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую; в России еще до демократической революции возникла большевистская партия и т. д. Неучитывающий эти «особенности», «конкретные своеобразия» исторического процесса, ограничивающийся голым схематизмом не понимает, что в России гегемоном, движущей силой буржуазно-демократической революции явился пролетариат, а не буржуазия, что у нас, в России, как писал Ленин, победа буржуазной революции невозможна как победа буржуазии.

Можно было бы привести много примеров того, какое значение придавал Ленин конкретному и для общих определений эпохи и для объяснений отдельных исторических движений.

Выступая против Каутского с его буржуазной теорией империализма, Ленин говорит, что Каутский своим определением империализма как раз издевается над исторической конкретностью.

В период империалистической войны, учитывая все конкретное многообразие исторических явлений новой эпохи, Ленин доказывает вопреки мнению «левых» и левых без кавычек, что в эпоху империализма и империалистических войн возможны и войны национальные, что подлинно научный, т. е. подлинно исторический, подход требует конкретного изучения каждой войны в отдельности и т. д.

Не будем приводить других примеров. Отметим лишь, что неумение учесть все конкретное многообразие исторического процесса, неумение понять конкретную ситуацию, разное соотношение борющихся сил и т. д., составляет важнейшую черту «методологии» всякого рода оппортунистических и особенно «лево-» оппортунистических теорий и взглядов.

Схематизм, худшего вида волюнтаризм, увлечение аналогией, революционной фразой отличают представителей этих «теорий». При этом обходят, как писал Ленин в одном месте, то, что составляет «живую душу марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации».

Историзм есть анализ конкретных фактов. Марксистский анализ конкретного исторического процесса есть путь к правильному научному обобщению, без которого невозможно в свою очередь полное и действительное познание исторической действительности в целом. Вспомним, как обращал внимание Ленин в своем письме к Покровскому о его «сжатом очерке» на необходимость воспитания нашей молодежи на основе изучения конкретных фактов и какие предложения он делал для улучшения его книги. Суть указаний Ленина заключалась в том, что надо дать такое изложение конкретной истории классовой борьбы, чтобы люди не увлекались схематизмом, чтобы не играли в аналогии, чтобы воспитывали в себе любовь к изучению фактов, к изучению конкретного, чтобы не было верхоглядства...

Все эти соображения по вопросу об историзме и теории марксизма мы привели прежде всего для того, чтобы указать на взаимную зависимость, на взаимную связь и единство в развитии ленинского этапа философии марксизма и ленинского этапа развития исторической науки.

Об этом приходится говорить еще и потому, что борьба с уклонами, с различного рода извращениями, которую мы проводим и в философии марксизма и в исторической науке,—эта борьба с уклонами есть важнейшее и в деле разработки методологических основ исторической науки. Бороться с правооппортунистической схемой исторического развития или с «левой» точкой зрения на характер исторического процесса можно успешно только тогда, когда эта борьба доведена до разоблачения методологических, теоретических истоков данного направления, данной точки зрения.

Ясно, следовательно, что борьба за марксистско-ленинскую методологию исторического знания, борьба против всяких уклонов в исторической науке это есть борьба и за разработку методологических основ исторической науки.

Большевистская партийность означает, как мы уже сказали, не только нозу тематику, не только ряд новых тем, которые необходимо разрабатывать историкам: эта большевистская партийность означает далее не только новый подход к изучению всех исторических явлений,—большевистская партийность означает также глубокую разработку общих вопросов методологии исторического исследования в связи с борьбой против уклонов (а особенно про-

тив правого уклона) в исторической науке, острую и беспощадную борьбу против буржуазных теорий, против буржуазной социал-демократической историографии.

Таким образом и с этой стороны совершенно явственно вытекает связь между вопросами ленинского этапа в развитии философии марксизма и исторической науки.

Ленинский этап развития исторической науки со всей остротой и силой ставит перед историками задачи изучения масс, их роли в истории, их борьбы, их исторических действий, вопросы истории пролетариата и в особенности задачи изучения мировой истории большевизма. Остановимся прежде всего на вопросе о роли масс, на вопросе о значении изучения массовой борьбы для марксистско-ленинской исторической науки. Следует прежде всего отметить, что в нашей исторической литературе нередко при освещении тех или иных событий ограничиваются или политической историей в узком смысле слова или же, говоря о массах, ставят эти вопросы не совсем правильно методологически. Между тем вопрос о роли масс имеет огромное значение для исторического исследования. Разбирая вопрос о возникновении и развитии марксизма и критикуя буржуазную методологию, Ленин в статье «Карл Маркс» писал, что прежние (до Маркса) исторические теории имели два главных недостатка: «1) они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; 2) прежние теории не охватывали как раз действий масс населения...» (т. XVIII, стр. 13). Во многих других местах, рассматривая вопрос об изменении классовых сил в революции, Ленин всегда отмечал, что при изучении революции мы рассматриваем вопрос об изменении и усложнении исторического процесса прежде всего под углом зрения втягивания масс в процесс революционной борьбы. Прогресс революции всегда означает прежде всего вовлечение более широких масс в борьбу, переход их борьбы на более высокую ступень. Изучение борьбы масс, их роли, их

исторических действий — это важнейший вопрос марксистско-ленинской исторической науки, стоящий не только для эпохи пролетарской революции, истории Октября, когда совершалось небывалое в истории человечества втягивание масс в революционные бои, включение их в сознательную борьбу против всяческой эксплуатации; в определенном смысле этот вопрос стоит и по отношению к предшествующим эпохам, хотя тогда, как например на заре капиталистического развития, вовлечение масс в борьбу в революционные периоды было неизмеримо меньшим и проходило в определенные моменты при господстве буржуазных и мелкобуржуазных идей. И все же, если взять например вопрос о буржуазно-демократических революциях на Западе, то мы видим, что этот вопрос сейчас, как и все вопросы исторических исследований, должен быть поставлен в значительной степени по-новому. Меншевицкая историография видела и видит в буржуазно-демократических революциях на Западе только борьбу буржуазии, ее главенство, ее руководство, ее роль вождя-гегемона. Массовую борьбу, борьбу крестьян и плебеев (в Великой французской революции), пролетариата (в 1848 г.), борьбу рабочего класса меньшевицкие историки или не видят, или, как когда-то Жорес, освещают лишь для того и постольку, поскольку они хотят показать, что революционная масса целиком на протяжении всего периода революционного развития во всех буржуазно-демократических революциях идет под руководством буржуазии и иначе идти НЕ может.

Меншевицкой теорией демократии, меньшевицким преклонением перед демократией определилось например и меньшевицкое освещение Великой французской революции, в которой меньшевики видели и видят все истоки и все проблемы борьбы рабочего класса. Для Жореса например Великая французская революция дала самые совершенные образцы массовой борьбы; не даром он писал, что движение 5—6 октября 1789 г. («шестивие в Версаль») выше и значительнее, чем октябрьская стачка в революции 1905 г. Для Жореса социализм имеет своим источником борьбу за демократию, и самое социалистическое учение ведет свое начало от идейных течений эпохи Великой французской революции, являясь простым их продолжением.

Марксистско-ленинская историческая наука должна, освещая вопросы истории

буржуазно-демократических революций, показать всю ограниченность буржуазно-демократических революций на Западе, принципиальную разницу между буржуазно-демократической революцией и революцией пролетарской; она должна, далее, показать вместе с тем в подлинно научном свете борьбу масс, борьбу рабочего класса, которая накладывала особый отпечаток на весь ход классовой борьбы этого времени, не говоря уже о революции 1905 г. в России, в которой пролетариат играл решающую роль гегемона и под руководством большевицкой партии с самого начала поставил задачу перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Но, повторяем, роль масс, процесс их высвобождения из-под буржуазных влияний надо показать и на истории буржуазно-демократических революций на Западе и на Востоке. Надо показать подлинную историю массовой борьбы, освободив эту историю от буржуазных, меньшевицких фальсификаций. Вопросу о роли масс, освещению их борьбы Ленин придавал огромное значение. Вопрос о роли масс формулируется Лениным как вопрос, по которому проходит водораздел между марксистской и буржуазной историографией, т. е. Ленин выставляет это положение как имеющее крупнейшее методологическое, принципиальное значение.

Это совершенно понятно. Во многих своих статьях Ленин подчеркивал необходимость учиться на опыте массовой борьбы, учиться у масс, у их революционной инициативы. Задача руководства борьбой рабочих масс включает в себе необходимость изучения опыта их борьбы, точный учет различных форм массовой борьбы, перерастание одних форм в другие, более высокие.

С особой яркостью сказалось это у Маркса и Ленина в их оценке Парижской коммуны. И Маркс и Ленин всегда говорили о необходимости изучения «исторической инициативы масс», их борьбы в героический 1871 год; и Маркс и Ленин поражались чутью «гениально проснувшихся масс». Конечно и Маркс и Ленин прекрасно понимали все несовершенство Парижской коммуны, этого первого опыта пролетарской диктатуры. И Маркс и Ленин говорили, что парижские рабочие не были политически сознательны и не были передовиками с точки зрения их идейного развития, но с точки зрения их массо-

вого действия, которое они совершили в силу самой логики борьбы, парижские коммунары становились передовыми борцами пролетариата. Недаром Ленин в одной из своих статей писал, что «историческую инициативу масс Маркс ценит выше всего» (т. X, стр. 365).

Из всех указаний Маркса, Ленина и Сталина о необходимости изучения массовой борьбы, о необходимости учиться у масс, со всей очевидностью вытекают некоторые положения, учитывать которые необходимо при всяком историческом исследовании.

Очевидно, что необходимо прежде всего ясно и точно определить в каждом случае размах массового движения, массовых действий, необходимо определение того, насколько втянуты трудящиеся массы в данное общественное событие. Как всякая революция, «всякий действительный прогресс в революции есть вовлечение в движение более широких масс» (Ленин), так и всякая действительная история революции есть показ роли масс, показ того, как вовлекаются в движение все более и более широкие массы трудящихся и эксплуатируемых. Нельзя забывать замечательных слов Ленина о том, что «марксизм есть научная трезвость анализа плюс признание огромного значения революционной энергии и инициативы масс» (т. XII, стр. 32).

И Ленин и Сталин подчеркивают далее необходимость изучения развития форм массовой борьбы, перехода от низших форм к высшим. Необходимо не просто изучать массовую борьбу, историческую роль масс, — необходимо изучать историю массовой борьбы, борьбы рабочего класса, под углом зрения изучения многообразнейших форм этой борьбы, изучения перерастания одной формы в другую, более высокую, приближающую эту форму к непосредственному осуществлению задач борьбы пролетариата и его партии за социалистическую диктатуру⁵.

Особое значение, как мы уже сказали, имеет изучение новых форм борьбы, рождающихся во время революционного напряжения всех сил рабочего класса.

⁵ Огромное значение в связи с этим для историков имеет между прочим статья Ленина «Партизанская война» (т. X), в которой оодержатся принципиальные указания по методологии исторического исследования важнейших вопросов связанных с этой проблемой.

Таким образом большевик-историк, изучая роль масс в историческом процессе, изучает многообразнейшие формы их борьбы, вскрывает затушеванные меньшевистскими историками массовые действия, изучает условия роста и перерастания одних форм в другие, изучает формы перехода низших форм в высшие, рождающиеся в борьбе пролетариата за установление своей диктатуры.

Этот вопрос вплотную подводит нас к вопросу о решающем политическом и методологическом значении понятия диктатуры пролетариата для всей исторической науки. В статье «Третий интернационал и его место в истории» Ленин писал: «Всемирно-историческое значение III Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием: диктатуры пролетариата» (т. XXIV, стр. 248, подчеркнуто мною. — И. Т.).

Со всей силой необходимо подчеркнуть, что это понятие диктатуры пролетариата имеет решающее значение для всей марксистско-ленинской исторической науки в целом.

В статье «К истории вопроса о диктатуре» Ленин писал: «Вопрос о диктатуре пролетариата есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех, без исключения, капиталистических странах. Для полного выяснения этого вопроса необходимо знать его историю. В масштабе международного история учения о революционной диктатуре вообще и о диктатуре пролетариата, в частности, совпадает с историей революционного социализма и специально с историей марксизма.

Затем — и это, разумеется, самое важное — история всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре» (т. XXV, стр. 431, подчеркнуто мною. — И. Т.).

В этих словах подчеркнута та мысль Ленина, которая является одной из его центральных идей, пронизывающих все его произведения. Что значат слова Ленина, что марксизм с его учением о диктатуре пролетариата есть вывод, которому учит всемирная история? Эта мысль означает прежде всего, что идея диктатуры пролетариата, идея борьбы рабочего класса за социальную революцию есть такая идея, которая является результатом научного обобщения всего хода мировой истории, обобщением всего опыта мировой борьбы рабочего класса.

Это понятие: диктатура пролетариата имеет, как мы сказали, решающее значение для изучения всей истории капиталистического общества. «Всемирная история, — писал Ленин, — неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями». Это указание Ленина является также и непосредственно руководящим понятием для истории эпохи империализма и пролетарской революции, ибо пролетарская революция, победоносное восстание рабочего класса, есть результат революционной сознательной борьбы рабочего класса и его партии и является исторически необходимым результатом всего развития классовой борьбы. «В вооруженном восстании, — говорил Ленин в своей речи на съезде швейцарской социал-демократической партии, — мы видим не только лучший ответ пролетариата на политику правительства, но также неизбежный результат развития классовой борьбы за социализм и демократию».

Рабочий класс рос и развивался в условиях роста противоречий капиталистического общества. Вместе с ростом этих противоречий росли его сознание, сплоченность, организация, воля и решимость к революционной борьбе. Путь развития рабочего класса есть путь борьбы с врагами рабочего класса, проникавшими в ряды пролетариата и пытавшимися дезорганизовать эти ряды, ослабить его революционную мощь.

Путь революции не есть простой, гладкий и прямой путь. Рабочий класс, идя к своей всемирной победе, этот путь к победе совершает в каждой стране «по-своему». Однако, несмотря на эти конкретные различия, на эти особенности, своеобразии каждой страны в отдельности и каждого периода в частности, общая линия развития рабочего класса есть линия его высвобождения из-под влияния буржуазной идеологии, линия проникновения коммунистического сознания, линия организации и борьбы под руководством коммунистической, большевистской партии, линия последовательной борьбы за коммунистическую революцию.

Для того, чтобы понять начало борьбы рабочего класса, для этого нужно видеть конец этой борьбы. Конец этот мы можем видеть лишь теоретически. Здесь между прочим с особенной яркостью сказывается необходимость теоретического обоснования для всего исторического исследования. Объективизм в истории заключается не в том, чтобы давать эмпирическое изображение отдельных фактов из области человеческого прошлого, — подлинный объективизм состоит в том, чтобы оценивать весь круг событий, учитывая и начало этого круга и конец его.

Все эти соображения имеют непосредственное отношение к вопросам истории пролетариата.

Для того, чтобы понять историю классовой борьбы современной эпохи, для того, чтобы полностью объяснить всю борьбу пролетариата за социальную революцию, за установление своей диктатуры, чтобы объяснить современные факты пролетарской борьбы, нужно изучить и в с ю и с т о р и ю борьбы пролетариата под углом зрения роста, вызревания его сил и создания условий его решающих битв против буржуазии.

Разумеется, это не значит, что мы будем приписывать рабочему началу XIX столетия

тия те мысли и те формы борьбы, к которым рабочий класс в результате долголетнего опыта своей борьбы пришел лишь в конце XIX и начале XX столетий. Но это значит, что мы будем видеть одну определенную линию развития революционного пролетариата, в начале своего исторического пути шедшего на Западе вместе с мелкобуржуазной демократией, будучи почти не отделен от нее, выступавшего наиболее последовательно в борьбе против феодализма и абсолютизма, хотя еще и под мелкобуржуазными лозунгами (эпоха Великой французской революции), и только потом постепенно освобождающегося от мелкобуржуазной и буржуазной идеологии, идейно и политически организовывающегося самостоятельно как класс. Отдавать например историю пролетариата эпохи демократических революций на Западе целиком по линии буржуазных движений нам никак не приходится. Это ни в какой степени не отвечает марксизму, тому подлинному объективизму, который учит не только пониманию тех или иных особенностей классовой борьбы данного периода в истории капитализма, но и пониманию всей линии и классовой борьбы пролетариата на всем протяжении истории капиталистического общества.

Именно в этом смысле Ленин и говорил, что «основание одного рабочего союза имеет большее историческое значение, чем битва под Садовой. Сражение под Садовой решало вопрос о первенстве одной из двух буржуазных монархий, австрийской или прусской, в деле создания национального германского капиталистического государства. Основание одного рабочего союза было маленьким шагом ко всемирной победе пролетариата над буржуазией» (подчеркнуто мною.—И. Т.). Ленин, говоря об истории борьбы пролетариата за социальную революцию, никогда не забывал упомянуть о необходимости изучения и ранних движений пролетариата, ранних периодов его классовой борьбы, когда история не поставила еще на очередь задачу непосредственной борьбы за пролетарскую революцию. Именно в этом смысле и надо понимать методологическое значение понятия диктатуры пролетариата для истории рабочего класса эпохи буржуазно-демократических революций на Западе. Для примера можно указать на вопрос о лионском восстании 1831 г., которое нередко освещают без всякой связи с последующей историей борьбы рабочего клас-

са. Между тем совершенно ясно, что связывать такие события, как лионское восстание, лишь с прошлой историей стихийной борьбы, видеть в таких событиях лишь вспышку отчаяния масс, а не начало борьбы рабочего класса за свое освобождение, это значит становиться на позиции либерализма, а не революционного марксизма.

Необходимо видеть всю линию борьбы пролетариата в истории капиталистического общества. Тот факт, что в начальные периоды своей борьбы рабочие выступали без ясного политического сознания, будучи неорганизованными в свою партию, что они терпели большие поражения и добивались лишь незначительных успехов,—этот факт не может заставить нас рассматривать эти периоды борьбы пролетариата изолированно и вне связи с последующей историей пролетариата за свое освобождение.

Надо видеть внутреннюю логику развития противоречий капиталистического общества в целом. В 1915 г. в одной из своих статей Ленин, разоблачая оппортунизм, между прочим писал: «Забывты чартизм, июнь 1848 г., Парижская коммуна, октябрь и декабрь 1905 г. Рабочие идут к своей всемирной революции не иначе, как через ряд поражений и ошибок, неудач и слабостей, но они идут к ней» (т. XVIII, стр. 118).

Ленинский анализ истории капиталистического общества, его анализ истории борьбы рабочего класса абсолютно чужд тому объективизму и фатализму, по которым общественное явление представляет собою слепой результат «объективно» сложившихся обстоятельств и в которых отсутствуют воля и сознание борющегося рабочего класса. Ленинский исторический анализ включает в себя признание огромного значения классового сознания, классовой воли и организованности для развития и исхода классовой борьбы.

Исторический путь, по Ленину, не предопределен фатально, живая борьба классов решает вопрос о характере, путях, формах исторического развития.

Вспомним, как ставил Ленин вопрос о так называемом прямом или зигзагообразном пути развития например в своей статье «Против бойкота».

Ленин писал там, что «история обыкновенно идет зигзагообразным путем», что это бесспорно. Однако в важнейшем политическом, тактическом вопросе Ленин

считает не это бесспорное положение, а вопрос о том, каковы задачи марксистов в тот период, «когда та же самая история ставит на решение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути» (т. XII, стр. 21). Здесь с необычайной силой сказывается действительность ленинского подхода к историческому процессу. Вульгарно-эволюционному представлению о мировой истории Ленин противопоставляет глубокое, основанное на законах материалистической диалектики объяснение сути, характера, форм исторического процесса. Но Ленин не ограничивается простым констатированием разнообразия путей мирового развития; он подчеркивает, что, несмотря на то, что существуют объективные закономерности развития и именно в пределах их, люди творят сами свою историю, и борьба классов, ее исход решает вопрос о путях так называемого объективного развития. «Революционные периоды, — пишет он, — являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время». Марксист должен «уметь помогать массам в борьбе за выбор прямого пути». Таким образом объективный ход исторического развития не есть какой-то слепой процесс, совершающийся помимо людей. В исторической действительности мы всегда имеем борьбу старого с новым или с предвестником, зачатком нового. Различные классы борются за различные пути; живая борьба классов, включающая страсть, волю миллионов, решит, кто явится победителем и в связи с этим какой именно путь исторического развития окажется «объективно» необходимым.

Именно такое понимание содержания и характера исторического процесса вплотную подводит нас к вопросу о единстве теории и практики в исторической науке. Совершенно очевидно, что марксист-историк, объясняющий «объективные тенденции» развития и доводящий свое объяснение до исторического понимания современности, не может не стать на точку зрения того

класса, теорией и практикой которого марксизм является. Исторический процесс есть процесс классовый, есть процесс борьбы различных классов за различные пути исторического развития. Ясно, что марксист-историк может быть только классовым, партийным историком, становящимся при объяснении явлений истории на позиции классовые, пролетарские, партийные.

История как бы предоставляет классам на выбор различные пути развития. Живые действующие силы в жестокой революционной борьбе решают вопросы истории. Ясно, что марксизм тоже борется за определенный путь развития, ибо марксизм — тоже «живая и действующая историческая сила», как говорил Ленин. Марксизм и историческая наука, своим объяснением событий помогающая политической борьбе рабочего класса и развитию его теории, глубоко партийны. Именно так «научно-классово» ставил Ленин проблемы мировой истории. Именно в таком понимании исторического процесса заложена вся глубочайшая практическая действительность марксизма, его классовая целеустремленность, ибо такое понимание делает и самый марксизм, коммунистическое мировоззрение, марксистско-ленинскую историческую науку действующей исторической силой, со всей энергией борющейся за осуществление победоносной пролетарской революции.

В ленинском анализе исторического развития дается таким образом точный анализ объективной действительности (марксизм стоит на почве фактов, говорил Ленин) с учетом огромного значения борьбы данного класса для определения хода развития той действительности, важнейшим элементом которой эта классовая борьба является.

«Мы не падаем духом, — писал Ленин, — ни при каком повороте истории. Но мы не позволим ни одному повороту истории пройти без нашего участия, без действительного вмешательства передового класса» (т. XVI, стр. 620).

Мы проследили указания Ленина на вопрос о том значении, какое имеет понимание всей исторической борьбы пролетариата для изучения всей истории капиталистического общества в целом, для изучения мировой истории. Нам нужны ленинские работы по мировой истории пролетариата. Мы должны на основании самостоятельных научных исследований разоблачить до конца классовый смысл той концепции, которую легко обнаружить в работах Тарле и Матьева, изданных когда-то в серии «История пролетариата» Институтом Маркса и Энгельса под руководством Рязанова. Характер этих работ совершенно ясен. Тарле в своих статьях о лионском восстании в «Архиве Маркса и Энгельса» и в своих работах, относящихся к истории рабочего класса первого периода развития промышленного капитализма, проводил одну линию — линию историка, желающего на исторических работах показать, обосновать необходимость подчинения рабочего класса руководству буржуазии, т. е. это были работы контрреволюционера, применявшего и делавшего историческое исследование в угоду буржуазии. Исторические работы Матьева — этого мелкобуржуазного историка, так ярко потом показавшего свое реакционное политическое лицо, — никак не могут быть причислены к марксистским историческим работам.

А между тем историю мировой борьбы пролетариата создать надо во что бы то ни стало. Нам нужно конечно знать прежде всего опыт послевоенных восстаний рабочего класса, опыт вооруженной борьбы в условиях послевоенного кризиса капитализма. Но нам нужно знать не только это; нам нужно со всей полнотой изучить всю историю рабочего класса. Нельзя например забывать чартизм и июнь 1848 г. — так учил Ленин.

Вопрос об истории большевизма, с такой политической остротой поставленный в письме т. Сталина, требует разработки вопросов всей исторической борьбы рабочего класса. Эта задача стоит в качестве первоочередной, важнейшей политической задачи перед всей исторической наукой.

IV

Письмо т. Сталина и «Ответ т. Сталина» по поводу письма «О некоторых вопросах истории большевизма» (см. стр. 5—8 на-

стоящего номера) ставят со всей остротой вопросы истории большевизма и показывают, как надо разрабатывать эти вопросы. Тов. Сталин подчеркнул нераздельность политической и теоретической борьбы, которую вел большевизм, показав, что большевизм с самого начала своей борьбы был течением и партией, которая теоретически и политически в самом главном, по самому существу своему, отличалась от всех групп во II интернационале, ибо только он разрабатывал подлинно революционно, подлинно марксистски с точки зрения материалистической диалектики вопросы учения о диктатуре пролетариата. Историки должны показать таким образом все стороны той борьбы, которую вел большевизм с самого начала своего возникновения. Особое значение в связи с этим приобретают вопросы истории, возникновения большевизма. Большевизм конечно развивался и развивается, обогащаясь новым опытом борьбы рабочего класса, при этом однако с самого начала своего существования большевизм был прежде всего учением о диктатуре пролетариата. Только большевизм сумел правильно поставить вопросы борьбы за победоносную пролетарскую революцию. Это означает, что большевизм есть такое мировоззрение, которое во всех своих истоках представляло нечто совершенно новое по сравнению с официальными теориями, господствовавшими в течение долгого периода в социал-демократических партиях. Для исторической науки, ставящей в центре своего внимания вопросы истории большевизма, особенно важно подчеркнуть это единство в развитии теоретической и политической борьбы большевизма. Ленин не раз отмечал, что именно непоследовательность, отклонения от ответов на отдельные теоретические и политические вопросы способствовали потом развитию неправильных теорий, целых систем взглядов, искажающих марксистское учение, приводивших к определенным политическим, — именно антипролетарским выводам. Международный оппортунизм имел и имеет своим основанием, классовыми корнями, влияние империалистической буржуазии через рабочую аристократию на рабочий класс, влияние на него также мелкобуржуазных слоев населения, не отделенных в жизни и быту китайской стеной от рабочего класса. Это влияние буржуазии, закрепленное в эпоху империализма созданием рабочей аристократии, есть главная современная классовая основа оппортуниз-

...МЫ НЕ ПАДАЕМ ДУХОМ НИ ПРИ КАКОМ ПОВОРОТЕ ИСТОРИИ. НО МЫ НЕ ПОЗВОЛИМ НИ ОДНОМУ ПОВОРОТУ ИСТОРИИ ПРОЙТИ БЕЗ НАШЕГО УЧАСТИЯ, БЕЗ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ПЕРЕДОВОГО КЛАССА...

ЛЕНИН

ма. Наряду с этими экономическими классовыми истоками оппортунизм имел и имеет классовые теоретические корни, имеет свои теоретические истоки. Когда мы освещаем всю историю большевизма, всю историю победоносного международного шествия большевизма, нам чрезвычайно важно вскрыть также все теоретические истоки расхождений большевизма и официального «марксизма» II интернационала и показать, что большевизм представлял и представляет собою единственное последовательно-марксистское воинствующее учение рабочего класса.

Таким образом необходимость единого и цельного изучения всех сторон деятельности и развития большевизма диктуется самой сутью большевизма, представляющего в себе неразрывное единство теории и практики рабочего движения. Со всей очевидностью необходима в частности и в особенности разработка истории возникновения большевизма. Именно история его возникновения ярко показывает всю разницу между большевизмом и всеми другими социал-демократическими партиями.

Необходимость такого всестороннего изучения партии большевизма диктуется и непосредственными политическими задачами, стоящими перед компартиями капиталистических стран и Коммунистическим интернационалом. Задачи завоевания большинства рабочего класса, разгрома социал-фашизма, изоляция всех соглашательских партий, групп и течений, осуществление задачи сосредоточения безраздельного руководства всеми формами борьбы рабочего класса в руках одной, единственной партии пролетариата — коммунистической партии, — все это требует широкой исторической пропаганды большевизма; все это требует ясного и точного показа того, что только большевизм был течением и партией, последовательно боровшимся за подлинные классовые интересы международного пролетариата. Ясно, что история большевизма должна стоять в центре всей работы историков, в центре исторической науки,

Такое место истории большевизма в системе исторических знаний диктуется далее и всем развитием самой исторической науки.

Вся история рабочего класса, правильно, научно, по-большевистски понимаемая, вплотную подводит нас к необходимости изучения истории большевизма как высшей формы организации рабочего класса в его борьбе за пролетарскую диктатуру, за построение бесклассового социалистического общества. Лозунг большевистской партийности исторической науки вытекает таким образом и из самой внутренней структуры марксистско-ленинской системы исторического значения. Этот лозунг есть политический лозунг большевистской партии и рабочего класса, обращенный к историческому знанию. Он есть в то же время лозунг, с железной необходимостью вытекающий из подлинно марксистски, подлинно ленински построенной исторической науки.

В самом деле. Наша эпоха есть эпоха высших форм классовой борьбы. Ленин учил, что марксизм — революционное учение по самому своему существу. «Маркс всю цену своей теории, — говорил Ленин, — полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая и революционная». И это последнее качество действительно присуще марксизму всецело и безусловно потому, что эта теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их переходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией».

Теория Маркса «соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно».

Так писал Ленин еще в 1894 г., накануне империалистической эпохи, формулируя одно из центральных положений марксизма — о единстве теории и практики. Задача теории, цель науки — «содействие классу угнетенных, — писал он. — Следовательно, прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы...» «Лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее, — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения»⁶.

Наша эпоха есть новая эпоха, последний этап, высшая стадия в развитии капитализма и последний этап, последняя стадия развития классового общества вообще. Эта эпоха, т. е. эпоха империализма и пролетарской революции, есть эпоха новых закономерностей, новых, более сложных форм борьбы. Самым крупным этапом в этом смысле является конечно Октябрьская социалистическая революция — важнейший факт мировой истории.

Открыв дорогу социалистическому строительству, показав впервые в истории путь к освобождению от всякого рабства и угнетения, российский пролетариат представил собою огромную историческую силу, играющую крупнейшую роль в развитии так называемой объективной материальной действительности. Революция, рожденная противоречиями материальных сил, изменяет «объективную действительность», меняет пути и формы исторического развития, рождая новые общественные закономерности. Пролетариат, возглавляющий всю трудящуюся и эксплуатируемую массу, совершает революцию, являясь таким образом классовым носителем и творцом новых исторических путей, новых закономерностей. Партия, большевизм руководит этой борьбой пролетариата, поднимая его на борьбу, организуя и сплачивая его, делая его способным к победоносной социалистической революции. Партия есть самый главный инструмент пролетарской революции; она есть также самое мощное орудие классовой борьбы победившего пролетариата, строящего социализм. Пар-

тия есть концентрация всех возможностей пролетариата как исторической силы; под ее руководством осуществляются эти возможности, превращаясь в действительность; партия является таким образом важнейшим фактором общественного развития.

«В период предреволюционный, — писал т. Сталин, — партия не имела и не могла иметь того серьезного и решающего значения, которое она приобрела потом в условиях открытых революционных схваток» («Вопросы ленинизма», стр. 151). Это изменение роли и значения партии связано со всеми изменениями в условиях обострившейся классовой борьбы, дошедшей до ее высших форм.

Партия сама есть высшая форма классового объединения, классовой организации пролетариата. Партия есть однако «не только высшая форма классового объединения пролетариев, — она есть вместе с тем орудие в руках пролетариата для завоевания диктатуры, когда она еще не завоевана, для укрепления и расширения диктатуры, когда она уже завоевана». «Партия, — писал дальше т. Сталин⁷, — нужна пролетариату не только для завоевания диктатуры, она еще больше нужна ему для того, чтобы удержать диктатуру, укрепить и расширить ее в интересах полной победы социализма».

Для того, чтобы выполнить эту роль руководителя исторической борьбы пролетариата, партия очевидно «должна быть вооружена революционной теорией», т. е. партия «должна видеть дальше рабочего класса» (Сталин). Партия, руководящая борьбой пролетариата, в своей борьбе завоевывает новые позиции, добивается всемирно-исторических побед и развивает дальше учение Маркса — Ленина. Всякая наша наука есть поэтому постольку наука, поскольку она связана с задачами партии, с ее борьбой, ее победами, уроками ее борьбы. Это означает, что всякая наука (это относится и к истории, и к политической экономии, и ко всякой другой науке) есть постольку наука, поскольку она партияна в самом своем существе.

«Строгая партийность, — писал Ленин еще в 1905 г., — есть спутник и результат высоко развитой классовой борьбы». Партия сознательного пролетариата, писал он дальше, «вполне законно воюет всегда с беспартийностью», ибо «беспартийность есть идея буржуазная. Партий-

⁶ Ленин, т. I, стр. 218—219.

⁷ «Вопросы ленинизма», стр. 159.

ность есть идея социалистическая»⁸. Конечно надо уметь применять это положение к отдельным вопросам и отдельным случаям в связи с конкретной постановкой каждого вопроса; ясно однако, что эти положения имеют решающее значение для всякой науки, в том числе и исторической, и для нее в первую очередь. Марксизм насквозь историчен; вспомним, что Ленин в своих замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина отмечал, что «диалектика включает историчность», что «диалектика должна рассматривать свой предмет разным образом исторически»; вспомним приведенные нами в начале статьи указания Ленина на то, что Маркс разрабатывал важнейшие вопросы борьбы пролетариата (например учение о государстве) на основе исторического опыта борьбы пролетариата, что «ко всякому вопросу можно солидно подойти с уверенностью, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом», и т. д. Теория есть обобщенный исторический опыт. Массы в этом смысле учатся на истории своей собственной борьбы. Это обобщение исторического опыта однако не может быть абсолютно одинаковым, неизменяющимся во все времена при всяких условиях: партия обобщает исторический опыт под углом зрения новых задач пролетариата в новую эпоху.

В этом смысле можно сказать, что не только прошлое помогает нам раскрывать настоящее, но и настоящее в процессе исторического познания является важнейшим моментом для понимания прошлого. Без внутреннего проникновения исторической науки задачами теперешней борьбы пролетариата и его большевистской партии нет научного освещения прошлого, нет партийной науки, т. е. нет науки в подлинном смысле этого слова.

Теория становится материальной силой, если ею овладевают массы, писал когда-то Маркс. Именно партия делает теорию материальной силой, делая ее достоянием миллионов, их сознанием, их волей к действию, их действием. Воля партии имеет поэтому огромный коэффициент действия рабочего класса, огромный коэффициент изменения объективной материальной действительности. Устанавливается совершенно новая ступень в развитии единства теории и практики. Партийность исторической науки означает поэтому изучение всех тех форм борьбы, которые подводят

пролетариат, большинство рабочего класса, под руководство большевистской партии — единственной выразительницы прогрессивных объективных потребностей общественного развития. Воля и стремление партии и рабочего класса отражают объективные потребности социального развития; партия руководит борьбой пролетариата — класса, единственно способного последовательно до конца осуществить объективные исторические возможности — изменить пути исторического развития, т. е. совершить пролетарскую социалистическую революцию, построить бесклассовое социалистическое общество.

Борьба большевистской партии за осуществление коренных интересов пролетариата, борьба ее против всех врагов рабочего класса, против всего, что задерживает, тормозит, тянет в другую сторону — в сторону соглашения с буржуазией, — эта борьба большевизма есть высшая форма исторической борьбы классов, исторической борьбы пролетариата. Изучение и разработка истории большевизма есть центральная и высшая задача большевистской исторической науки.

V

Вопросы истории большевизма есть таким образом вопросы, имеющие решающее значение для всего развития исторической науки.

За последнее время значительная часть наших исторических кадров вплотную подошла к подлинно научной разработке этих вопросов. Некоторые однако недостаточно учитывают те методологические основы, на которых должна строиться история большевизма. Взять хотя бы вопрос о том, когда большевизм «вышел на мировую арену». Многие историки, ставя вопрос об этом и по-разному на него отвечая, не понимали при этом интернационального характера большевизма, присущего ему с самого начала его возникновения; большевизм с самого начала своего возникновения и самым фактом своего возникновения как политическое течение и как политическая партия был явлением международного порядка, означавшим исторический поворот в международном рабочем движении. При той поста-

⁸ Ленин, т. VIII, стр. 412, 416 и др.

новке вопроса, когда какой-то период признают за «чисто русский», большевизм рассекается исторически на две (или больше) эпохи и получается, что при своем возникновении большевизм не был учением о диктатуре пролетариата; при такой постановке вопроса молчаливо признается, что в какой-то первый период, хотя бы и самый незначительный, большевизм был явлением чисто русского порядка.

Надо вдуматься в замечательные слова Ленина: «большевизм есть последнее слово научного социализма».

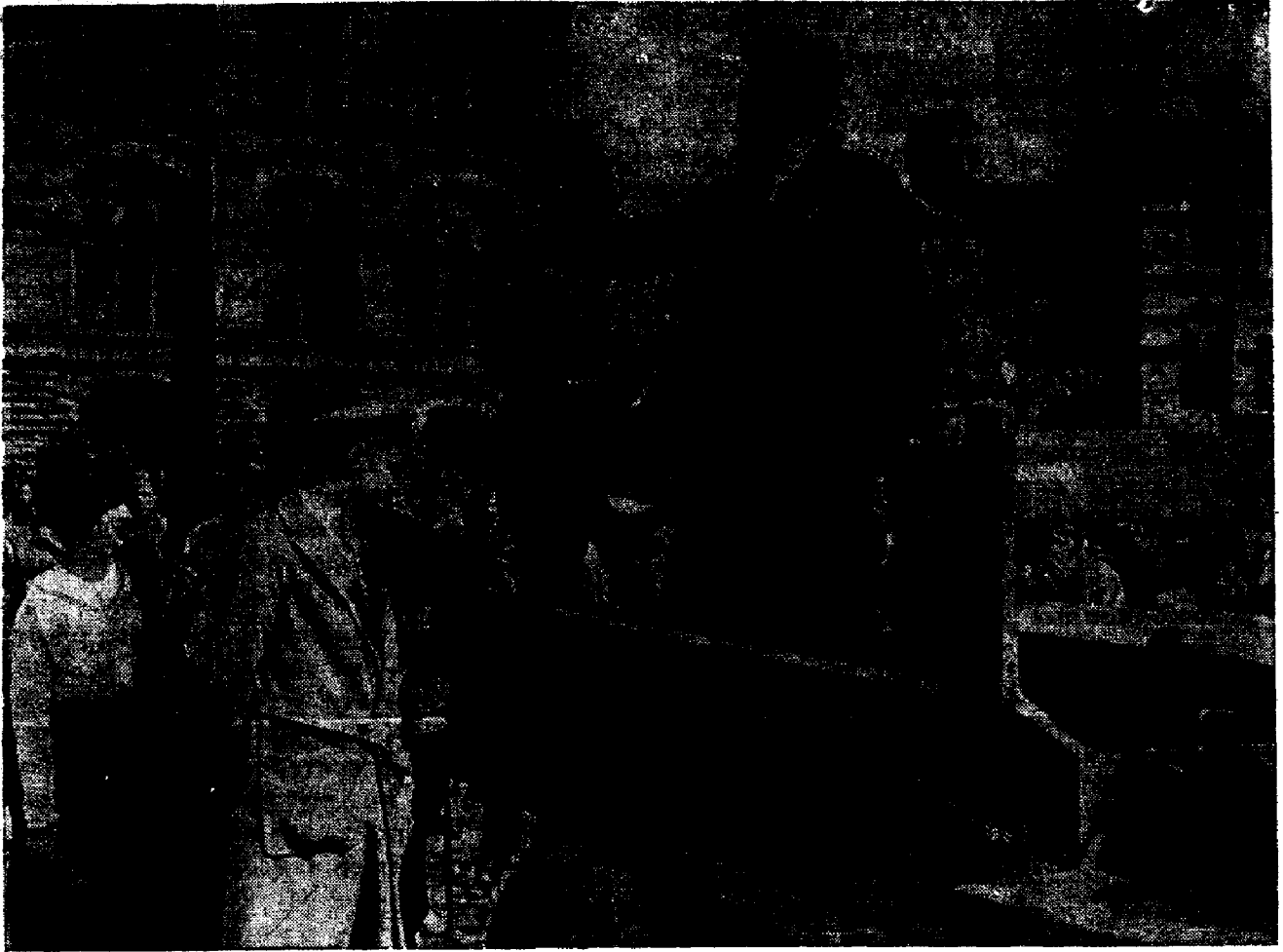
Что значит «последнее слово»? Если мы вспомним слова Ленина, что коммунизм — это вывод, которому учит мировая история, если мы вспомним, что «теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде» (Сталин), что большевизм как учение о пролетарской диктатуре с самого начала своего возникновения был учением международной борьбы рабочего класса, знаменем всего мирового пролетариата, если мы вспомним, что «ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское» (Сталин), что большевизм возник как учение о пролетарской революции и о диктатуре пролетариата, вопрос о которой был поставлен в порядок дня всем ходом мирового развития, дошедшего до эпохи империализма, которая является, по определению Ленина, кануном социалистической революции, — если мы вспомним все это, то нам станет совершенно ясно, что большевизм как политическое течение и политическая партия с самого начала своего существования был международным течением и партией, резко отличавшейся, как мы уже сказали, от всех группировок II интернационала, от всех социал-демократических партий.

Разумеется, это не значит, что большевизм с самого начала оказывал на мировое революционное движение такое же мощное влияние, какое он приобрел потом, в особенности после Октябрьской революции, после образования Коммунистического интернационала или например после вступления СССР в период социализма. В 1903—1905 гг. западноевропейские рабочие очень мало знали о большевизме. Вожди и «ортодоксы» II интернационала постарались сделать так, чтобы о большевизме знали как можно меньше и искаженно. Но этот факт говорит только о том, что вопрос о большевизме был вопросом жизни и смерти II интернационала, осо-

бенно в период после революции 1905 г., когда во II интернационале установилось фактическое безраздельное господство оппортунизма и его разновидности — центризма, когда особенно сильно сказывалось все более нараставшее противоречие между революционизировавшейся пролетарской массой, с одной стороны, и вождями и чиновниками социал-демократических партий, с другой. За всю эпоху II интернационала мы видим борьбу двух тенденций в международном рабочем движении: революционной и оппортунистической. Большевизм и выражал и наиболее последовательно, сознательно, с точки зрения коренных, социалистических интересов рабочего класса, революционную тенденцию. Естественно, что большевизм явился тем единственным в международном рабочем движении последовательно-марксистским революционным учением, той партией, которая давала ответы на все теоретические и практические вопросы русской революции и на все вопросы мировой борьбы рабочего класса, на все вопросы международной пролетарской революции.

При разработке вопросов истории большевизма очевидно необходимо прежде всего поставить своей задачей проследить возникновение и развитие большевизма как течения и партии в отличие от всех других политических течений и политических партий, имевшихся во II интернационале; как такой партии, которая характеризовалась определенными, присущими ей особенностями.

Укажем на некоторые из них. Первая из особенностей — это последовательный ленинский интернационализм и его беспощадная борьба против всякого рода оппортунизма. Ленин, совершенно точно определивший социальные корни оппортунизма, еще в «Что делать» писал, что в связи с наступлением новой эпохи (конец XIX, начало XX века) внутренняя борьба в международной социал-демократии приняла интернациональный характер. Если раньше в 70-х и даже еще в 80-х годах XIX столетия борьба с оппортунизмом в каждой из социал-демократических партий имела национальный характер, отображающий прежде всего исторические условия развития данной страны, то с конца 90-х годов борьба с оппортунизмом приобретает интернациональный характер.

**ВСЯКИЙ БОЛЬШЕВИК ЗНАЕТ, ЕСЛИ ОН
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БОЛЬШЕВИК, ЧТО ЛЕНИН
ЕЩЕ ЗАДОЛГО ДО ВОЙНЫ, ПРИМЕРНО С
1903-1904 гг., КОГДА ОФОРМИЛАСЬ В РОС-
СИИ ГРУППА БОЛЬШЕВИКОВ И КОГДА
ВПЕРВЫЕ ДАЛИ О СЕБЕ ЗНАТЬ ЛЕВЫЕ В
ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ,—ВЕЛ
ЛИНИЮ НА РАЗРЫВ, НА РАСКОЛ С ОПОР-
ТУНИСТАМИ И У НАС, В РОССИЙСКОЙ СО-
ЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, И ТАМ,
ВО II ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ, В ЧАСТНОСТИ В
ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.**

СТАЛИН

Ревизионисты в Германии, POSSИБИЛИСТЫ во Франции, меньшевики в России — все это были в основном явления одного порядка, все они учились друг у друга, заимствовали друг у друга «теоретические» положения, все они имели наиболее яркими своими представителями «теоретика» Бернштейна и «практика» Мильерана. Борьба с оппортунизмом также приобрела интернациональный характер, и различие между отдельными социалистическими партиями стало заключаться прежде всего в том, как, насколько последовательно, до конца, революционные марксисты, данное политическое течение, умели бороться перед лицом нарастающей мировой пролетарской революции против своего и международного оппортунизма, как революционные марксисты в каждой стране умели бороться за создание партии нового типа, отвечающей новым задачам рабочего класса в условиях новой, наступившей с конца XIX столетия империалистской эпохи.

Первая особенность, отличавшая большевизм от всех западноевропейских течений в социалистическом движении, и заключается в том, что большевизм был единственной партией, последовательно во всех вопросах марксистского мировоззрения, марксистской политики, до конца, беспощадно боровшимся против международного оппортунизма и центризма, доведшим эту борьбу до раскола. «Ленинизм, — говорит т. Сталин, — вышел из пролетарской революции, отпечаток которой он не может не носить на себе». Ленинизм «вырос и окреп в схватках с оппортунизмом II интернационала, борьба с которым являлась и является необходимым предварительным условием успешной борьбы с капитализмом» («Вопросы ленинизма», изд. 9-е, стр. 6).

«Очагом ленинизма, родиной теории и тактики пролетарской революции» явилась Россия. Но это обстоятельство не только не накладывает какого-либо специфического национального отпечатка на ленинизм, не только не доказывает того оппортунистического положения, что будто бы ленинизм есть только лишь применение марксизма к своеобразной обстановке России, но наоборот, доказывает его интернациональный характер. Почему? Потому, что «Россия была узловым пунктом» всех противоречий империализма. Потому, что, далее, «Россия

была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна, и только она была в состоянии ввиду этого разрешить эти противоречия революционным путем».

«В России, — говорит т. Сталин, — подымалась величайшая народная революция, во главе которой стоял революционныйнейший в мире пролетариат, имевший в своем распоряжении такого серьезного союзника, как революционное крестьянство России...» (подчеркнуто мною. — И. Т.).

Этот факт — наличие «революционнейшего в мире пролетариата» — представлял собою факт величайшего всемирно-исторического значения. Тов. Сталин специально подчеркивает это обстоятельство.

«Россия должна была стать узловым пунктом противоречий империализма, — говорит он, — не только в том смысле, что противоречия эти легче всего вскрывались именно в России ввиду особо безобразного и особо нестерпимого их характера и не только потому, что Россия была важнейшей опорой западного империализма, соединяющей финансовый капитал Запада с колониями Востока, но и потому, что только в России существовала реальная сила, могущая разрешить противоречия империализма революционным путем» (подчеркнуто мною. — И. Т.).

«Но из этого следует, что революция в России не могла не стать пролетарской, что она не могла не принять в первые же дни своего развития международный характер, что она не могла таким образом не потрясти самые основы мирового империализма».

Могли ли русские коммунисты при таком положении вещей ограничиться в своей работе узко национальными рамками русской революции? Конечно нет. Наоборот, вся обстановка, как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война), толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма, доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое оружие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того, чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма. Русские коммунисты иначе и не могли действовать, ибо только

на этом пути можно было рассчитывать на известные изменения в международной обстановке, могущие гарантировать Россию от реставрации буржуазных порядков» («Вопросы ленинизма», стр. 10).

Тов. Сталин, освещая вопросы соотношения русской и международной революции и выясняя всемирно-историческое значение большевизма, не раз отмечал, что коренные вопросы русской революции были вместе с тем коренными вопросами мировой революции.

Победить в новых условиях, в условиях новой эпохи, может только рабочий класс, имеющий партию нового типа. Большевизм и был этой новой партией рабочего класса. Большевизм с самого начала своего возникновения был таким образом образцом для борьбы рабочего класса любой из капиталистических стран.

Образцовой партией рабочего класса большевизм был прежде всего потому, что, основываясь на подлинно революционном учении Маркса, большевизм развил это учение, поднял его на новую ступень, ведя с самого начала своего существования беспощадную борьбу против всякого рода оппортунизма.

Самое возникновение большевизма было фактом последовательной и непримиримой борьбы с оппортунизмом. Это весьма и весьма существенным образом отличало большевиков от всех, даже самых лучших представителей рабочего движения в западноевропейских странах. Известно например, что и Каутский в Германии и Гед во Франции весьма часто, особенно в острые периоды внутрипартийной борьбы, склонны были к компромиссам, к соглашениям, к уклонам в сторону оппортунизма, к теоретическим и политическим уступкам ему.

Борьба двух тенденций в рабочем движении, со всей силой проявившаяся в эпоху империализма, определила все развитие западноевропейских партий. Революционная тенденция, представленная прежде всего революционной рабочей массой, в значительной мере определила революционность (в конце XIX и начале XX столетия) таких крупных марксистов, как Каутский, Бебель, Гед и др.

Но вспомним, что Ленин не раз указывал на склонность каждого из этих вождей к уступкам оппортунизму, на их нерешительность в борьбе с международным оппортунизмом, на их теоретические ошибки, на их неумение создать партию

нового типа. В статье «Мертвый социализм и живой социализм» Ленин специально отмечал: «Каутский, несмотря на свои громадные заслуги, никогда не принадлежал к тем, кто во время больших кризисов сразу занимал боевую марксистскую позицию (вспомним его колебания по вопросу о миллеранизме)» (т. XVIII, стр. 77). Большевизм был таким течением, которое по самому своему существу не могло мириться ни с какой формой оппортунизма; он был таким образом единственным последовательно революционным течением в международном социализме.

Последовательно революционным большевизм был потому, что он был единственным течением, непосредственно опиравшимся в своей политической борьбе на дальнейшее всестороннее развитие учения Маркса, что также составляет крупнейшую особенность в возникновении и развитии большевизма. Большевизм мог стать подлинным борцом против оппортунизма, подлинным авангардом рабочего класса потому и только потому, что он, устанавливая нераздельное единство политической и теоретической борьбы, дал новое теоретическое освещение новой эпохи и новых задач, вставших перед рабочим классом. Никто кроме большевиков не сумел ответить на вопросы, выдвинутые эпохой империализма. Большевизм сумел ответить на них потому, что основывался на правильно понятом учении Маркса, развивая, углубляя и конкретизируя метод материалистической революционной диалектики. Начиная с самых сложных и глубоких вопросов философии марксизма, т. е. вопросов материалистической диалектики, продолжая вопросами учения о революционной диктатуре пролетариата, вопросами создания нового типа партии и кончая самыми конкретными задачами рабочего класса в каждой стране,— во всех этих вопросах большевизм проводил единственно последовательную марксистскую линию. В том-то и было отличие его от всех течений во II интернационале, что он, большевизм, давал единственно правильный ответ на все вопросы теоретической, политической и экономической борьбы рабочего класса за социалистическую революцию.

Совершенно ясно отсюда единство теоретического мировоззрения и политической стратегии и тактики рабочего класса, разработан-

ной большевизмом в эпоху империализма. Те историки, которые пытаются связно представить историю политической борьбы большевизма и не понимают или не показывают всей теоретической борьбы, которую проводил большевизм с ревизионистскими системами, с представителями буржуазной науки по вопросам философии, по вопросам общих основ теории революционной диалектики, занимаются недопустимым рассечением большевизма, охватывая лишь одну из сторон большевистской теории и практики, давая ее поэтому неполно и искажая тем самым подлинную историю большевизма.

Большевизм с самого начала поставил и разрешил новые вопросы и теоретической и политической борьбы рабочего класса. Слова Ленина о том, что без революционной теории не может быть революционного движения, — применимы прежде всего к самому большевизму. Большевизм не мог стать самым революционным течением в рабочем классе, если бы он не был самой передовой теорией.

Тов. Сталин в «Вопросах ленинизма» говорит, что абсолютно неправы те, которые думают, что ленинизм, Ленин и большевики беззаботны в отношении теории. Большевизм вовсе не есть только практика рабочего класса; большевизм есть, как уже сказано, «последнее слово научного социализма», т. е. большевизм есть новая разработка новых вопросов революционной борьбы рабочего класса, новых вопросов общественно-политического развития и новых вопросов революционной диалектики вообще.

Таким образом интернационализм, абсолютная последовательность во всех вопросах и единство теоретических и политических взглядов, беспощадная, последовательная борьба против всякого рода оппортунизма — таковы крупнейшие особенности большевизма как политического течения, которые резко отличают его с самого начала его возникновения от всех других течений в рабочем классе.

Историки должны разрабатывать историю большевизма с точки зрения освещения всех этих особенностей его, давая правильный ответ в духе письма т. Сталина в журнал «Пролетарская революция» и «Ответа т. Сталина» по поводу этого письма, подчеркивающих единство теоретической и политической борьбы большевизма в России и на международной арене. Историки должны таким образом, разрабатывая историю большевизма, показать, чем

отличался большевизм например от германской социал-демократии — партии, ближе всего стоявшей к тому типу партии, который нужен был пролетариату в условиях новой эпохи. Известно, что даже лучшие представители германской социал-демократии в лучшую пору ее развития не были последовательными революционными марксистами. Конечно и Каутский и Бебель были в определенный период марксистами, но в том-то и дело, что они были не последовательными марксистами, в том-то и дело, что они сплошь и рядом совершали теоретические ошибки, сдавая позиции оппортунизму по целому ряду важнейших теоретических и политических вопросов, в том-то и дело, что они уже тогда совершали оппортунистические ошибки.

Каковы эти вопросы? Эти вопросы суть вопросы революционной диалектики и учения о пролетарской диктатуре. Эти вопросы центральные, самые главные во всей новейшей истории мирового рабочего движения. Когда мы занимаемся историей германской социал-демократии, то мы показываем конечно, что в определенный исторический период эта партия была революционной партией, борющейся за интересы рабочего класса; но мы никак не можем упустить из виду, что даже в лучшие годы ее вожди совершали ошибки, сдавая позиции оппортунизму по существенным вопросам борьбы рабочего класса.

Известно например, что Каутский никогда не понимал связи между вопросами политической борьбы рабочего класса и его теоретическими задачами, никогда не понимал души марксизма — его революционной материалистической диалектики. Известно, что Каутский, будучи в философии по существу сторонником идеалистической системы Канта, очень часто заявлял, что важно быть марксистом лишь в вопросах политической борьбы, а в вопросах теории, в вопросах философии можно быть сторонником какой угодно точки зрения. «Я думаю,—писал он например,—что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством...» В связи с этим стоят например ошибки Каутского: связанные с его неправильным, абсолютно немарксистским отношением к научному знанию, к теории вообще.

Любопытно в связи с этим отметить одно место из его предисловия к «Происхождению христианства», он писал: «Ни

один честный человек, какова бы ни была его точка зрения, не позволит себе сознательно фальсифицировать прошлое. Но нигде беспристрастие исследователя не является более необходимым, чем в области общественных наук, и нигде оно не достигается с большим трудом» (подчеркнуто мною. — И. Т.).

Так, в другом месте он писал: «Кто стоит на точке зрения материалистического понимания истории, тот может смотреть на прошлое вполне беспристрастно, даже в том случае, если он принимает самое живое участие в практической борьбе в настоящем» («Происхождение христианства», стр. 8).

В этой фразе все замечательно: и то, что очевидно могут быть люди, которые стоят на точке зрения материалистического понимания истории и могут не принимать живого участия в борьбе рабочего класса, и то, что Каутский призывает к «беспристрастию» в вопросах теории, в вопросах научного исследования. Он так прямо и говорит, что он не стремится ни «оправдать» религию (христианство), ни порицать, разоблачать ее. Он, видите ли, относится к ней «объективно». Не приходится распространяться насчет того, что значит эта «объективность», каков ее объективный классовый смысл. Этот «объективизм» был на самом деле весьма близок к восхвалению «религиозного метода мышления», идеализма вообще, т. е. весьма близок к поповщине — правда в особой, замаскированной форме. Беспристрастное отношение, нежелание разоблачать эксплоататорскую сущность христианства было на самом деле особой тонкой формой защиты, может быть и бессознательной, этой идеологии. Отход от позиций пролетариата в вопросах науки, в вопросах теории выражен здесь с замечательной яркостью. Неудивительно, что Каутский не понимал теоретических основ марксизма, не понимал революционной диалектики и в связи с этим не понимал марксистского учения о диктатуре пролетариата. Неудивительно и то, что Каутский уже в лучшие для пролетариата годы своей жизни соскальзывал к воспеванию демократии, к воспеванию «демократического государства», искажая марксистское учение о диктатуре и демократии в угоду буржуазной идеологии, отходя от позиций революционной борьбы за диктатуру пролетариата. Чем, как не апологетикой мелкобуржуазной демократии следует назвать

такие например его слова: «Человек от природы является не только социальным, но и демократическим существом, или, правильнее выражаясь, стремление к демократической деятельности является одной из сторон его социальной сущности, унаследованной им уже от животных предков».

Итак, человек от природы демократ, демократия и социализм ведут свое начало даже не от Великой французской революции, воспетой Жоресом, как самое великое событие в мировой истории. Демократия ведет свое начало от животных предков; человек по природе демократ!

Бороться за диктатуру, имея такие взгляды, было очень трудно. Естественно, что Каутский, испытывая на себе влияние всей утонченной буржуазной идеологии, не умея преодолеть ее, не умея пользоваться оружием материалистической диалектики, проявлял бесхарактерность в борьбе против оппортунизма по важнейшим вопросам борьбы рабочего класса.

Конечно Каутский не мог по-настоящему бороться против ревизионизма в конце 90-х годов не потому, что он сам был тогда оппортунистом; тогда он оппортунистом еще не был, но он был непоследовательным марксистом. Эта непоследовательность Каутского и других вождей и их колебания очень дорого обошлись германскому рабочему классу и всему мировому рабочему движению. Из этой непоследовательности и рождались очень часто отступления, искажения и прямые извращения теоретических и политических основ революционного марксизма.

Ленин не раз отмечал, что для истории социал-демократической партии, для истории оппортунизма и борьбы с ним очень важно отметить, что вожди германской социал-демократии, Каутский в том числе, не могли поставить по-настоящему вопросы теории и практики революционного марксизма тогда, когда это особенно требовалось в связи с волной ревизионизма. в связи с выступлениями Бернштейна в Германии, Мильерана во Франции.

В статье «Крах II интернационала» Ленин писал например:

«Если бы Каутский интересовался добросовестно политической биографией названных им лиц, он должен бы припомнить, не было ли в этой биографии таких черточек и событий, которые не «в один день», а в десяток лет подготавливали переход к империализму, не бывал ли Вальян

в плену у жоресистов, а Плеханов — у меньшевиков и ликвидаторов? Не умирали ли у всех на глазах и а п р а в л е н и е Геда в образцово безжизненном, бездарном, неспособном занять самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу гедистском журнале «Социализм», не проявляли Каутский (добавим для тех, кто и его ставит — вполне справедливо — рядом с Гайндманом и Плехановым) бесхарактерности в вопросе о мильеранизме, в начале борьбы с бернштейниадой и т. д.?» (т. XVIII, стр. 264—265).

Известно, что в своей вынужденной полемике с Бернштейном, за которую Каутский принялся с большой неохотой, Каутский сделал уступку Бернштейну как раз по главному теоретическому и политическому вопросу — по вопросу о диктатуре пролетариата.

Так, он писал: «Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры мы спокойно можем предоставить будущему». И это писалось в 1899 г.! Понятно, почему Ленин в связи с этим писал потом: «Это не полемика против Бернштейна, а в сущности уступка ему, сдача позиций оппортунизму». А в самом начале 1917 г., работая над подготовкой своей книги «Государство и революция», по поводу приведенного выше места из Каутского и вообще по поводу взглядов Каутского Ленин отмечал в своих тетрадках: «Я-де за диктатуру пролетариата, но не хочу настаивать на ней и разбирать ее. Ни за, ни против. Вот до чего опошлили марксизм!» (Лен. сб. XIV, стр. 383).

Так в различных вопросах, по различным поводам и в различной связи Каутский благодаря своей непоследовательности, благодаря своим политическим ошибкам все более и более отходил от марксизма, становясь центристом, т. е. представителем одной из форм международного оппортунизма.

В сущности говоря, то же самое можно сказать, если приводить примеры, и по поводу другого крупнейшего марксиста, Жюля Геда — так же, как и Каутский, ставшего потом центристом. Известно, что Гед никогда не понимал в полном смысле марксово учение о диктатуре пролетариата. И Гед так же, как и Каутский, сдавал позиции оппортунизму именно в этом вопросе, не умея защитить от пра-

вых и «левых» оппортунистов это центральное ядро марксистского мировоззрения. Даже тогда, когда Гед был революционным марксистом, он не умел последовательно бороться за революционный марксизм. Конечно колебания Геда в 90-х гг. XIX века в связи с различными вопросами (отношение к парламенту и парламентской борьбе, аграрный вопрос, вопрос о роли партии и т. д.) не были системой извращений марксизма, не были стройной и законченной системой оппортунистических ошибок. Однако никак нельзя признать случайным тот факт, что Гед почти никогда не говорил о диктатуре пролетариата и не занимался разработкой этого вопроса применительно к условиям новой эпохи.

Только однажды на Парижском конгрессе II интернационала в 1900 г. Гед говорил о диктатуре пролетариата. Он говорил о ней как революционный марксист, но бороться против оппортунизма, последовательно защищая все стороны марксова учения, он не мог, и конечно в свете всего последующего развития Геда, в свете его последующей измены социализму никак нельзя признать случайным и не имеющим исторического значения тот бесспорный и общеизвестный факт, что Гед в 90-х гг. страдал переоценкой парламентаризма, сектантством, непониманием вопроса о союзниках пролетариата, о роли партии, о значении связи партии с широкими массами, о характере этой связи, о системе руководства со стороны партии всеми формами борьбы рабочего класса и т. д.

Совершенно ясны и теоретические основы отклонений Геда от революционного марксизма. Основы эти заключаются в том, что и Гед, как и Каутский, никогда не понимал марксова учения об основах общественного развития, никогда не понимал прежде всего революционной диалектики. Тот факт, что Гед страдал сектантством, стоит в непосредственной связи с его непониманием единства теории и практики, единства учения Маркса о революционной диалектике и о диктатуре пролетариата, об условиях победоносной борьбы за эту диктатуру.

Отрыв Геда от масс, непонимание им значения массовой борьбы, различных форм борьбы рабочего класса, роста этих форм, задач борьбы за их рост, за их перерастание в высшие формы — все это стоит в непосредственной связи с его не-

пониманием теоретических основ марксизма, непониманием всех тех практических, политических выводов, которые вытекают из учения о революционной материалистической диалектике.

Непоследовательность революционного марксизма Геда сказалась тут с полной ясностью и также весьма дорого обошлась французскому рабочему классу. Когда в конце XIX и в начале XX столетия Франция была всем ходом событий вплотную приближена к революционным боям пролетариата за власть, когда во Франции со всей силой сказалась например необходимость правильной постановки вопроса о руководстве экономическими боями рабочего класса, а также необходимость участвовать во всяком демократическом движении для того, чтобы наложить на него отпечаток, сделать его выгодным пролетариату, завоевать союзников в целях подготовки боевых сил пролетарской революции,—тогда Гед не сумел последовательно—марксистски подойти к решению этих вопросов. Гед не понял диалектики развития различных форм борьбы рабочего класса, значения руководства массовой борьбой пролетариата с целью доведения этих форм до самых высших, т. е. до вооруженного восстания, не сумел поставить вопросы создания партии нового типа.

Не понимая революционной материалистической диалектики вообще, Гед не мог увидеть и понять диалектического единства социалистической борьбы пролетариата за свои конечные цели и его участия во всяком действительно демократическом, действительно прогрессивном движении.

Объявляя все демократические непролетарские слои сплошной реакционной массой, Гед оставлял пролетариат изолированным. Гед не понимал задач подготовки пролетарской революции, не понимал теории и практики борьбы за пролетарскую диктатуру.

Интернациональный характер большевизма вырастает также и из того, — и это необходимо со всей силой подчеркнуть, — что с момента своего возникновения большевизм давал ответы не только на вопросы русской революции, не только на общие и конкретные вопросы исторической борьбы российского пролетариата, но и на все вопросы международной борьбы рабо-

чего класса. Величайшее всемирно-историческое значение большевизма и заключается в том, что большевизм объявил с самого начала борьбу оппортунизму во всем мире, борясь также с непоследовательностью марксистов типа Каутского и Геда, критикуя их за эту непоследовательность, указывая, что без последовательной теоретической и политической борьбы нельзя довести борьбу с оппортунизмом до той черты, до которой необходимо доводить эту борьбу, для полного успеха пролетарского дела, т. е. до раскола с оппортунистами.

Большевики всегда критиковали Каутского и Геда (как и других вождей II интернационала) за их ошибки, за их отступление от теоретических и политических основ революционного марксизма.

Работы Ленина, относящиеся к самому раннему периоду, со всей яркостью подтверждают этот бесспорный факт. В сущности говоря, когда Ленин в 1898 г. в статье «Задачи русской социал-демократии» писал о необходимости для рабочего класса «быть передовым борцом за политическую свободу и за демократические учреждения», говорил об условиях этой борьбы, о необходимости выделения рабочего класса в самостоятельную политическую силу (см. т. II, стр. 177 и др.), то он выступал отнюдь не только против тех социал-демократов в России, которые либо не понимали значения борьбы рабочего класса как авангарда всех демократических слоев, либо желали лишить рабочий класс самостоятельности в этой борьбе, — Ленин выступал здесь и против сектантства Геда.

Особенно ярко сказалось это в «Протесте российской социал-демократии» (т. II, стр. 483), где Ленин писал: «Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельных политических рабочих партий, главной целью которых должен быть захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества. На другие классы и партии пролетариат отнюдь не должен смотреть, как на «реакционную массу»: напротив, он должен участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать прогрессивные классы и партии против реакционных, поддерживать всякое революционное движение против существующего строя, являться защитником всякой угнетенной народности или расы, всякого преследуемого вероучения, бесправного поля и т. д.» (т. II, стр. 483, написано летом 1899 г.).

Непосредственно эти слова были направлены конечно против авторов «сгедо», но они ставили те вопросы, которые были актуальны для всей мировой борьбы рабочего класса, в том числе и пролетариата Франции.

Можно было бы указать на весьма яркое место, имеющееся в статье Ленина «Политическая агитация и классовая точка зрения», относящейся к 1902 г., в которой Ленин специально упоминает дело Дрейфуса, в котором, как известно, Гед занял неправильную, сектантскую позицию, заявляя, что борьба, связанная с делом Дрейфуса, — это борьба различных фракций буржуазии, к которой пролетариат не имеет никакого отношения.

Упомянув об этом деле и сказав, в какое общественное движение во Франции разрослось столкновение всех прогрессивных элементов с воспринятой на почве одного решенного путем подлога судебного дела. Ленин пишет: «...наш прямой долг разъяснить пролетариату, расширять и, путем активного участия рабочих, поддерживать всякий либеральный и демократический протест».

Гедисты считали пролетарское вмешательство в дело Дрейфуса ненужным, ибо, как говорили гедисты, борьба вокруг этого дела есть борьба внутри буржуазии, отдельных ее фракций.

Пролетариату, по мнению гедистов, нечего было там делать.

Ленин бичует этот взгляд. «Кто морщит презрительно нос по поводу мизерности некоторых из этих столкновений или «безнадежности» попытки раздуть их в общий пожар, — говорит он, — тот не понимает, что всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его. Наш прямой долг — вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое, отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по-своему. Кто сторонится от такого вмешательства, тот на деле (каковы бы ни были его намерения) пасует перед либерализмом, отдавая в его руки дело политического воспитания рабочих, уступая гегемонию полити-

ческой борьбы таким элементам, которые в конечном счете являются вожаками буржуазной демократии.

Классовый характер социал-демократического движения должен выражаться не в сужении наших задач до непосредственных и ближайших нужд «чисто рабочего» движения, а в руководстве всеми сторонами и всеми проявлениями великой освободительной борьбы пролетариата, этого единственного действительно революционного класса современного общества. Социал-демократия должна всегда и неуклонно расширять воздействие рабочего движения на все сферы общественной и политической жизни современного общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочих, но также и политической борьбой пролетариата, она должна ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм».

Мы специально взяли такие места из сочинений Владимира Ильича, которые относятся к раннему периоду исторического подготвления большевизма. Большевизм как политическое течение и политическая партия с самого начала был на страже защиты революционных позиций рабочего класса во всем мире. Ленин в первые годы XX в. поддерживал «ортодоксов» Германии, Гед в Франции и т. д., но никогда не забывал необходимости критиковать непоследовательность Бебеля, Гед, Каутского и других вождей II интернационала даже в тот период, когда они еще были марксистами.

Можно было бы привести многочисленные факты указаний Ленина, большевиков на недомолвки, теоретические, политические неточности, допускаявшиеся этими вождями.

Мы не говорим уже о периоде после революции 1905 г., когда на всех парах шло развитие и победа оппортунизма во II интернационале, когда вожди II интернационала все более и более превращались в центристов и когда даже левые радикалы в Германии не могли по-настоящему поставить борьбу против оппортунизма и центризма, довести ее до раскола, ибо они не были последовательно революционными марксистами и сами не освободились от

меньшевистского груза. Ленин систематически отмечал все неточности, ошибки, искажения революционного марксизма, допускавшиеся не только гедистами во Франции и «ортодоксами» в Германии, но и представителями левых течений в международной социал-демократии.

Мы уже не говорим о той критике, которую развертывал Ленин по поводу позиций Геда, Каутского и пр. в последующие годы в связи с обсуждением таких важнейших вопросов, как вопрос о милитаризме и борьбе с военной опасностью, колониальный вопрос, вопрос о парламентаризме и пр.

Ленин жестоко бичевал оппортунизм, никогда при этом не забывая критиковать и непоследовательность той борьбы с оппортунизмом, которую пытались, но по-настоящему не сумели вести левые течения во II интернационале («левые радикалы» в Германии и пр.). «Известно, что линия на раскол с оппортунистами была линией, которую вели большевики с самого начала своего существования. Конечно не вина большевиков в том, что левые радикалы в Германии и вообще левые течения не осуществили этого раскола, будучи теоретически не подкованы, политически беспомощны.

Всякие искажения и уклонения от революционного марксизма, против которых всегда боролся Ленин и большевики, всегда были или отдаленно, или, как было чаще всего, непосредственно связаны с отклонениями и извращениями главного в революционном марксизме — учения о пролетарской диктатуре.

Большевизм был последовательным учением потому, что он боролся за чистоту марксова учения и за дальнейшее развитие этого учения в новых условиях, прежде всего в вопросе о диктатуре пролетариата.

Большевизм с самого начала был прежде всего учением о диктатуре пролетариата. За это учение — учение о социалистической революции и пролетарской диктатуре — и за его претворение в жизнь большевистская партия боролась с первых дней своего существования; под знаменем этого учения, развитого Лениным и Сталиным, она побеждала и побеждает во всем мире.

Письмо т. Сталина подняло огромную волну интереса к исторической науке со

стороны широких масс партийного актива и широкую волну самокритики среди историков-марксистов.

Оно со всей яркостью вскрыло наличие у некоторых из историков-марксистов правооппортунистических и «левых» схем, теорий, концепций, наличие примиренчества к правооппортунистическим схемам и к троцкистским «теориям». Письмо т. Сталина имело огромное политическое значение между прочим и потому, что оно заставило историков-марксистов критически пересмотреть предшествующую работу и более четко, согласно директив т. Сталина, по-большевистски поставить перед собой новые задачи, необходимость постановки которых диктуется всей обстановкой в СССР и во всем мире.

В связи с постановлениями ЦК партии об «Истории фабрик и заводов» и «Истории гражданской войны» и в связи с письмом т. Сталина начала развертываться огромная массовая историческая работа. Целые десятки тысяч людей привлечены к участию в создании исторических работ.

Тяга к историческим знаниям среди широких масс огромна. Политико-воспитательное значение исторической науки как никогда велико, и мы должны во что бы то ни стало организовать исторический научный фронт по-большевистски и осуществить те указания, которые дал т. Сталин в своем письме «О некоторых вопросах истории большевизма» и в своем «Ответе» по поводу этого письма.

Исторической науке надо дать боевые большевистские темпы. Необходимо, далее, продолжать критическую работу по выкорчевыванию всякого рода оппортунистических схем и концепций, проникавших до последнего времени в работы историков-марксистов, развивая эту критическую работу на основе положительной разработки, двигая дальше разработку конкретной истории, конкретного исторического процесса.

Не секрет, что наблюдались иногда такие явления, когда критическое разоблачение отдельных чуждых марксизму схем и взглядов происходило без достаточно положительной разработки данных вопросов. У некоторых проявлялось даже своеобразное «проработочное» увлечение. Надо понять, что без разработки наследства Ленина и указаний Сталина без положительной

...ПОДНЯТЬ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА НА ДОЛЖНУЮ ВЫСОТУ, ПОСТАВИТЬ ДЕЛО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАШЕЙ ПАРТИИ НА НАУЧНЫЕ, БОЛЬШЕВИСТСКИЕ РЕЛЬСЫ И ЗАОСТРИТЬ ВНИМАНИЕ ПРОТИВ ТРОЦКИСТСКИХ И ВСЯКИХ ИНЫХ ФАЛЬСИФИКАТОРОВ ИСТОРИИ НАШЕЙ ПАРТИИ, СИСТЕМАТИЧЕСКИ СРЫВАЯ С НИХ МАСКИ...

СТАЛИН

творческой работы никакая критическая работа не может достигнуть своей цели.

Не просто критиковать, а критиковать, двигая дальше положительную разработку вопроса. Со всей глубиной разрабатывать на основе указаний Ленина и Сталина конкретный исторический процесс — вот в чем задача.

За последний период стали появляться новые научные труды, непосредственно посвященные истории большевизма, истории коммунистического движения. В связи с этим следует упомянуть прежде всего работу Ферра по истории французской коммунистической партии и Реймана — по истории чехо-словацкой компартии. Подготавливается огромное количество серьез-

ных работ, посвященных истории большевизма, истории послевоенного развития, истории эпохи империализма, истории Октябрьской революции (в связи с 15-летним юбилеем Октября) и т. д.

Историческая наука ширится и крепнет. Большеви́стская историческая наука побеждает. Чтобы оказаться на высоте задач, поставленных постановлениями ЦК и письмами т. Сталина, надо со всей глубиной разрабатывать ленинское наследство и указания т. Сталина, исходя из задач поставленных ленинским этапом развития исторической науки, и поставив историю большевизма в центр внимания всей научно-исследовательской работы.

История большевизма есть центральная задача марксистско-ленинской исторической науки.

германская социал-демократия

В
РЕВОЛЮЦИИ

1923 г.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Революция 1923 г. в Германии развернулась на грани первых двух периодов послевоенного развития: периода высокого под'ема революционной волны и периода частичной и временной стабилизации капитализма. Одной из важнейших основных причин того, что революционный пролетариат Германии потерпел поражение в боях 1918—1923 гг., несмотря на наличие объективных условий для его победы, является предательская роль, которую сыграла социал-демократия в развитии германской революции на всех ее этапах.

И в ноябре 1918 г., и в кровавых боях января 1919 г., и в мартовских боях 1921 г., и в революции 1923 г. германская социал-демократия была активнейшим борцом за спасение капитализма от грозившей ему гибели. То используя остатки своего бывшего влияния в среде пролетариата, то выступая против рабочих в качестве полицейской силы, то становясь сильнейшей партией буржуазного коалиционного правительства, то переходя в мнимую оппозицию, социал-демократия являлась незаменимой опорой буржуазии в ее борьбе против революционных выступлений рабочего класса.

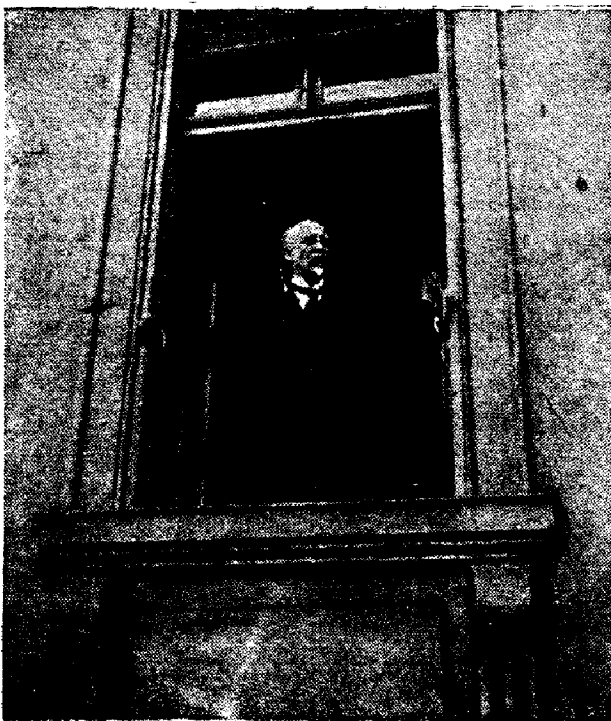
Особенно подлую, предательскую роль в отношении пролетариата в период послевоенного революционного под'ема сыграл международный центризм, прикрывавший свой оппортунизм марксистской фразой и становившийся в мнимую оппозицию к официальной социал-демократии.

Ленин всегда считал центризм особенно опасным видом оппортунизма.

**...ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
БЫЛА АКТИВНЕЙШИМ БОРЦОМ ЗА СПА.
СЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА ОТ ГРОЗИВШЕЙ
ЕМУ ГИБЕЛИ...**

*Шейдеман, провозглашая
республику, на окнах рейхс-
тага ставит пулеметы
(верхний снимок)*

«Это — плаксивые и мещанские демократы, которые в тысячу раз опаснее для пролетариата, если они объявляют себя сторонниками советской власти и диктатуры пролетариата, ибо на деле в каждую трудную и опасную минуту они неизбежно будут совершать предательство... пребывая в «искреннейшем» убеждении, что они помогают пролетариату»¹.

Ряд центристских партий даже симулировал «разрыв» со Вторым интернационалом, заявив о своем выходе из него и организовав в 1921 г. венский так называемый Двухполовинный интернационал. По мере того как капитализму удавалось на время разоружить революционный пролетариат, по мере того как спадал революционный подъем и непосредственная угроза капитализму несколько отодвигалась, стремление к возвращению международного централизма в лоно объединенной социал-демократии все больше усиливалось. В октябре 1922 г. на съезде в Нюрнберге германские независимые объединились с шейдемановцами, а в мае 1923 г. объединение централизма с правой социал-демократией происходит уже в международном масштабе: на Гамбургском конгрессе Двухполовинный интернационал, сыгравший столь позорную предательскую роль в годы послевоенных революционных боев, пришел с повинной головой в ряды Второго интернационала.

Когда в 1919 г. под давлением революционных рабочих независимцы все больше «левели», они старались резко критиковать шейдемановцев и клялись в своей непримиримости в отношении к ним. Чрезвычайно характерно сопоставление выступлений германских независимых в 1919 г. и в момент объединения в 1922 г. Криспин пишет в «Freiheit» 9 ноября 1919 г.:

«Эберт—Шейдеман потеряли все уважение масс, даже и тех, которые до сих пор не смогли еще решиться окончательно от них отвернуться. В глазах германского и международного пролетариата они навсегда заклеены как покровители белой гвардии, как защитники буржуазии».

Выступая в то же период на Лейпцигском съезде независимых, Криспин клялся в совершенной невозможности примирения с социал-демократией, «лакеями и слугами капиталистов».

¹ Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. XVII, стр. 193, изд. 1-е.

«Объединение между партией социалистов Носке и классово сознательным пролетариатом невозможно. Нас отделяет от них не только тактика, — нас отделяет от социалистов Носке целый мир принципов. Социалисты Носке стоят на почве буржуазной демократии, — мы стоим на почве пролетарской революции. Мы так же мало можем объединиться с лакеями и слугами капиталистов и аграриев, с предателями рабочего класса, как не можем объединиться с самими капиталистами и аграриями»².

А в 1922 г. тот же Криспин является уже решительным сторонником объединения с этими лакеями. Несколько позднее, на партийтаге 1924 г. в Гаале он мотивирует это так:

«В это время, когда республике и социализму так сильно угрожали капиталистическая реакция и дикое большевистское движение, объединение означало спасение социализма в Германии и усиление его в международном масштабе»³.

Мы взяли в качестве иллюстрации выступления Криспина лишь потому, что они с достаточной ясностью отражают кривую «развития» независимых. Независимые мотивировали необходимость объединения критическим положением Германии, нарастанием фашизма, «угрозой большевизма» и необходимостью «объединения сил рабочего класса». С другой стороны, независимые пытались уверить рабочих в том, что объединение их с правыми социал-демократами отнюдь не означает капитуляции централизма перед последними, что оно предполагает возможность революционизирования социал-демократии изнутри, что их задача — вернуть социал-демократию на путь классовой борьбы.

На деле же, объединившись с шейдемановцами, независимые целиком капитулировали перед ними.

Каково было отношение шейдемановцев к объединению с центристами? В основном объединение с независимыми конечно чрезвычайно их устраивало, но некоторые из них побаивались, что вследствие слияния с независимыми еще быстрее будут нарастать оппозиционные настроения в рядах социал-демократических рабочих, еще глубже будет процесс разложения социал-демократии.

Кроме того некоторые сугубо практические социал-демократы опасались, как бы

² Цит. по Фрелих, Герм. соц.-демокр. 14 лет в союзе с капиталом, стр. 130.

³ Protokollen des a.-d. Parteitagcs, стр. 44, 1924 г.

объединение не помешало их парламентским комбинациям с буржуазией. Кунов писал уже в начале 1922 г.:

«Преимуществом объединения противостоит весьма значительный ущерб, ибо, во-первых, опять подается направо часть наших приверженцев из буржуазных кругов, которые примкнули к нам во время войны и после крушения и ныне по большей части стоят на правом крыле партии: мелкие ремесленники, мелкие чиновники, служащие и лица свободных профессий. Во-вторых, мы не будем больше в такой мере, как до сих пор, являться подходящей партией для коалиции с левыми буржуазными партиями. В-третьих, нас снова оттеснят на положение оппозиции, и мы потеряем занимаемые нами государственные и коммунальные руководящие посты»⁴.

Если для руководства независимых, для которого действительные принципиальные разногласия с шейдемановцами сводились к минимуму даже в период их наибольшего отхода от последних, объединение было чрезвычайно желательным, то низы независимых, которые в значительной мере впитали в себя прослойки тех революционизируемых рабочих, которые не решались еще порвать совсем с социал-демократией и перейти в КПГ, проделывали объединение достаточно болезненно. Об этом достаточно ярко говорят не только настроения рабочих-независимцев, но следующие цифровые данные, приводимые самими социал-демократами. До объединения в ГСД было 1.174.105 членов, а у независимых — 290.700. Формальное согласие на объединение дали из последних только 206 тыс. членов. Но очевидно далеко не все давшие это согласие вошли в объединенную социал-демократическую партию, так как после объединения в ней было 1.261 тыс. членов.

Вскоре после объединения развернулись бурные события 1923 г., связанные с оккупацией Рура и быстрым нарастанием революционного под'ема.

По мере обострения классовой борьбы в Германии с огромной быстротой происходило разложение германской социал-демократии.

В какой мере, в каком направлении влиял на этот процесс факт Нюрнбергского объединения, факт организационного расщепления независимцев в объединенной социал-демократии?

Объединение независимых и шейдема-

⁴ «Neue Zeit» № 16, 13/1 1922.

новцев. так же как слияние Второго и Двухполовинного интернационалов, было в определенном смысле большим шагом вперед для международного рабочего движения: оно вносило больше ясности в расстановку политических сил; оно устраняло с пути охотно прикрывавшихся марксистской фразеологией центристов, которые представляли собой наиболее вредный, наиболее опасный вид оппортунизма. Но, с другой стороны, объединение означало новый маневр международной социал-демократии, несколько усиливавший ее организационно и увеличивавший ее маневренные возможности.

Спекулируя на тяге рабочих к единству для борьбы против наступления капитала, международная социал-демократия уже тогда стремилась использовать эту тягу в интересах капитализма и уже тогда в противовес тактике единого фронта, проводимой Коминтерном, старалась осуществить «единый фронт» под своей гегемонией, видя основную цель его в изоляции коммунистической партии и в борьбе против революционного рабочего класса, в подчинении его буржуазии.

IV конгресс Коминтерна так расценивал значение объединения Второго и Двухполовинного интернационалов:

«Попытка Второго интернационала под флагом единого фронта вообрать в себя более левые рабочие организации («слияние» социал-демократии и независимых в Германии) фактически означает не что иное, как возможность для социал-демократических вождей предать буржуазии новые рабочие массы».

В Германии, как мы уже указывали выше, обстановка сложилась для социал-демократии чрезвычайно оригинально: не успели закончиться «объединительные торжества», как начала назревать обстановка, приводившая со всей неизбежностью к быстрому процессу разложения социал-демократии. Разложение это проявлялось прежде всего в глубоком революционизировании широких пластов социал-демократических рабочих (особенно благоприятную почву процесс этот находил как раз в рядах рабочих, приведенных в объединенную социал-демократию независимыми); с другой стороны, оно проявлялось в отслоении «левых» социал-демократов, некоторые кадры которых состояли из бывших независимых. «Левые» социал-демократы начали новый цикл «революционных» фраз и оппозиционных выпа-

дов в отношении руководства ГСД, основной целью которых было ослабить размах революционного наступления, приостановить бурный процесс революционизирования рабочего класса, удержать революционизирующихся социал-демократических рабочих в рядах социал-демократии путем создания иллюзии о каком-то радикальном отличии «левых» социал-демократов от правых.

Таким образом не успел закончиться в Нюрнберге старый центристский фарс, как он возник в новой форме — в форме «левой» социал-демократии. Значение выделения «левого» крыла в социал-демократии достаточно велико: являясь проявлением процессов разложения социал-демократии, это «левое» крыло главное острие своей политической борьбы направляет в сторону преодоления или хотя бы ослабления этого разложения.

Совершенно не случайно, что в настоящее время, в обстановке глубочайшего капиталистического кризиса и ускоренного нарастания предпосылок революционного кризиса в Германии, в германской социал-демократии снова идет выделение «левого» крыла (во главе с Зейдевицем и др.), которое пытается своей игрой в оппозицию ослабить процесс революционизирования социал-демократических рабочих; не случайны попытки «левых» социал-демократов снова сыграть комедию Двухполосного интернационала!

Задача настоящих статей — проследить роль социал-демократии в революции 1923 г.: ее позицию в отношении французского империализма и германской буржуазии во время оккупации Рура и роль ее в общей расстановке классовых сил в этот период; роль социал-демократии как орудия борьбы буржуазии против революционных рабочих, как активной силы, взращивавшей и укреплявшей фашистские организации как главной силы, которая помогла буржуазии отразить наступление революционного пролетариата, и как орудия буржуазии в ее наступлении на пролетариат после октябрьского его поражения.

Чрезвычайно важно также проследить нарастающий вслед за ростом революционного подъема процесс разложения социал-демократии и предательскую роль «левой» социал-демократии.

Известно, что правые в КПГ давали политически неверную оценку сущности и роли германской социал-демократии в

...ГЕРМАНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ СТОИТ ТЕПЕРЬ ПЕРЕД НОВЫМИ БОЯМИ С БУРЖУАЗИЕЙ... ДЛЯ ЗАВОЕВАНИЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Демонстрация безработных в Брлине, организованная компартией

1923 г., ее взаимоотношений с фашизмом и исходя из этого, по-оппортунистически трактовали и применяли тактику единого фронта.

На современном этапе классовой борьбы и «правые ренегаты и троцкисты пытаются навязать рабочим массам свою контрреволюционную пораженческую «теорию» единого фронта, которую они понимают как гегемонию социал-демократии, как капитуляцию коммунистического авангарда перед социал-фашизмом»⁵. Правооппортунистическое руководство КПГ в 1923 г. уже в значительной мере предвосхитило такое понимание тактики единого фронта, трактуя ее как метод парламентских комбинаций и коалиции с социал-демократией.

Социал-демократия, особенно через своих «левых», использовала правооппортунистическую линию руководства КПГ для того, чтобы приостановить революционное наступление германского пролетариата и обезоружить его, для того, чтобы помочь

⁵ См. статью «О тактике единого фронта», «Большевик» № 13 за 1932 г., стр. 2.

буржуазии хотя бы отсрочить столь страшный для нее германский Октябрь.

Разоблачение роли социал-демократии в революции 1923 г. на всех ее этапах тем более неотложно необходимо, что германский пролетариат стоит теперь перед новыми, решающими боями с буржуазией. перед новым натиском на капитализм для завоевания диктатуры пролетариата; в предстоящих боях социал-демократия, уже переросшая в социал-фашизм, попрежнему являющаяся при этом главной опорой буржуазии в ее борьбе против рабочего класса, снова и снова использует все средства для того, чтобы предотвратить победу пролетариата. Вскрыть подлые дела социал-демократии и показать рабочему классу ее истинную классовую природу — это значит помочь коммунистической партии в ее борьбе за большинство рабочего класса, за окончательное высвобождение западноевропейских рабочих от остатков социал-демократических традиций; это значит облегчить развертывание их борьбы за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата.

ОККУПАЦИЯ РУРА ФРАНЦУЗСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ

И ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

1. ОККУПАЦИЯ РУРА ФРАНЦУЗСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ

Мировая война не только не разрешила противоречий между империалистическими странами, но воспроизвела их в расширенном масштабе. Одним из наиболее ярких проявлений этого вида противоречий послевоенного империализма является борьба между странами победившими и побежденными в мировой войне.

После 4 лет всемерного и тяжкого давления со стороны стран-победителей на обессиленную Германию стало ясно, что без «особых», «чрезвычайных» мер Германия не может осуществлять функций «международной дойной коровы», на что осудил ее Версальский договор. Сознание этого особенно нервировало империалистическую Францию. Французская буржуазия считала, что восстановление разрушенных в войне северных областей Франции является прямой обязанностью Германии как «главного виновника» империалистической войны; далее французские империалисты горько сетовали на то, что государственный долг Германии был срав-

нительно невелик, в то время как французские долги требовали ежегодной выплаты процентов в размере 5 млрд. золотых рублей. Взоры французского империализма все более фиксировались на близлежащем лакомом куске — Рурской области. Рур — центр тяжелой индустрии Германии, сосредоточивший 72 проц. добычи каменного угля и 54 проц. железа послевоенной Германии; Рур, захват которого сулил Франции не только столь выгодное соединение железа «приобретенной» им в результате мировой войны Эльзас-Лотарингии с рурским углем, но и новое обезоружение Германии и захват гегемонии на континенте, — был намечен как очередной «объект внимания» французского империализма.

Роль активных провокаторов оккупации сыграли магнаты германской промышленности во главе со Стиннесом, для которых вопрос об оккупации Рура был лишь частью одной проблемы первостепенной важности: проблемы увеличения процента своих прибылей. Стиннесы вели двойную игру: с одной стороны, толкали правительство на открытое противодействие Франции, с другой — вели переговоры с представителями французской тяжелой индустрии.

Уже в августе 1922 г. велись переговоры между Стиннесом и Люберзаком: представители германской тяжелой индустрии брали на себя уплату репараций при условии участия их в прибылях французской промышленности, заинтересованной в репарациях, и предоставления им концессий со стороны германского правительства. Переговоры были однако прерваны, так как не было достигнуто соглашения о проценте прибылей: каждая из сторон требовала себе 60 проц. прибыли.

Решения Парижской конференции (начало января 1923 г.) уже заранее предрешили неизбежность оккупации Рура, так как ставили перед Германией тягчайшие условия, невыполнение которых должно было повлечь за собой оккупацию.

Под видом охраны 40 инженеров 11 января Франция ввела в Рур 60-тысячную армию, вооруженную танками и броневиками. 10 января французское правительство «мотивировало» свои действия следующей специальной нотой:

«Данные мероприятия, — говорилось в ней, — предпринимаются на основе параграфа 18 Версальского договора; они не содержат никакой мысли со стороны Франции о военных операциях или оккупации полн-

тического характера. Я должен надеяться, что германское правительство не будет препятствовать выполнению этих мероприятий, что только еще больше осложнило бы задачи обоих правительств.

Примите и т. д. Пуанкаре»⁶.

Французские оккупационные войска постарались доказать «чисто экономический» характер оккупации массовыми высылками (количество высланных из Рура достигло до 18 апреля 23 тыс., а к июлю— 71 тыс.), арестами, преданием всех сопротивляющихся оккупации французскому военному суду и организацией форменной блокады Рура — прекращением всякой связи между Руром и неоккупированной Германией.

Наряду с этими мероприятиями оккупанты учинили форменный грабег Рура: наложили арест на угольные налоги и пошлины, производили конфискации как банковских сумм, так и других видов имущества и т. д. и т. п.

Чрезвычайно характерна между прочим мотивировка, какую давали оккупационные власти этим мероприятиям в специально выпущенной ими массовой листовке «Что такое конфискация?»:

«Пруссаки, приятные качества которых оценены историей, ведут ложную пропаганду, характеризуя конфискации как «отнятые», как воровство и т. д. Все конфискации без исключения, предпринятые оккупационными властями, являются правовыми, законными актами против медлительных и явно

ФРАНЦУЗСКИЕ ОККУПАЦИОННЫЕ ВОЙСКА СТАРАЛИСЬ ДОКАЗАТЬ «ЧИСТО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ» ХАРАКТЕР ОККУПАЦИИ...

Рабочий Бохума, подвергшийся истязаниям французских военных властей в Эссене. Вверху — военный патруль на улицах Эссена

⁶ Spethmann. Zwölf Jahre Ruhrberglan. т. II, стр. 314.

злостных должников правительства Куно — Стиннеса. Если германское правительство сваливает ставшие к сожалению необходимыми судебно-исполнительные мероприятия на служащих, рабочих и т. д., в этом виновно оно, а не тот, кто верит его обману. Твое правительство само вынуждает всякую конфискацию» (февраль 1923 г.)⁷.

2. ОККУПАЦИЯ РУРА И ГЕРМАНСКАЯ БУРЖУАЗИЯ

Какова была политическая линия германской социал-демократии в отношении рурской оккупации?

Для того, чтобы дать правильную оценку политике германской социал-демократии в этот период, нужно показать политическую линию германской буржуазии, так как социал-демократия в революции 1923 г., так же как и в 1918—1919 гг., была вернейшим оруженосцем буржуазии как во внутренней, так и во внешней политике.

Германская буржуазия вела двойственную политику, политику двойной бухгалтерии по вопросу об оккупации.

Германские трестовики не только не боялись оккупации, но сознательно ее провоцировали, надеясь таким путем вызвать взрыв национализма в массах и тем самым усилить свои позиции как в вопросе о репарациях, так и в вопросе о размере своих прибылей. Правительство Куно, выполняя волю Стиннеса, сознательно провоцировало оккупацию. Германская буржуазия втайне надеялась сыграть на противоречиях между Францией, с одной стороны, и Англией и САСШ — с другой, и рассчитывала на известную помощь со стороны последних.

Эти надежды не оправдались: Англия, не желавшая усиления Франции на континенте и сильно опасавшаяся этого, не была однако намерена оказывать активную поддержку оккупированной Германии.

Правительство САСШ вместо ожидаемой от него помощи предпочло предъявить Германии требование уплаты 1.479 млн. долл. за понесенные Соединенными штатами в результате мировой войны убытки.

Поэтому главным козырем германских капиталистов в их борьбе за наиболее выгодную сделку с французским империализмом оставалась их надежда на то, что им удастся разжечь националистические страсти и создать видимость единого национального фронта. В этих целях была раз-

⁷ Spethmann, укля. соч., т. IV, стр. 18.

вернута широкая антифранцузская агитационная кампания, начались попытки «примирения» и заигрывания с рурскими рабочими, началась организация пресловутого «пассивного сопротивления», казавшегося капиталистическим магнатам Германии верным средством для достижения своих целей чужими руками и на чужой спине.

Оккупация была тем более выгодна крупной буржуазии Германии, что последняя сумела не только не нести на себе никакого экономического бремени от нее, — бремя это тяжким грузом упало на плечи германских рабочих и вообще широких масс трудящихся, — но нажать еще громадные капиталы на политике инфляции. Буржуазия получила за короткое время от банка 100 млн. долл., а позже уплатила этот долг обесцененной маркой, выиграв на этой «операции» 85 млн. долл. Попытки стабилизации валюты наталкивались на противодействие буржуазии, для которой политика инфляции несла с собой не только возможность крупных спекулятивных операций и очень выгодного экспорта, но и возможность чрезвычайного снижения реальной заработной платы. Характерно, что первые попытки стабилизации валюты были сорваны широко развернутой Стиннесом скупкой валюты. Председатель имперского банка Гавенштейн заявлял со всей определенностью:

«Попытка стабилизации марки не удалась потому, что в период тяжелой борьбы в Германии даже серьезные хозяйственные круги считали себя вправе накапливать большие капиталы не только для текущих нужд, но и просто прозапас... не отступая даже перед крупными закупками»⁸.

Колоссальные «инфляционные» капиталы помещались естественно в укромных местечках за границей, да и внутри Германии буржуазия умудрялась скрыть их от налогового обложения, добившись для этого закона о тайне банковских вкладов.

Германские промышленники, как уже отмечалось выше, видели в оккупации лишь средство торга за более высокий процент прибылей. Вот почему они отнюдь не считали предосудительным самостоятельное ведение переговоров с французским капиталом (помимо своего правительства) и систематическое приготовление почвы для соглашения с французским империализмом.

⁸ Варга, Мировое хозяйство во второй четверти 1923 г., «Коминтерн» № 28—29 за 1923 г.

Такова была линия Стиннесов и Гассенов, разыгрывавших из себя вождей единого национального фронта. Для иллюстрации этой линии приведем характерный пример. В самый разгар «пассивного сопротивления» — в феврале — владелец крупной химической фабрики в Бадене заключил договор с французским правительством, по которому он продавал за 5 млн. фр. все свои «секреты», которые должны были пригодиться Франции в ее военной борьбе против Германии. Этот факт тщательно замалчивался буржуазной прессой Германии, и только «Роте фане» вскрыла его, проведя по этому поводу кампанию по разоблачению истинного характера «патриотизма» германской буржуазии.

Но с особенной яркостью этот «патриотизм» германской буржуазии выразился в истории с обращением градоначальника Дюссельдорфа Лютербека к французским оккупантам с напоминанием о неоценимых услугах, оказанных французской буржуазии Германией в подавлении Парижской коммуны 1871 г., и с требованием от французских оккупантов оказания помощи против германских рабочих. Он писал:

«Господин министр президент Пуанкаре заявил на днях депутату социалисту Орилю, что при оккупации неизбежны случайности, каковые например имели место во Франции в 1871/72 г. По этому поводу я должен напомнить, что в те времена при восстании Коммуны германское верховное командование всячески шло навстречу французским войскам с целью дружного подавления восстания. Того же требую и я»⁹.

В ответ на этот призыв к классовой солидарности генерал Дегут разрешил введение полицейских войск в области, охваченные стачками.

Таким образом представители крупного капитала Германии вели под националистической маской, применяя все методы для разжигания шовинистических настроений и для проведения политики «пассивного сопротивления», основную линию на использование всей этой кампании для заключения возможно более выгодной сделки с французскими капиталистами, для максимального увеличения своих прибылей.

Таков был лейтмотив внешней политики крупной германской буржуазии, что не исключало конечно противоречий между отдельными группами буржуазии. В то вре-

⁹ Мстиславский, Классовая война в Германии 1923 г., стр. 156.

мя, как некоторые группы не прочь были помечтать и покричать о реванше (наиболее яркими выразителями этих настроений были фашисты), значительная группа крупной буржуазии шла, как мы уже видели, на прямые переговоры с французскими капиталистами, прикрывая это политикой пассивного сопротивления и националистической демагогии.

Рурская оккупация со всеми ее последствиями была широко задуманной операцией не только со стороны французского империализма, но и со стороны представителей германской тяжелой индустрии. Уже смена кабинета Вирта, проводившего «политику выполнения» правительством Куно, была одним из эпизодов этой большой операции. Кабинет крупного пароходчика Куно был «представительством» тяжелой индустрии, и в первую голову концерна Стиннеса. Министр хозяйства Беккер, игравший в этом правительстве немалую роль, был прямым ставленником Стиннеса. Демонстративный саботаж репарационных платежей со стороны германской буржуазии, явившийся прологом оккупации, нашел себе прямое выражение во всей внешней политике Куно.

Правительство Куно, очень часто и охотно говорившее о своей «надпартийности», являлось непосредственным выразителем интересов крупной буржуазии Германии. К выводам о «надпартийности», «надклассовости» правительства Куно может привести между прочим та трактовка вопросов о взаимоотношениях его с германской буржуазией, которую дает Мстиславский (см. его «Классовая война в Германии 1923 г.»).

Он заявляет, что «крупный капитал аграрной и тяжелой индустрии за послевоенные годы все определеннее «отделяется от государства», овладеть которым полностью он в данный момент еще не мог: на путях к этому стояло не вполне еще ликвидированное «демократическое» наследство 1918 г. Ориентируясь на будущий капиталистический международный «блок», он вел «свою» политику, резко раздельную от правительственной и направленную одновременно к усилению собственной мощи, постепенному овладению ныне отчужденным от него «демократией» государством».

... «Капитал в их лице (Стиннес и К^o) доподлинно отделился на время от государства» (стр. 23):

Такая оценка политического положения Германии в послевоенный период и в частности в 1923 г. совершенно неверна. Мы знаем, что «демократия», установленная в результате поражения пролетариата в революции 1918—1919 гг., обусловленного в первую очередь предательской ролью социал-демократии, отнюдь не мешала германской крупной буржуазии обдѣлывать

свои дела, что эта «демократия», напротив, являлась прямым выражением интересов и чаяний тяжелой индустрии и что у последней отнюдь не имелось никаких оснований к тому, чтобы «отделаться от государства», которое вершило ее волю и являлось ее орудием в борьбе против революционного пролетариата.

Яркая характеристика правительства Ку-

**...БРЕМЯ ОККУПАЦИИ ТЯЖЕЛЫМ ГРУЗОМ УПАЛО НА ПЛЕЧИ
ГЕРМАНСКИХ РАБОЧИХ И ШИРОКИХ МАСС ТРУДЯЩИХСЯ...**

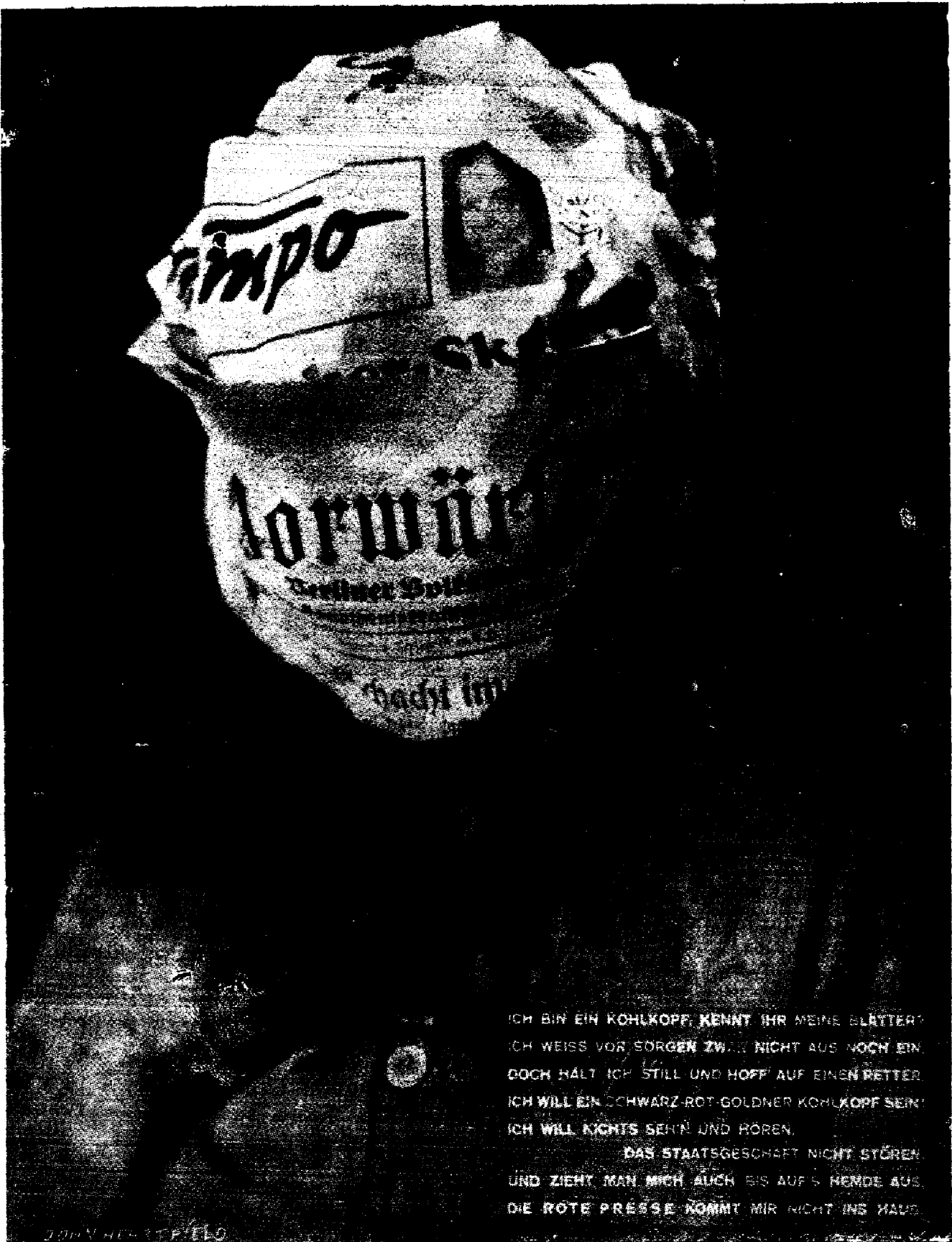

**...КОЛОССАЛЬНЫЕ „ИНФЛЯЦИОННЫЕ“ КАПИТАЛЫ ПОМЕЩАЛИСЬ
ЕСТЕСТВЕННО В УКРОМНЫХ МЕСТЕЧКАХ ЗА ГРАНИЦЕЙ...**

но дана в органе КПГ «Роте фане» от
16 января 1923 г.:

«Правительство Куно — орган обанкротившейся изменнической буржуазии, империалистического военного фарса извне, безудержного притеснения рабочего класса внутри. Правительство Куно поддерживает планы и политические ходы тяжелой индустрии, оно дарит миллиарды на повышение угольного налога и цен

на уголь, открывает свободную дорогу контрреволюции во всей Германии, терпит налоговой саботаж капиталистов, перекидывает всю тяжесть капиталистического упадка в форме обесценения денег, повышения цен, налогов на рабочий класс и противодействует его сопротивлению против обостренной эксплуатации. Оно готовится привести рабочий класс в жертву и конфликту и соглашению тяжелой индустрии».

ICH BIN EIN KOHLKOPF, KENNT IHR MEINE BLÄTTER?
ICH WEISS VOR SÖRGEN ZWILL NICHT AUS NOCH EIN,
DOCH HÄLT ICH STILL UND HOFF' AUF EINSN BETTER.
ICH WILL EIN SCHWARZ-ROT-GOLDNER KOHLKOPF SEIN!
ICH WILL NICHTS SEHN UND HÖREN,
DAS STAATSGESCHÄFT NICHT STÖREN
UND ZIEHT MAN MICH AUCH BIS AUF'S HENDE AUS,
DIE ROTE PRESSE KOMMT MIR NICHT INS HAUE.

Монтаж Джона Харфильда

...СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ НЕ УСТАВАЛИ ПЕТЬ: РАБО-
ЧИЙ ДОЛЖЕН ЗАТКНУТЬ УШИ И ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА,
НЕ ВАДЕТЬ ТОГО, ЧТО ДЕЛАЕТ „НАША БУР-
ЖУАЗИЯ“...
...„ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА МЕЖДУ РАБОТОДАТЕЛЯМИ
И РАБОЧИМИ ДОЛЖНА БЫТЬ ПО ВОЗМОЖНОСТИ
УСТРАНЕНА“...

3. ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
В БОРЬБЕ ЗА КЛАССОВЫЙ МИР
И ЕДИНЫЙ „НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ“

После этого краткого рассмотрения политики германской буржуазии в начале 1923 г., перейдем к характеристике политики социал-демократии и ее позиции в общей расстановке классовых сил. Прежде всего необходимо отметить, что социал-демократии, формально не участвовавшая в кабинете Куно, целиком несет ответственность за его политику, так как она располагала сильной парламентской фракцией (173 чел.) и оказывала правительству Куно всемерную поддержку во всех его мероприятиях. Вплоть до момента оккупации Рура социал-демократы были сторонниками политики выполнения репарационных обязательств.

Гильфердинг заявил на съезде французской социалистической партии:

«Долг репараций при всяких обстоятельствах продолжает лежать на германском рабочем. Это одновременно и моральный и социалистический долг».

И если события, связанные с оккупацией Рура, внесли в ряды германской социал-демократии некоторое смещение, если политика «единого национального фронта» была принята с восторгом не всем руководством ГСД, то это вызывалось отнюдь не наличием каких бы то ни было сомнений о допустимости этой новой измены рабочему классу, о допустимости этого повторения 4 августа: это вызывалось трусостью германской социал-демократии перед империалистической Францией, боязнью каких бы то ни было решительных шагов по пути отступления от политики выполнения (хотя бы на время, как это рискнула сделать германская буржуазия для поднятия своего престижа и своих прибылей).

Рассмотрение позиции германской социал-демократии в вопросе о рурской оккупации показывает, что она отразила двойственность позиции самой германской буржуазии. Социал-демократия возглавила ту националистическую шумиху и кампанию за «пассивное сопротивление», о заинтересованности в которой германских капиталистов мы уже говорили выше, но наряду с этим с первых же дней социал-демократия тайно искала путей к соглашению с французским империализмом (эта линия социал-демократии особенно ярко выразилась в позиции Брейтшейда и др.).

Внешне лейтмотивом политики ГСД в первые месяцы оккупации была политика «единого национального фронта» и «пассивного сопротивления». В своем выступлении в рейхстаге 15 января 1923 г. Герман Мюллер заявил:

«Мы готовы поддержать каждый разумный хозяйственный выход. Мы будем поддерживать правительство во всех его мероприятиях, направленных к обороне»¹³. Надо отметить, что при голосовании резолюции, обещавшей правительству Куно поддержку во всех его мероприятиях, в социал-демократической фракции рейхстага произошло некоторое смещение, и около половины фракции (преимущественно бывшие независимые) воздержались от голосования, причем значительная часть из них сделала это весьма «оригинально», уйдя из зала на время голосования. Голосование резолюции дало следующие результаты: 67 членов социал-демократической фракции—за поддержку правительства Куно; 65 оставили зал; 14 воздержались.

Свою главную миссию руководители германской социал-демократии видели в организации «классового мира» и «единого национального фронта». «Форвертс» уговаривал рабочих:

«Рабочее движение не настолько сильно, чтобы быть в состоянии сразу побить французский империализм и германский капитализм. Оно должно в борьбе против одного противника (французского империализма) сперва выдержать боевое крещение, если оно впоследствии хочет обратиться против другого противника с надеждой на успех»¹⁴.

Новые времена — старые песни! Вспомним, что в сентябре 1914 г. германские рабочие слышали из уст социал-демократов те же увещевания: «Внутренняя борьба между работодателями и рабочими должна быть по возможности устранена. После окончания войны профсоюзы предъявят свои требования капиталу с такой же остротой, как и прежде».

Эта параллель становится особенно яркой в свете событий 1918 г., когда германские с.-д. выступали во всеоружии не с обещанными ими «требованиями германскому капиталу», а против предъявляемого эги требования революционного пролетариата Германии. Но теперь, в 1923 г., социал-демократы претендовали на забвение

¹³ «Роте фане» от 15 января 1923 г.

¹⁴ «Форвертс» от 25 января 1923 г.

ние рабочими всех их (с.-д.) прежних грехов и снова пытались повести их по пути «единого национального фронта». Конечно призывы эти добротню снабжались уверениями, что это отнюдь не противоречит пролетарской солидарности и принципам интернационализма, что «быть интернационалистом не значит быть антинационалистом» и т. д. и т. п.

«Роте фане» от 3 февраля 1923 г. в качестве любопытной иллюстрации этого подкрашивания единого фронта с буржуазией под цвет классовой пролетарской политики, которое практиковала германская социал-демократия, приводит следующее сопоставление их высказываний и призывов к рабочим.

24 января «Форвертс» публикует извещение о совещании канцлера с лидерами профсоюзов:

«В подробной беседе... было обсуждено положение и при этом было достигнуто **ПОЛНОЕ ЕДИНСТВО О НЕОБХОДИМЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ**».

А 27 января мы читаем в том же органе социал-демократии:

«Мы призываем германский пролетариат **К ВОЗДЕРЖАНИЮ ОТ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ЛОЖНЫХ ШАГОВ**, от всякого присоединения к буржуазным апостолам гармонии и политики гражданского мира, от всякого замазывания противоречий между капиталом и трудом».

Далее в одном и том же номере «Форвертс» за 2 февраля мы находим ряд сентенций за и против единого фронта. Мы читаем:

«Паролем рабочей молодежи не может быть единство народа, но: соглашение народов и мир народов против войны и национализма»...

Но... молодежь должна быть непоколебима «в воле к национальной свободе, неутомима в творчестве за восстановление нашего разбитого отечества...».

«Под лозунгом сохранения республики часто забывают, что республика, несмотря на всю демократичность, является государственной формой буржуазного капиталистического об-

щества». И далее. «Дело идет не о чем ином, как о сохранении **СПЛОЧЕННОСТИ ГЕРМАНСКОГО НАРОДА** в сопротивлении рурскому нашествию»¹⁵.

Все это конечно отнюдь не может затемнить основной линии ГСД на классовый мир с буржуазией, призывы же к интернационализму и классовой политике отражают лишь давление низов на с.-д. руководство и являются выражением стремлений последнего замедлить быстро идущий процесс разложения своей партии.

В объяснение и оправдание новой измены рабочему классу со стороны германской социал-демократии Брейтшейд заявляет, что мотивом, по которому ГСД пошла на политику «единого национального фронта», было стремление избежать обвинений ее в антипатриотизме, в том, что она нанесла якобы «удар в спину» Германии в тяжелой обстановке оккупации Рура.

Здесь есть частица истины: в своей политике «единого национального фронта» социал-демократия состязалась в патриотизме с фашистами! Ярким проявлением такого состязания является происшедший незадолго до этого инцидент с обвинением, брошенным фашистами Эберту, в том, что он является виновником поражения Германии и «крушения» 1918 г., так как он способствовал всеобщей стачке в 1918 г. В ответ на это обвинение был начат процесс об оскорблении Эберта. Верный сподвижник Эберта Шейдеман прилагал все силы к тому, чтобы опровергнуть эти «ужасные» обвинения:

«Утверждение, будто бы мы внутренне сочувствовали стачке 1918 г., — полнейший абсурд. Для этого нужно было бы окончательно сойти с ума после 4 лет прямолинейной оборонческой политики».

Далее, в июне 1922 г., Шейдеман бьет в ту же точку:

«Передержка, будто бы социал-демократия желала Ноябрьской революции или готовила ее. Это — смешная и глупая агитационная ложь наших противников» (из речи Шейдемана на собрании в Фридрихской роще)¹⁶.

¹⁵ Цит. по «Роте фане» от 3 февраля 1923 г.

¹⁶ Сб. «10 лет германской и австрийской с.-д.» под ред. Фридлянда.

Столь искреннее негодование социал-демократии против обвинения ее в антипатриотизме, в революционности, является конечно лишь одним из штрихов общей ее политической линии — линии буржуазной партии, полностью отдающей все свои силы на сохранение и укрепление капиталистического строя.

В своем националистическом «подъеме» социал-демократия являлась одним из главных организаторов фонда так называемой «помощи Руру» («Ruhrhilfe»), в котором должны были участвовать и буржуазия и пролетариат. «Форвертс» печатал призывы:

«Спасите Рейн и Рур! Жертвуйте в немецкий народный фонд!».

Центральный комитет «делового сотрудничества» из представителей предпринимателей и профсоюзов попытался даже призвать к отчислению часовой зарплаты в пользу «жертв оккупации Рура», но так как это вызвало среди рабочих глубокое возмущение, ВОПГ ограничилось отдельными сборами. Общегерманский комитет фабзавкомов призывал рабочих не давать в этот фонд ни одного пфеннига! Рурский фонд использовался не для помощи рабочим Рура, на плечи которых упало все бремя оккупации, а для увеличения прибылей предпринимателей. Очень часто из этого фонда выплачивалась заработная плата; предприниматели использовали «рурский фонд» для покрытия своих существующих и несуществующих убытков от оккупации.

Даже «Berliner Tageblatt» дает заслуженную характеристику этой жульнической операции, указывая на то, что «рурский фонд» служил исключительно делу перекачивания в Рурскую область неограниченных сумм, которые, будучи выдаваемы без разбора и системы, зачастую попадали в Гамбург для закупки иностранной валюты.

Всемерное содействие, оказываемое буржуазии со стороны германской социал-демократии в деле создания этого пресловутого «рурского фонда», означало активную поддержку социал-демократами внешней политики германской буржуазии.

Социал-демократия, проводившая политику единого фронта с буржуазией, решительно отказалась от всех предложений совместной борьбы против оккупации со стороны КПГ. В ответ на предложение о создании единого пролетарского фронта

для свержения правительства Куно и организации борьбы против французского и германского империализма с.-д. отказались от него, заявляя, что

«сознанию полной ответственности не позволяет объединенной с.-д. партией идти по пути, предписываемому ссылаемыми раздора и подстрекателями».

Германская социал-демократия отказалась от участия в международной Франкфуртской конференции и категорически воспретила членам своей партии принимать в ней участие (несмотря на это, ряд с.-д. рабочих участвовал в работе конференции).

Политика социал-демократии в первые же недели рурской оккупации вызвала возмущение рабочих и вела к разложению ее собственных рядов. Социал-демократические рабочие отнюдь не являлись «пламенными сторонниками» проповедуемого их руководителями классового мира. Все большая часть с.-д. прессы вынуждена была принимать оппозиционный тон в отношении с.-д. руководства. В начале февраля в Берлине происходило совещание редакторов социал-демократических газет, где им дана была директива держаться националистического курса, но, приехав на места, они под давлением рабочих быстро забыли эти директивы. «Leipziger Volkszeitung» метал громы против тактики единого национального фронта:

«Единый фронт с фашистами, полицейскими, убийцами министров, националистами разного калибра! Единый фронт с Гельферихом, Вулле, Эрхартом, Гитлером — благодарим покорно!»¹⁷

Но вывод отсюда делается автором о необходимости... ориентации на помощь Социалистического интернационала (ниже мы увидим, какова «помощь» германским рабочим, оказанная II интернационалом!).

Таким образом мы видим, что германская социал-демократия приложила все свои силы для поддержки германских капиталистов как в «борьбе» их против оккупации, так и в их стремлении переложить всю тяжесть этой оккупации на плечи рабочего класса, в их борьбе за обогащение на этом «пиру во время чумы».

Буржуазия оценила истинное значение политики социал-демократии в этот критический для германского капитализма мо-

¹⁷ Цит. по «Роте фланге» от 19 января 1923 г.

мент. Политика «единого национального фронта» в этот момент была ей весьма на руку. Орган Стиннеса «Deutsche Allg. Zeitung» пел дифирамбы «единому национальному фронту», столь ревностно пропагандируемому и социал-демократией, и уверял в готовности германской буржуазии к «жертвам»:

«Свежий ветер дует в Германии. У нас есть правительство, которое может сказать «нет», господствующий класс, который может пожертвовать своим имуществом и телом, у нас есть рабочий класс, который при всех социальных противоречиях сознательно идет на национальную, солидарность даже с этим господствующим классом»¹⁸.

И уж конечно Стиннесы великолепно понимали, что без социал-демократов всякие их попытки инсценировать «единый национальный фронт» были бы тщетны.

4 ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ПОМОГАЕТ СГОВОРУ ФРАНЦУЗСКОГО И ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Как уже было указано выше, социал-демократия являлась не только главным режиссером в комедии «единого национального фронта» и «пассивного сопротивления»: отражая стремление крупных буржуа Германии к сговору с французскими капиталистами, социал-демократия с первых же дней оккупации искала путей к соглашению с оккупантами. Известная часть ГСД некоторое время питала надежды на помощь со стороны Англии или САСШ, но все большее влияние в рядах германской социал-демократии приобретали сторонники французской ориентации, сторонники соглашения с империалистической Францией.

«Не Англия, не Америка смогут разрешить рурский конфликт и репарационный вопрос, а силы европейского континента, среди которых Франция играет ведущую роль» — заявляет сторонник французской ориентации Квессель и призывает германский народ «искать мира для континента — на континенте»¹⁹.

Ищущие соглашения с Францией социал-демократы являлись прямыми проводниками интересов Стиннесов, которые вели переговоры с французскими капита-

листами. Оценивая роль французского империализма в оккупации, социал-демократы не стеснялись находить аргументы для его оправдания. Так, на с.-д. партийтаге 1924 г. Криспин старался доказать, что оккупация была вызвана нуждой Франции — ~~Рура была тем более необходима для~~ в средствах для восстановления разрушенно-агрессивных элементов Германии. Оккупанных областей и для обеспечения себе безопасности от посягательств со стороны Франции, уверяет Криспин, что «в Германии националисты и большевики стараются вызвать новую войну, прежде всего против Франции»²⁰.

Социал-демократы, выступавшие апостолами «единого национального фронта» в Германии, не менее рьяно добивались и «единого фронта» между французскими и германскими капиталистами. Видные литераторы социал-демократии восхваляли органическую связь и спаянность французского и германского хозяйства и старались реабилитировать германских капиталистов, идущих на переговоры с французскими грестами.

«Соединение лотарингской руды и вестфальского угля — вопрос жизни для Германии и всей Европы... Германские крупные промышленники действуют в интересах Германии» — уверяет пламенный сторонник французской ориентации Квессель.

Уподобляясь побитой собаке, которая лижет сапоги своего господина, он старается реабилитировать и французских империалистов. По его словам оказывается, что собственно французского империализма-то и не существует:

«Есть конечно во Франции маленькая группа крайних шовинистов, которые без финансовых и промышленных оснований гонятся за неограниченной завоевательной политикой. Но их влияние незначительно» (!!).

Он ссылается на авторитет Пуанкаре, который даже в специальной ноте заявил, что Франция не хочет аннексий...

Квессель взывает к «мировой совести» и выражает надежду, что «моральные силы действуют также во внешней политике»²¹.

Итак, германская социал-демократия была чрезвычайно усердным агентом германской буржуазии в проведении в жизнь двойной игры в отношении рурской оккупации. Так же, как и буржуазия, социал-демократия под прикрытием призыва к со-

¹⁸ «Pote fane» от 19 января 1923 г.

¹⁹ Quessel, Der Ruhrkonflikt «Socialistische Monatshefte» № 2, 1923 г., стр. 85.

²⁰ Protokollen des s.-d. Parteitage, 1924 г., стр. 46.

²¹ Quessel, там же, стр. 70.

противлению (хотя бы и пассивному) принимала все меры к заключению соглашения с французским империализмом. Уже в феврале социал-демократ Брейтшейд дает в Лондоне интервью репортерам «Daily News», в котором указывает, что, несмотря на то, что германская социал-демократия поддерживает политику пассивного сопротивления, она сознает, что так нельзя продолжать до бесконечности и что переговоры с французами придется начать еще до эвакуации Рура; однако инициатива этих переговоров должна исходить не от Германии, так как это будет истолковано как признак ее слабости.

Это интервью вызвало в националистической печати большую сенсацию и расценивалось ею как «чудовищный удар ножа в спину кабинета Куно». 18 апреля тот же Брейтшейд говорил в рейхстаге от имени социал-демократии о принципиальной готовности правительства к переговорам:

«Правительство не поддается иллюзии, что одного пассивного сопротивления достаточно, чтобы повернуть дела в лучшую сторону для Германии. Оно того мнения, что так или иначе надо вести переговоры. Я думаю, что буду правильно интерпретировать его отношение следующим образом: оно считает освобождение Рурской области не условием для начала переговоров, но условием для окончания переговоров. Мы в этом поддерживаем его, и я лично, обвиненный в национальной измене за то, что я говорил нечто подобное в интервью в Лондоне, очень рад, что нахожусь в таком прекрасном обществе»²³.

Позднее эта принципиальная установка ГСД о необходимости соглашения с Францией принимает все более и более осязательные формы.

В «Форвертс» от 22 мая мы находим призывы к соглашению. Франция должна сделать уступки, и на определенных условиях Германия должна прервать пассивное сопротивление. Условия эти примерно таковы: оккупанты должны возвратить всех высланных из оккупированной зоны; освободить всех арестованных и приговоренных военными судами; должны прекратить свое вмешательство в хозяйственную жизнь страны и обеспечить политическую свободу германских граждан.

²³ Spethmann, Zwölf Jahre, т. IV, стр. 153.

«При таких условиях жители Рейна и Рура узнали бы не только военный кулак, который они видели до сих пор, но также и стремление к соглашению»²³.

Несмотря на все старания социал-демократии, несмотря на систематические переговоры французских и германских капиталистов, «соглашение» между ними, нашедшее себе выражение в капитуляции германской буржуазии, произошло значительно позже, когда последняя использовала уже все возможные «выгоды», приносимые ей оккупацией (инфляция, «рурская помощь» и т. д.). Нельзя же резать курицу, пока она несет золотые яйца!!

Итак мы видели, что во всей своей линии в отношении рурской оккупации германская социал-демократия отражала стремления и чаяния германской буржуазии.

5. ОККУПАЦИЯ РУРА И МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Во всей своей политике во время оккупации германская социал-демократия возлагала большие надежды на помощь «братских партий» и II интернационала. В своих призывах к помощи с их стороны германские социал-демократы даже тряхнули стариной и вспомнили об интернационализме, который, мол, должен являться важнейшим принципом в борьбе рабочего класса.

Социал-демократ Брейтшейд писал:

«Республику, Германию защищают рабочие. Рабочие призывают к миру о том, что гибель Германии была бы катастрофой для всего мира. Мы защищаем интересы Европы, интересы всего мира. Рабочие продолжают борьбу против капитализма, несмотря на его платье и на его язык»²⁴.

Германские социал-демократы, которые сами разжигали националистический пожар, которые способствовали росту буржуазной реакции, которые возвращали и укрепляли фашистские организации, всяческими способами прикрывая их рост и укрепление, пытались доказывать необходимость интернациональной помощи Германии тем, что в противном случае последней угрожает гибель республики и победа реакции. С другой стороны, они пытались запугать французскую буржуазию (и тем самым вызвать поддержку французских социалистов!) опасностью борьбы за

²³ «Форвертс» от 22 мая 1923 г.

²⁴ Spethmann, указ. соч., т. IV, стр. 157.

реванш со стороны усиливающихся националистических элементов, которая угрожает в случае продолжения оккупации и связанного с ним дальнейшего нарастания агрессивности со стороны националистов. На Гамбургском конгрессе II интернационала, происходившем в разгар оккупации в мае 1923 г. Вельс призывает к благоразумию французской буржуазии:

«Помогите нам спасти республику — не ради нас, а ради вас. Не только немецкий народ — все его соседи и прежде всего французский народ — заинтересован в сохранении республики, ибо республика — мир, а реакция — насилие и внутри и внешне, — хаос и падение в ничто»²⁵.

Наконец аргументом, который должен был выступать в качестве тяжелой артиллерии, являлось запугивание международной буржуазии, грозящей в случае продолжения оккупации пролетарской революцией, угрозой большевизации Германии. При этом германская социал-демократия пуще огня боялась всякой активной пролетарской акции, она и думать не хотела о развертывании активной борьбы пролетариата против своей буржуазии и французского империализма.

Каковы же были успехи германской социал-демократии в ее борьбе «за интернациональную солидарность», какую помощь оказала ей международная социал-демократия?

Надо сказать, что германская социал-демократия в своем отношении ко II интернационалу и к с.-д. партиям стран-победительниц никогда не забывала «своего места», никогда не упускала из виду, что она является агентом основательно побитой французским империализмом германской буржуазии и, следуя заповеди «знай сверчок свой шесток», никогда поэтому не возвышала тона, не теряла подобострастной мины в отношении Блюмов и Макдональдов.

Поэтому представители германской с.-д., систематически получая пинки со стороны «социалистов-победителей», только потирали ушибленные места и воспевали мир и согласие, существующие между ними, и ту «колоссальную помощь», которую они получали в этот тяжелый момент от II интернационала и принадлежащих к нему партий.

Так, уже на Гамбургском конгрессе II интернационала Гильфердинг распина-

²⁵ Protokoll des Int. socialistischen Arbeiter Kongress in Hamburg, стр. 76.

ется, чтобы уверить в совершенной лояльности германских с.-д. в отношении Франции.

«Мы за политику выполнения, — уверяет он, — так как чувствуем себя ответственными перед бельгийским и французским пролетариатом» (как будто репарационные платежи шли прямым путем в карманы французских и бельгийских пролетариев!). «Поэтому мы могли понять французских и бельгийских социалистов и нашли у них понимание, когда мы говорили, что политика выполнения необходима не потому, что господствующие классы подписали ее в договорах, а потому, что германский пролетариат хочет все свое влияние употребить для восстановления того, что разрушили господствующие классы Германии в войне (возгласы: «правильно!» среди германской и французской делегаций). Восстановление было для нас не следствием Версальского договора, необходимость репараций была признана нами как моральная обязанность германского народа»²⁶.

Значительно позднее уже на с.-д. партийтаге в 1924 г. Криспин характеризовал взаимоотношения германских социалистов и других партий II интернационала в вопросах внешней политики в чрезвычайно розовых красках. «Мы нашли в обсуждении вопросов о репарациях и мирных договорах понимание и поддержку у социалистов везде»²⁷.

«Социалисты взяли на себя обязанность на интернациональных конференциях действовать на правительства и на упрямые партии, чтобы наконец разум, взаимное понимание и сотрудничество народов восстановилось».

Дальше следует чрезвычайно «любопытное» признание:

«Мы, социалисты Германии, взяли на себя обязанность от Интернационала добиваться внедрения в Германии мыслей о выполнении платежей, несмотря на противодействие буржуазии и большевиков»²⁸.

Итак, поведение партий II интернационала во время рурской оккупации и взаимоотношения свои с ними германская социал-демократия изображает в чрезвычайно розовых тонах.

Посмотрим, какова была эта «помощь», оказанная оккупированной Германии меж-

²⁶ Protokoll, стр. 55. («браво!» среди французских и бельгийских делегатов).

²⁷ Prot. des s.-d. Parteitages, 1924 г., стр. 48.

²⁸ Там же, стр. 45.

дународной социал-демократией, особенно социалистами стран-победительниц, столь разрекламированная германскими социал-демократами.

Наиболее серьезные обязанности оккупация Рура выдвигала, естественно, перед французской социалистической партией.

Французские социалисты выполнили эти обязанности не хуже и не лучше, чем социал-демократы других стран: они заняли позицию оправдания французского империализма в его наступлении на побежденную Германию и отказались от оказания какой бы то ни было поддержки германским рабочим, борющимся против французского империализма.

Вместе со всей своей агрессивно настроенной буржуазией французские «социалисты» мечтали лишь о том, как лучше скрутить германских рабочих и выжать из них побольше репараций. Чрезвычайно характерно в этом отношении выступление Блюма на Гамбургском конгрессе II интернационала в мае 1923 г. Он жалуется на чувство досады, которое охватывает французов, когда им приходится выплачивать долги своим кредиторам в то время, как репараций от Германии они не получают. Он жалуется на чувство глубокого опасения и неуверенности, которое осталось у французов еще с периода 1871—1914 гг. и которое обостряется теперь в связи с нарастанием реваншистских настроений и ростом тайных реакционных организаций по всей Германии.

Блюм стремится тоже показать свой «интернационализм», но «интернационализм» этот выходит у него весьма «своеобразным».

«Неверно всегда обвинять свою страну только потому, что она своя. Это было бы глупым антиподом ярого национализма. Но конечно еще ошибочнее всегда оправдывать свою страну, потому что она своя! Любить нашу собственную страну и включать в эту любовь совокушность других стран — только это истинный интернационализм»²⁹.

Эта классическая в своем роде трактовка «интернационализма» в речи Блюма была встречена германскими его коллегами с подобострастием и прикиркованной благодарностью.

«Мы благодарим т. Блюма за смелую речь, которая была преисполнена истинно интернационалистическим социалистическим духом» — заявил Криспин.

²⁹ Protokoll des Int. soc. Arbeiter Kongress in Hamburg, стр. 69.

Этот «интернационализм» французских социалистов проявился со всей наглядностью во всей их политике по отношению к рурской оккупации. Характерно, что когда французские коммунисты предложили им организацию совместной борьбы против рурской оккупации, они на конгрессе в Лилле 7 февраля 1923 г. решительно от этого отказались.

Достаточно активную помощь в деле ограбления Германии оказали своей буржуазии бельгийские социалисты во главе с Вандервельде. Вандервельде встретил оккупацию Рура во всеоружии. Он заявил в парламентарской комиссии по иностранным делам:

«Мы вполне согласны, что долг, следующий с Германии нам (т. е. Бельгии), равно как и Франции и Италии,—это святой долг. Германия должна уплатить его. Франция пролила свою кровь. Германское правительство несет тяжелую ответственность, германская индустрия—это постоянная угроза миру»³⁰.

Один из старых лидеров бельгийских «социалистов» Жюль Дестре подкрепил это замечательное, выдержанное в духе социал-империализма выступление Вандервельде не менее «убедительными» аргументами:

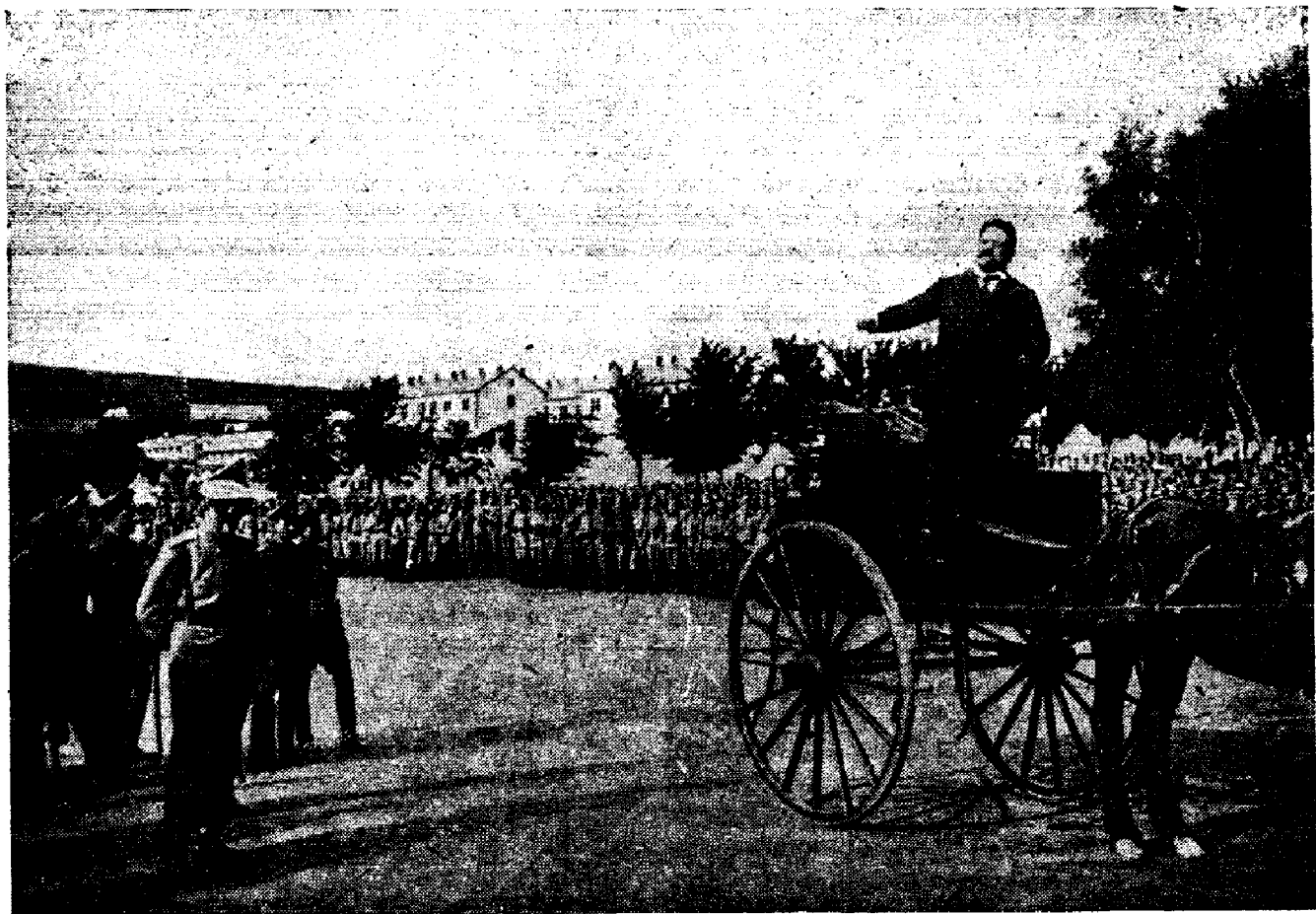
«Я считаю, что наше правительство правильно поступило, присоединившись к выступлению Франции. Мы ведь не могли уже отказаться от того, что нам выгодно. Говорят, что политика насилия бесплодна. Однако Бельгия уже получила 4 десятка миллиардов франков от Германии, а оккупация стоила нам только 700 миллионов,—следовательно наша политика правильна».

Бельгийский «социалист» Жюль Гюбен выразил на заседании партийного правления бельгийской социалистической партии свое чрезвычайное недовольство по поводу развернутой германскими социал-демократами кампании пассивного сопротивления и против попыток германской социал-демократии вызвать стачку протеста в Руре.

«Я очень сожалею, что «Vorwärts» рекомендовал рурским рабочим стачку протеста. Германская социал-демократия, ничего не сделавшая для того, чтобы помешать Стигмессу обогащаться за счет германских рабочих, советует объявить стачку в то самое время, когда для уплаты репараций необходимо работать».

³⁰ «Правда» от 31/I 1923 г.

**...ВАНДЕРВЕЛЬДЕ В ПАРЛАМЕНТЕ И ВНЕ ЕГО ВСЕГДА ВЕЛ
НЕУТОМИМУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ НАСИЛЬСТВЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ..**

Вандервельде приветствует русских солдат, прибывших на Западный фронт во Францию во время империалистической войны

Нам нужны репарации; ведь социализм— это не только мир, но и справедливость!»³¹.

И после всей этой гнусной политики германские социал-демократы расхваливали бельгийских социалистов и во время оккупации и позже, на партийтаге в Галле (1924), где Криспин заявлял, что и Вандервельде и другие бельгийские социалисты «в парламенте и вне его вели неутомимую борьбу против насильственных мероприятий»³². В весьма торжественных тонах отзывается о своей рурской политике на Гамбургском конгрессе II интернационала сам Вандервельде:

«Я повторяю торжественный протест всей бельгийской социалистической партии против оккупации Рура. Этот протест бессилен сам по себе. Но во время франко-прусской войны германские социалисты Бебель и Либкнехт имели мужество протестовать против захвата Эльзас-Лотарингии. Их протест был тогда бессильным, но они этим протестом

спасли честь социализма и немецкого рабочего движения»³³.

Вандервельде, настаивавший вместе с французской и бельгийской буржуазией на необходимости выкачивать во что бы то ни стало репарационные платежи из последних крох германских рабочих, имел наглость сравнивать свою предательскую политику с героической борьбой Бебеля и В. Либкнехта против «своей» буржуазии во время франко-прусской войны! Странно только, что Вандервельде не был посажен бельгийской буржуазией в тюрьму, как это было сделано в 1870 г. германской буржуазией в отношении борющихся против нее социалистов!!

«Социалист» Вандервельде предпочитал не сидеть в капиталистической тюрьме, а сажать в нее бельгийских рабочих!

Несколько «своеобразнее» политика английских реформистов в отношении Рура, но это «своеобразие» вытекало цели-

³¹ Л о н д, История II интернационала, стр. 236.

³² Prot. des s.-d. Parteitages, стр. 47.

³³ Protokoll des Int. soc. arbeiter Kongress in Hamburg, стр. 70.

ком и полностью из позиции и интересов английской буржуазии. Выше уже было отмечено, что английская буржуазия, не отрицая в принципе насильственных методов в отношении побежденной Германии, боялась однако чрезмерного усиления Франции за счет Германии. Ее политика заключалась поэтому в ~~выжидании~~ выжидании того благоприятного момента, когда Франция почувствует на себе все трудности оккупации и будет несколько ослаблена вызванными ею противоречиями и когда возможно будет ее, Англии, вмешательство с тем, чтобы получить свою долю добычи на оккупационном пиру империалистов. Германские социал-демократы, особенно англофильская их часть, пытались внушить рабочим преувеличенные надежды на вмешательство Англии и помощь с ее стороны, умалчивая о том, что и английская буржуазия и верные ее сподвижники, английские реформисты, отнюдь не думают о спасении Германии, а тем более германских рабочих, а ищут лишь пути для некоторого укрощения appetitов французского империализма и возможности урвать кусок-другой для себя.

Чрезвычайно любопытно проследить, как все нюансы в настроениях английской

буржуазии находят свое отражение в органе Рабочей партии «New Leader».

В первые дни после оккупации мы видим попытки немножко запугать французских империалистов и тем самым несколько ослабить их агрессивность.

«Как именно будут реагировать рабочие Рура на власть, которая захватила контроль над их жизнью,—мы не знаем. Большинство из них—социалисты. У них есть могучие промышленные организации...»

«Французы должны понять, что репарации не должны получаться таким жестким образом»³⁴.

Но не нужно думать, что представители Рабочей партии действительно были против выжимания всех соков из Германии: они были лишь за такие способы проведения этой операции, чтобы их английские патроны получили максимальные от нее выгоды.

Макдональд заявил в одной из своих речей во время оккупации, что при наличии некоторых особенностей в позиции его партии (читай: английской буржуазии) в отношении репараций «необходимо заявить всему миру самым определен-

³⁴ «New Leader», № 2, 1923, с. 4.

Митинг протеста против рурской оккупации

ным образом, что мы должны заботиться о своих собственных национальных интересах»³⁵.

Исходя из этих «национальных интересов», представители английской Рабочей партии мечтали об «интернационализации» Рура и категорически возражали против вывода английских войск из Колони (Рейнская область).

«Уйти из Колони значило бы предоставить всю Рейнскую область на милость Франции, передать ей «натуральную границу» Рейна, которой она жаждет, и сделать ее бесспорным господином судеб Германии!»³⁶.

На заседании бюро Амстердамского интернационала 17 января английские реформисты в своем выступлении выявили чрезвычайную свою озабоченность вопросом о наиболее полном использовании вызванной оккупацией высокой конъюнктуры, столь выгодной для английской буржуазии (вывоз угля из Англии в связи с оккупацией Рура действительно чрезвычайно вырос).

Таким образом в отношении рурского конфликта английские реформисты целиком отражали позицию английской буржуазии во всех ее нюансах.

Итак, мы видим, что все «социалистические» партии стояли в отношении рурской оккупации целиком и полностью на позициях своей буржуазии. Выше было показано, как германская социал-демократия отражала в своей линии чаяния и стремления германских капиталистов и как социалисты стран Антанты вместе со «своей» буржуазией оказывали давление на Германию, чтобы заставить ее платить репарации.

Какова же была политика в отношении Германии международного объединения социал-демократических партий? В начале 1923 г. Второй и Двухполовинный интернационалы стояли перед задачей объединения: приближался период частичной стабилизации, и мода на левые фразы, обильно сдобривавшие оппортунистическую политику центристов, уже спадала. «Независимые» в Германии уже проделали свое объединение с правыми, — та же перспектива стояла теперь перед Двухполовинным интернационалом, сослужившим уже свою службу международной

буржуазии в чрезвычайно критический для нее период послевоенного революционного подъема.

II интернационал, находившийся целиком под влиянием Лиги наций и буржуазии стран-победителей, был надежным ее помощником в проведении в жизнь рурской «акции».

Непосредственно после начала оккупации Рура Исполком Коминтерна и Исполбюро Профинтерна обратились ко II интернационалу и Амстердамскому объединению со следующим воззванием:

«Лондонскому социалистическому интернационалу. Амстердамскому интернациональному объединению профсоюзов. Ввиду угрожающего положения в Европе, которое может обрушиться на рабочий класс новыми неслыханными бедствиями, с другой стороны, ввиду наших решений в Гааге относительно всеобщей стачки в случае опасности войны, ИККИ и ИБ Профинтерна предлагает вам немедленно начать переговоры с нашими представителями о совместных действиях для предотвращения новой войны».

Не приходится добавлять однако, что и Лондонский и Амстердамский интернационалы палец о палец не ударили для того, чтобы повести борьбу против насильственных действий французского империализма в отношении Германии.

Еще 8 января, т. е. до оккупации Рура, бюро Амстердамского интернационала усиленно штудировало вопрос о репарациях и решило... передать этот вопрос на арбитраж Лиги наций. Но французский империализм предпочел арбитражу более простой и выгодный для него способ разрешения репарационной проблемы: через 2 дня французские оккупационные войска заняли Рур. Президиум ВОГП обратился в бюро Амстердамского интернационала с требованием помочь оккупированной Германии объявлением международной всеобщей стачки согласно постановлению Гаагского конгресса Амстердамского интернационала.

Вот сводка мероприятий, предпринятых Амстердамским интернационалом в ответ на этот призыв.

«Единоголосно было решено немедленно снаестись со всеми присоединившимися национальными центрами для того, чтобы обсудить возможность решительного выступления и принять подготовительные меры для

³⁵ Эндерле, Амстердамцы и оккупация Рура, «Красный интернационал профсоюзов» № 2 за 1923 г., стр. 198.

³⁶ «New Leader» № 3, стр. 4.

...КАК И СЛЕДОВАЛО ОЖИДАТЬ, И ЛОНДОНСКИЙ И АМСТЕРДАМСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЫ ПАЛЕЦ О ПАЛЕЦ НЕ УДАРИЛИ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОВЕСТИ БОРЬБУ ПРОТИВ НАСИЛЬНИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ ФРАНЦУЗКО-ИМПЕРИАЛИЗМА В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ...

Немецкая работница по кусочкам собирает уголь — французские оккупанты ва онами вывозят его во Францию

предполагаемых действий, дабы рабочие всех стран были готовы последовать всякому призыву международного объединения профсоюзов к осуществлению в случае надобности постановлений Римского и Гаагского конгрессов. Одновременно бюро предостерегает рабочих от всякой, идущей с другой стороны попытки предпринять необдуманные и неподготовленные выступления. В особенности оно настоятельно призывает германских рабочих не давать собою злоупотреблять для националистических и шовинистических выступлений»³⁷.

В ответ даже на этот чрезвычайно неопределенный призыв к действиям «в случае надобности» представители реформистских профсоюзов Англии, Франции и Бельгии заявили, что рабочие их ни в каком случае на всеобщую стачку в помощь германским рабочим не согласятся, т. к. в их среде чрезвычайно сильны антигерманские настроения. Уж пускай, мол, всеобщую стачку объявят в свою защиту сами германские рабочие! Но и представители Всегерманского объединения профсоюзов от объявления всеобщей стачки решительно отказались, исходя из тех соображений, что это сильнее ударит по германским капиталистам, чем по французскому империализму.

После всей этой энергичной «акции» в помощь германским рабочим Амстердамский интернационал облегченно вздохнул, и его Исполбюро обратилось к западноевропейским рабочим с заявлением, что оно «сделало все, что только возможно при нынешнем расколе рабочего движения и мощи победоносного капитализма». «Германский рабочий класс призывается заставить германское правительство и германских капиталистов выполнить репарационные требования».

Последний призыв с особой прозрачностью вскрывает роль II и Амстердамского интернационалов в борьбе за закабаление Германии. В марте 1923 г. на парижском совещании представителей Второго и

Двухсполовинного интернационалов стран Антанты было принято решение предложить Германии план репараций. А на Гамбургском конгрессе была принята резолюция, вновь и вновь пытающаяся убедить германских рабочих, что их интересы заключаются в том, чтобы... добросовестно платить репарации.

Естественно, что при всем своем подострастии в отношении буржуазии стран-победителей и «их» социалистов германская социал-демократия, отражавшая интересы своей буржуазии, не могла не вступить в полосу некоторых трений с представителями II интернационала, который являлся орудием в первую голову буржуазии стран-победителей.

Вот одни из характерных примеров.

В феврале секретарь Амстердамского интернационала счел нужным «выправить интернациональный фронт» и ударить по националистическим настроениям. Это должно было конечно относиться отнюдь не ко всем участкам «интернационального фронта», а лишь к германскому: совершая турне по Германии, Фиммен обрушился на руководителей германских профсоюзов за то, что последние вели политику единого фронта с германской буржуазией (зато французские и бельгийские реформисты, активно проводившие в жизнь империалистическую политику «своей» буржуазии, не заслужили и тени порицания со стороны Фиммена!).

Вся политика II и Амстердамского интернационалов в отношении рурской оккупации лишней раз подтвердила, что эти организации являются прямой агентурой буржуазии и что направлена она в первую голову на проведение в жизнь мероприятий, необходимых с точки зрения стран-победителей. II интернационал являлся активным сподвижником Лиги наций и вместе с ней осуществлял принципы «братства народов» в форме закабаления побежденных в мировой войне стран, еще большего, чем до войны, угнетения колоний, в форме решительной борьбы против революционного пролетариата внутри капиталистических стран и против страны пролетарской диктатуры — против СССР.

³⁷ Эндерле, Германский пролетариат на пороге 1923 г., «Красный интернационал профсоюзов» № 2 за 1923 г., стр. 195.

в БОРЬБЕ

за ПРОЛЕТАРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

АВТЪБИОГРАФИЯ ГЕРМАНСКОГО ПРОЛЕТАРИЯ

— Этого еще не доставало!—проворчал слесарный мастер Франц-Вильгельм Мюллер, когда в одно сентябрьское утро акушерка поднесла ему на белой вышитой подушке его последнего отпрыска.

И впрямь эта прибыль могла быть не очень приятна, так как я был уже тринадцатым, а число тринадцать всегда было несчастливим. Однако я уже тогда не мог понять столь сурового отношения к моей маленькой персоне, тем более, что из тринадцати в живых осталось всего шестеро, а дела моих родителей были очень хороши. Я оплатил за сердечный прием диким ревом, так как другого способа заставить обратить на себя внимание я тогда еще не знал. Так я сразу же вступил к своим воспитателям в жестокую оппози-

цию, проходящую красной нитью через всю мою последующую жизнь. Но об этом позже.

Мои родители жили в небольшом городке у подножия Тюрингского леса. Нужды они совершенно не знали. Отец мой был владельцем большой слесарной мастерской и одним из наиболее почетных граждан города. По тогдашним временам его можно бы даже назвать фабрикантом, так как его предприятие выросло далеко за рамки ремесленного производства железной мебели, тележек и т. п.

Отношения между отцом и мною всегда были самыми худшими. Он терпеть не мог меня. С самых ранних лет я всегда избегал вступать с ним в соприкосновение, ибо чаще всего это связано было с физическим

страданием, и я всегда предпочитал убраться подальше с его глаз. Мне и до сих пор непонятно, почему именно меня он избрал своим козлом отпущения и громом отводом, когда нужно было излить на ком-нибудь свое дурное настроение, ибо с моими братьями и сестрами он всегда обращался гораздо ласковее.

Чем старше я становился, тем сильнее росла во мне неприязнь к отцу; я начал восставать против зачастую незаслуженных наказаний. Я оказывал уже активное сопротивление. По целым дням и неделям я не мог переступить родительский порог без риска для здоровья и даже жизни и искал убежища у деда и бабушки с материнской стороны.

Можно было сказать только одно: должны были существовать какие-то особые причины, которые давали бы отцу известное право обращаться со мною таким образом. Однако я считал себя не хуже и не лучше сотни других мальчиков. В школе я учился хорошо, способности у меня были недурные; хоть на улице я и непрочь был попроказить, но взрослые знали, что я не злоупотребляю этим, а ребята относились ко мне с большим уважением.

Я остановился несколько подробнее на обстановке, окружавшей меня с детства, чтобы объяснить, почему уже с раннего возраста я понял, что много есть неладного в тех кругах, в которых я рос. У моего отца работало много учеников, родители которых приплачивали еще изрядные деньги за так называемое обучение ребят в течение трех лет. Между тем обращение с этой молодежью оставляло желать много лучшего. Побой были в порядке вещей, и ребята сами себе не верили, если день проходил без рукоприкладства. В известной степени мы были товарищами по несчастью, и я делал немало усилий, чтобы предупредить их о надвигающейся грозе. Среди этих учеников были и дети членов социал-демократической партии. От них я слышал кое-что о союзе металлистов, о стачках и даже революции, однако обо всех этих вещах у меня были чрезвычайно скудные понятия.

У себя дома от родных и знакомых я слышал о красных, которые хотят все поделить, которые никогда ничем не бывают довольны и которые возбуждают рабочих, но я не мог представить себе, что это может относиться к моим друзьям из мастерской.

В доме моих деда с бабушкой бывал один учитель, который позже поселился у них.

Он был противником церкви. Я лично не был очень ревностным приверженцем церкви, так как там было очень скучно, к тому же я в школе понял противоречие между религией и естествознанием. Поэтому для меня было вполне естественно обратиться именно к этому учителю, который поддерживал меня в атеизме, с вопросом, что такое социализм и почему рабочие вступают в профсоюзы. Я заметил, что он часто разговаривает с моим дедом о событиях 1848 г. и часто употребляет слова, очень похожие на те, которые я слышал от рабочих на фабрике.

Этот учитель не оттолкнул меня, не говорил, что я еще чересчур зелен для таких вопросов. Наоборот, он очень обрадовался моей жажде знания и мало-помалу стал вводить меня в область политических вопросов — разумеется в тех пределах, какие были доступны моему пониманию. Он разъяснил мне классовый характер общества и государства, объяснил, для чего существует трехклассное избирательное право, зачем необходимы профсоюзы, и обратил мое внимание на учение Маркса и Энгельса. Во время революции 1848 г. он был молодым человеком. Он нарисовал мне яркими красками, как развивалось восстание и чем оно кончилось. Мое юношеское воображение дополнило остальное, и я стал страстным приверженцем революционного движения. В каждом носившем красный галстук или участвовавшем в первомайской демонстрации я видел героя. Я был глубоко убежден, что день освобождения не за горами.

К сожалению моя дружба с учителем неожиданно оборвалась: он внезапно умер. Не успел я оправиться от этой потери, как следом за ним ушли друг за другом в могилу дед и бабушка. Вся кропотливо подбиравшаяся литература была у меня отнята и сожжена, а чудесная библиотека, унаследованная мною от моего друга, продана. Лишив меня всего, одного не могли отнять у меня — сознания, что столь презираемые пролетарии, отнюдь не являются людьми второго сорта, но наоборот, они во много раз выше достославной буржуазии.

Тем временем мне уже минуло 13 лет, и предо мною встал уже вопрос о выборе профессии. Я избрал химию. Отец мой неистовствовал и заявил, что я должен стать слесарем, что жаль каждого потраченного на меня пфеннига, ибо я настолько красный, что все равно кончу в исправительном доме.

Незадолго до окончания школы я свалился с подмостков, сильно расшибся и сломал ногу. Когда я поправился, отец сунул меня учеником в свою мастерскую. Я должен был стать слесарем, и теперь моя жизнь получила новое содержание. Если до сих пор я был знаком с положением рабочего класса только теоретически, да и то лишь частично, то теперь я знакомился с ним уже непосредственно на практике.

Я весь горел желанием сблизиться с товарищами по ученичеству, поделиться с ними своими знаниями. К сожалению мне пришлось пережить много горьких испытаний.

Моих товарищей по судьбе мало трогало, что я так усердно хлопочу об их организационных и союзных делах. Они всегда видели во мне сына владельца, их эксплуататора, и относились с большим недоверием к моим уверениям, что я целиком и полностью стою на позициях классово сознательных рабочих. Только после продолжительных колебаний они приняли меня наконец, и то на испытание, в свои ряды. Я получил разрешение принимать участие в некоторых заседаниях, но все же я замечал, что они не видят во мне товарища. Меня приняли лишь потому, что я имел в своем распоряжении значительные средства, а касса организации была всегда пуста. Молча, стиснув зубы, стал я добиваться доверия своих товарищей. Я жертвовал все свои карманные деньги, выпрашивал у матери, которая меня очень любила, добавочных денег. Полного признания и отношения к себе как к равноправному товарищу я добился только после того, как во время одной предвыборной кампании в ландтаг я распространял социал-демократические листки перед помещением, в котором происходило предвыборное собрание, где отец мой агитировал в то же время за консерватора. Жасны были для меня последствия, когда я вернулся домой. Столько побоев на меня не сыпалось еще ни разу в жизни. Четыре недели провалялся я после этого в постели пока зажили раны, однако испытание огнем я все-таки выдержал. Когда я вышел в первый раз после этого на работу, меня торжественно приветствовали все ученики и организованные рабочие, и мне было сообщено, что меня приняли не только в профсоюз, но и в политическую организацию. Само собой разумеется, я был счастлив и дал себе слово отдаться делу с удвоенной энергией.

Незаметно летели месяцы. По воскре-

сеньям я отправлялся для агитации в районы или на конференции в близлежащие Арнштадт или Готу и даже частенько в Эрфурт. В будни я посещал просветительные вечера и совместные чтения на какой-нибудь частной квартире. Быстро пришло таким образом время, когда я должен был сдать испытание на подмастерье. Сдав экзамен и вступив в ряды взрослых, я вздохнул уже свободнее и теперь мог уже выступать более открыто на всех собраниях организации как человек, стоящий на стороне эксплуатируемых. Разумеется, это увеличивало количество взрывчатого материала между мною и отцом, пока наконец не произошел однажды взрыв, и мне пришлось покинуть и мастерскую и отчий дом. Распрощавшись с друзьями и товарищами, я решил отправиться в Готу — поискать там работы. Но когда я приехал туда, меня вдруг охватила жажда странствования, и я отправился во Франкфурт-на-Майне.

В СТАЧЕЧНОЙ БОРЬБЕ

Во Франкфурте я сразу связался с партийной и профессиональной организациями, но там я с огорчением узнал, что работу найти трудно. Между тем карман был у меня тощий, так как, расставаясь с отцом, я с гордым жестом швырнул ему свою зарплату. Теперь я об этом жалел. Меня однако утешили, что в Вормсе и Мангейме работу найти нетрудно. Здесь только я увидел впервые, какое огромное значение имеет профессиональная и политическая организация: она говорит человеку, что ты не одинок, что всюду, куда бы ты ни попал, у тебя есть товарищи.

Несколько дней спустя все, что можно, было продано; я захватил дорожный мешок, и вместе с несколькими товарищами мы отправились «на своих двоих» вверх по Рейну.

В городах и деревнях мы делали привалы в гостиницах и спорили с юношеским пылом, обрабатывая каждого товарища по классу, чтобы завербовать его в ряды марксистов.

Во Франкентале нам предложили работу, однако радость наша была тут же омрачена. Мы получим немедленно работу, сказали нам, если вступим в гиршдункеровский союз. Само собой разумеется, мы отказались. Вскоре мы узнали, что рабочие, организованные в свободные профсоюзы, объявили забастовку и что нас хотели втянуть в желтый профсоюз для того, чтобы мы сыграли роль штрейкбрехеров.

Мы отдали себя в распоряжение товарищей, устроили у себя на постоялом дворе собрание всех организованных рабочих, помогли расставить пикеты. Через несколько дней стачка окончилась победой рабочих.

Впервые пришлось мне видеть и переживать забастовку—одно из самых сильных орудий рабочего класса. В бодром настроении пошли мы в Мангейм, но и там происходила забастовка, и после краткой информации мы отправились в Людвигсгафен.

Я получил работу на баденской фабрике анилиновых красок и соды и там познакомился с нуждой пролетариев химической промышленности. Плохо организованные тысячи рабочих тянули лямку в ужаснейших условиях труда за жалкую заработную плату. Всякая попытка организованного выступления немедленно подавлялась администрацией; почти невозможно было завоевать почву для профдвижения. Все предприятие было обтянуто, как паутиной, сетью шпионажа. И все же нам удалось завоевать его пядь за пядью. Прежде всего мы привлекали на свою сторону слесарей, и провели через свою организацию их требования. Мы все испробовали, чтобы вовлечь всех рабочих в общее движение за повышение заработной платы, но ничего не добились. Нам пришлось выступить на свой страх и риск. Администрация отклоняла всякие переговоры; мы ответили забастовкой. Через 4 недели борьба окончилась в нашу пользу, однако трое из нас не были приняты обратно на работу, в их числе был и я. Вести борьбу дальше, добиваясь обратного приема всех, было уже невозможно, так как силы были слишком слабы. Мы рады были и небольшому успеху, хотя и купленному ценой потери трех наиболее дельных активистов. Наша тактика была правильной. Ободренные нашим успехом, все профактивисты развернули свою агитацию, и немного спустя им удалось провести общее выступление за повышение заработной платы.

Через несколько недель я получил работу в качестве монтера на постройке «Гуте Гоффнунгсгютте». Своим решительным выступлением перед главным инженером я быстро завоевал доверие товарищей и был выбран профуполномоченным. Вскоре все товарищи были организованы в профсоюз.

В свободное время я посещал вечерние курсы повышения квалификации, занятия мои шли успешно. Администрация

ценила во мне хорошего работника, но знала, что, несмотря на свою молодость, я пользовался значительным влиянием среди рабочих. Чтобы вбить клин между мною и остальными товарищами, администрация старалась поставить меня в привилегированное положение. Мне платили повышенное жалованье, назначили меня сперва монтером, потом монтажным инженером. Но ничто не могло мне помешать быть хорошим, верным товарищем своих товарищей по классу.

После перебросок с одной постройкой на другую я получил неожиданно предложение сделать некоторые крупные монтажные работы для фирмы Крупп. У меня тотчас же возникло подозрение, что здесь что-то неладно. На мой вопрос в профсоюзе и у профуполномоченных завода Фридрих-Альфред Гютте, я получил успокоительный ответ, что Крупп перегружен заказами, поэтому он передал монтажные работы нашей фирме, что мы можем спокойно взяться за работу. Нас это вполне устраивало, так как с работой становилось туго. Но что пришлось нам узнать через несколько недель!

В некоторых отделениях гигантских крупновских заводов назревали осложнения. Желая нанести контрудар, администрация стянула свои монтажные колонны на завод, чтобы поскорее закончить заказы, монтажные же работы она передала другим предприятиям — здесь сказалась тесная связь между предпринимателями. Нас же использовали как штрейкбрехеров против наших же товарищей. Когда мы были в Базеле, к нам пришла весть о том, что Крупп объявил локаут. Мы тотчас же присоединились к крупновским рабочим, бросив работу. Меня делегировали в Эссен для переговоров с дирекцией. Мы полагали, что имеем право считать себя членами рабочего коллектива заводов Круппа. Однако профсоюзные руководители не были с нами согласны. Они поучали меня, что наша забастовка была необоснованной, «дикой» и заставляли нас сделаться косвенными штрейкбрехерами. Я отправился в Рейнгаузен Фримерсгейм, чтобы узнать мнение самих локаутированных, работавших в моем отделе. На огромном собрании я сделал доклад, и товарищи горячо приветствовали меня, когда я заявил, что мы будем осуществлять рабочую солидарность хотя бы через голову профбюрократов. Тем временем стали поступать известия о забастовке в ряде других строителств, и я почти единогласно был избран в комис-

сию для переговоров с предпринимателями.

Положение в районе, охваченном забастовкой, обострялось изо дня в день. Все переговоры не приводили ни к каким результатам. Но все-таки фронт держался крепко. Тогда администрация предложила вести переговоры по отделениям. На это мы ответили отказом, заявив, что не желаем быть выброшенными порознь на улицу.

Профбюрократы однако заставили нас принять это предложение под угрозой лишения стачечного пособия. В результате для некоторых отделений были выработаны особые тарифы, и работы в них возобновились, в других же было мало надежд на успех и под вопросом стояло самое возобновление работ, так как, по заявлению предпринимателей, эти отделения были нерентабельны. Администрация достигла того, чего она хотела: стачечный фронт был прорван и между рабочими посеяна рознь.

В одном из отделений администрация отличалась особенной реакционностью, и ведение переговоров было особенно затруднительно. Дня не проходило без скандала, ежеминутно можно было ожидать столкновений, ибо фабрика была занята войсками и полицией.

Во время повторных переговоров дело дошло до серьезных столкновений с одним директором, который самым наглым образом обругал наших товарищей. Так как я был очень вспыльчив, я схватил попавшую мне под руку чернильницу, швырнул ее негодню в физиономию и прежде чем товарищи успели опомниться, схватил его за шиворот и швырнул в окно. С глухим стуком тело ударилось о мостовую, и во дворе раздались громовые рукоплескания тысячи забастовщиков, которые, несмотря на присутствие полиции и войск, поджидали во дворе результатов переговоров. Товарищи по комиссии посоветовали мне немедленно скрыться, чтобы не попасть в лапы полиции,—все равно мне нечего было и думать об участии в дальнейших переговорах.

Я скрылся, но продолжал еще принимать активное участие в заседаниях стачечного комитета и даже на собраниях забастовщиков, хотя полицейские ищейки часто шли за мною по пятам. Однако мы ничем не могли помешать союзу металлистов прийти к соглашению с предпринимателями через наши головы. Стачка была сломлена, значительное количество товарищей

было выброшено на улицу. Что касается меня, то не могло быть и речи о моем возвращении на работу, так как это означало попасть сразу в лапы полиции и буржуазной классовой юстиции. У меня не было к этому никакой охоты, так как, хотя директор и не получил никаких серьезных повреждений, мне все же грозило довольно суровое наказание. За свой поступок я был исключен из союза металлистов, но товарищи были мне верны. Однажды вечером я покинул Рур на голландском буксире и под именем Яна Бутлера переправился через границу. Так я попал впервые за границу.

СКИТАНИЯ

В один прекрасный день я очутился в Амстердаме. Нельзя сказать, чтобы я чувствовал себя хорошо. Что мог я там делать? Я старался припомнить пару английских и французских слов, которые выучил в школе, но их было слишком мало и для Франции и для Англии. Оставалось только поступить на пароход, пока я немножко подучусь языкам. Но судьба решила иначе.

Я отправился в Роттердам, так как если уж плавать, то плавать только на очень большом пароходе. Однако против моего ожидания капитаны отнюдь не ждали моего приезда. Кроме меня еще множество других товарищей по несчастью неделями ждали счастливого случая отряхнуть прах со своих ног и вверить свою судьбу воде. Мне пришлось убедиться также в том, что без бумаг очень трудно достать приличную работу. Но здесь на помощь мне пришел случай в лице одного соотечественника, который хватил немного лишнего и плохо держался на ногах. Я взял его за шиворот и доставил на квартиру. Там обнаружилось, что он монтер одного берлинского машиностроительного завода и ему надо смонтировать два больших подъемных крана. Он очень обрадовался соотечественнику и тотчас устроил меня на работе своим помощником. Он был членом профсоюза металлистов, и когда я рассказал ему о своих злоключениях, он проникся ко мне симпатией.

Ничего достойного внимания в Роттердаме не случилось. Я только должен был констатировать, что там, как и во всех других портовых городах, которые мне пришлось видеть, нищета была особенно велика. Наша работа вскоре пришла к концу, и я отправился со своими товарищами в Марсель на такую же работу. Переход

через границу был несколько затруднителен, так как у меня не было паспорта. Но мы преодолели это затруднение.

В Марселе я познакомился с одним молодым швейцарцем, который во что бы то ни стало хотел научиться говорить по-испански и искал себе попутчика в Испанию. Я бросил своего мастера и отправился со своим новым другом в страну, где цветут каштаны. Однако судьбе не уютно было, чтобы мы достигли цели своего путешествия. После нескольких месяцев блужданий мы попали в руки французской полиции. Так как оба мы были несовершеннолетние и не имели бумаг, полиция отправила нас до границы и передала в руки отечественных властей. Таким путем я снова попал в соприкосновение со своим дражайшим родителем. Прием не был очень радушным, тем более, что отцу пришлось оплатить стоимость моего проезда из Франции на родину.

Я обдумывал, как бы избавиться от пытки прожительства в отчем доме, и решил поступить вольноопределяющимся во флот. Отец сразу охотно согласился, надеясь, что я там исправлюсь и вернусь на стезю добродетельного буржуа. Несколько недель спустя я уже был зачислен в Вильгельмстафене. Я быстро договорился с несколькими ребятами относительно дальнейшей связи, ибо меньше всего я был приверженцем милитаризма. Недаром же мы изучали антимилитаристскую резолюцию, внесенную Августом Бебелем и принятую на Штутгартском конгрессе. Я знал также Карла Либкнехта и Розу Люксембург и читал в их лице вождей, к которым молодежь относилась с величайшим доверием. Никогда не забыть мне часов, когда наш Карл был с нами. С пылающими лицами слушали мы его речи, которые указывали нам новые пути движения пролетарской молодежи. Я думал, что во время отбывания воинской повинности я смогу вести энергичную агитацию среди матросов, но вскоре вынужден был убедиться, что сильно ошибся на этот счет.

Как вольноопределяющиеся и будущие офицеры мы были строго изолированы от остальной команды, мои же товарищи были недоступны для социалистической пропаганды. Они донесли обо мне начальству, и лишь с большим трудом удалось мне избежать наказания. Несколько матросов, которых я снабдил кружным путем газетами и литературой, обещали мне, правда, поддержку. Но я думаю, они обещали мне ее ради звонкой монеты, которую я давал

им за распространение. Очень быстро служба стала мне невозможна, и я стал задумываться над тем, как бы мне избавиться от этой вольнички. Тут пришел на помощь случай. Во время обучения на миноносце лопнула паровая труба, и я получил сильные ожоги. В тяжелом состоянии я был отправлен в лазарет и по выздоровлении освобожден как негодный для военной службы. Наконец-то я снова получил свободу! Я решил не возвращаться домой и поступил кочегаром на пароход, отправлявшийся в Южную Америку. Так на протяжении 1909—1911 гг. мне пришлось побывать в разных частях света.

По случаю смерти матери я вернулся в 1913 г. в Германию, где меня с радостью встретили мои друзья. За время своих странствий я поддерживал с ними тесную связь и подробно информировал обо всем, что видел и слышал. Прежде они думали, что в других странах существуют такие же крепкие организации, как и в Германии, и были несколько разочарованы, узнав от меня обратное. Они с радостью все же узнали, что чувство международной солидарности живет в самых отдаленных уголках земного шара, и клялись с удвоенной энергией вести работу, тем более, что по Европе бродил уже призрак войны.

Поздней осенью 1913 г. я встретился во Франкфурте-на-Майне с Розой Люксембург и слышал ее пламенные речи против милитаризма. Я рассказал ей о своих впечатлениях за границей и о работе своих товарищей, ведущих социалистическую пропаганду среди рабочих в солдатских мундирах, которые ежегодно проходили повторительный сбор по соседству с нами. Роза была крайне рада.

За последние годы я несколько забросил свои занятия социально-политическими науками, больше уделяя внимания повышению своей профессиональной квалификации. По возвращении на родину я поспешил наверстать потерянное. В лице депутата рейхстага Вильгельма Бекка и редактора Отто Гайтера я нашел двух товарищей, очень симпатизировавших молодежи; они всеми силами поддержали наше стремление создать самостоятельную организацию молодежи. В общем я мог констатировать, что почти все социал-демократические рабочие были настроены очень левое.

В БОРЬБЕ ПРОТИВ ВОЙНЫ

Когда в июле 1914 г. выстрел в Сараево послужил поводом к четырехлетней бой-

не, революционное движение в Готском герцогстве стояло на высоком уровне. Нам не стоило большого труда развернуть мощное движение протеста против войны. Мы созывали многолюдные собрания и сделали все для подготовки всеобщей забастовки. Но здесь мы натолкнулись на противодействие со стороны партийных и профсоюзных верхов, решительно воспротивившихся нашей антимилитаристской деятельности. ЦК германской социал-демократии заявил, что долг немецких рабочих заключается в поддержке войны, и 4 августа 1914 г. с.-д. фракция рейхстага проголосовала за военные кредиты. Измена вождей поселила растерянность в массах и сорвала движение протеста против войны.

Уже 3 августа 1914 г. я наравне с тысячами других молодых пролетариев должен был явиться на призывной пункт. Меня прикомандировали к пехотной части. Я все еще надеялся на восстание рабочих, поскольку они получили теперь оружие в свои руки. Но я ошибся. Когда социал-демократия одобрила 4 августа военные кредиты, я потерял вообще веру в с.-д. как освободительницу народов и только благодаря мужественному выступлению Карла Либкнехта против войны я не отошел тогда совсем от революционного движения.

Нас быстро переодели в мундиры, чтобы с первыми же транспортами отправить в Бельгию. Только благодаря счастливому случаю я не разделил участи своих товарищей,—никто из них не вернулся невредимым из этой резни, — батальонный командир, питавший ко мне особые симпатии, в самый последний момент задержал меня и назначил для ведения культурно-просветительной работы. Здесь я сделал все, что было в моих силах, чтобы завоевать сторонников наших идей.

Но это был напрасный труд. Военный угар был повсюду. Единственным результатом моей деятельности было то, что в один прекрасный день я был неожиданно прикомандирован к одной роте в качестве колонновожатого и внезапно отправлен на Западный фронт. По прибытии на фронт я вступил в резкий конфликт со своим полковым командиром. Меня предали военному суду как бунтовщика, разжаловали в рядовые и приговорили к 2 годам крепости. Однако благодаря недостатку квалифицированных рабочих я был помилован и послан на работу.

Я работал на крупном предприятии по монтажу оборудования для флота. После

полугодовой работы я развернул там агитацию среди своих товарищей, за что меня снова сняли и отправили на монтаж ангаров близ фронта. Лучшую возможность для распространения революционной литературы и для ведения противовойснной пропаганды трудно было придумать, и я целиком постарался использовать ее.

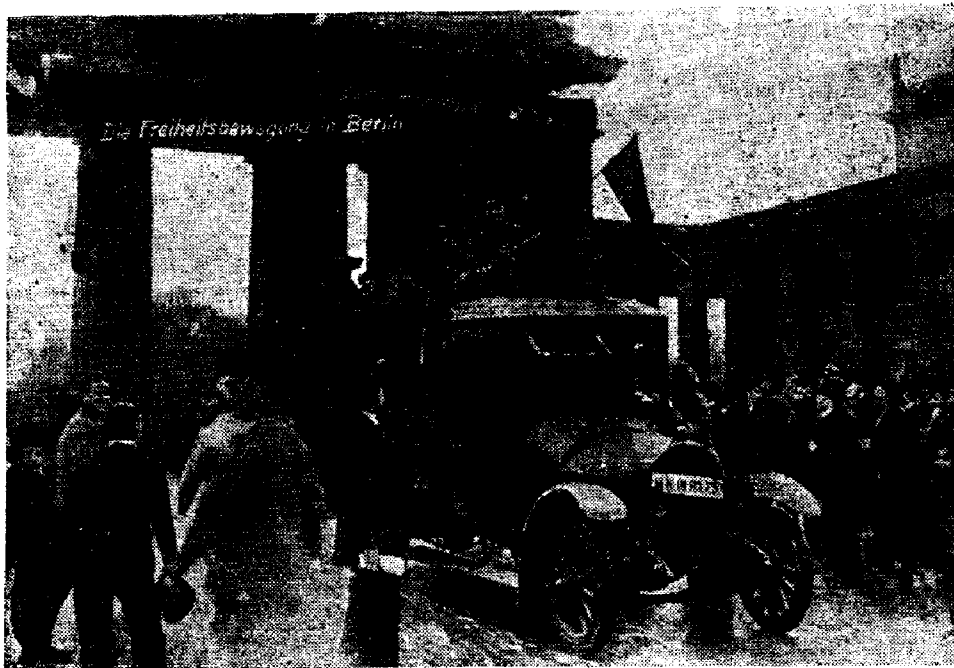
В 1916 г. я лично познакомился в Берлине с Карлом Либкнехтом и принял активное участие в демонстрации на Потсдамской площади. Несколько месяцев спустя на аэродроме в Торне взбунтовалась рабочая команда, и меня обвинили в подстрекательстве к восстанию. Меня ткнули в батальон ландштурма, отправлявшийся в Сербию. Однако я отнюдь не пылал желанием «лечь костями на поле чести».

При помощи одного знакомого врача я был признан непригодным к военной службе и поступил на вагоностроительный завод в Готе. Там уже было очень сильное движение против войны, и товарищи, с которыми я уже был раньше знаком по совместной работе, очень обрадовались подкреплению в моем лице.

Там велась работа под руководством опытных функционеров: распространялись листки против войны, выпускалась заводская многотиражка, делались все усилия для привлечения на нашу сторону профуполномоченных. Я работал в цехе по строительству аэропланов и вскоре был избран профуполномоченным вместо пожилого товарища, который устал от работы. В профсоюзах мы постепенно захватывали влияние, и вскоре вся местная профорганизация оказалась в наших руках.

Против нашего ожидания и партийная организация пошла за нами. Тов. Бекк сообщил нам радостную весть, что и с другой стороны делаются усилия в том же направлении: создается сильная оппозиция против оборонческой политики партии вплоть до образования новой партии.

После ряда конференций и совещаний на пасхе 1917 г. в Готе в гостинице Ланге состоялось решающее собрание, на котором была учреждена Независимая с.-д. партия. Тогда мы еще не понимали всего того значения, которое приобрела независимая социал-демократия в развитии классовой борьбы в Германии. Нам казалось, что независимая—революционная партия и хотя программа НСДП и несоответствовала нашим желаниям, мы все же были на первое время довольны. Нам

удалось перетащить к независимым преобладающее большинство членов старой с.-д. партии; с удвоенной энергией принялись мы за работу, чтобы завоевать на сторону революции товарищей по классу. Многих хороших товарищей отправили на фронт, и больше уж мы их не видели. Но к нам приходили все новые и новые кадры, и ничто не могло отвлечь нас от нашей цели — свергнуть существующее правительство. Когда до нас дошла весть о победе наших русских товарищей, ликование нашему не было границ. Первая брешь была пробита, нужно было идти следом по этому пути.

ДНИ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Упорным, неустанным трудом мы старались подготовить свой завод к выступлению. Мы вступили в тесную связь с крупными предприятиями других городов. Нам приходилось еще и еще раз откладывать выступление, пока наконец не удалось устроить забастовку в январе 1918 г. Однако и на этот раз невозможно было придать движению решительный размах. Все же мы вернулись на предприятие бодрые духом, мы не теряли надежды добиться победы. Вся наша горечь и злоба направились на вождей профсоюзов и социалистов большинства, которые своей политикой гражданского мира позволяли военной камарилье посылать на бойню все новые и новые сотни тысяч цветущих юношей. Мы решили изменить свою тактику. Мы поняли, что пора чисто стачечной борьбы уже миновала, — нужно было показать бур-

жуазии кулак. Вооружение рабочих должно было из лозунга превратиться уже в действие. Все товарищи, способные носить оружие, были разбиты по группам, им было предложено вступить в гражданскую оборону, образованную буржуазией после стачки, для защиты граждан и предприятий. Они должны были своим усердием в этих отрядах добиться в кратчайший срок перехода в их руки складов оружия. Так было положено начало рабочей милиции. Кроме того была организована работа среди отпускников, и все возвращавшиеся на фронт снабжались достаточным количеством горючего материала.

На плацу, в казармах и на аэродромах мы завязали хорошие связи; отсюда нас также снабжали недостающим оружием. Возмущение правительством достигло огромных размеров и местами прорывалось уже в единичных восстаниях. В своей антивоенной пропаганде мы получили поддержку со стороны молодых рабочих из окрестных лесных деревушек. Они не знали еще политграммы, но их здоровый классовый инстинкт подсказывал им, что красные хотят лишь блага народу. Они очень охотно взялись за агитацию среди солдат.

В местах развлечений они очень ловко распространяли нашу литературу и листки, и не один жаждущий любви мушкетер приносил в казарму маленький пакетик, содержимое которого ему было неизвестно, для передачи такому-то товарищу.

Так шаг за шагом приближались мы к 9 ноября, и когда пришло известие о восстании в Приморском районе, мы были уже

хорошо подготовлены. Тотчас же остановились фабрики и заводы. Рабочая милиция завладела предприятиями.

В самой Готе и в непосредственной близости к ней были сконцентрированы очень сильные воинские части.

Военные власти пытались стянуть верные правительству войска и двинуть их против повстанцев, но это был напрасный труд. Наши товарищи повели в казармах хорошую работу, и подавляющее большинство солдат перешло на сторону восставшего народа. Наряду с рабочими были произведены выборы в солдатские советы; в Готском герцогстве был тотчас образован совет рабочих и солдатских депутатов. Я был выбран членом совета. Герцог со всем правительством вынужден был отступить, его место заняли народные уполномоченные—гг. Бекк, Шаудер и Теннер. Мы с большим интересом изучали развитие революции в России и думали и у себя провести такую же радикальную чистку. К сожалению, мы ошиблись и не учли предательства социалистов большинства и политики руководства независимых.

Вполне естественно, что мы национализировали все имущество последнего владельца нашей маленькой страны и всех его присных без всякого возмещения.

Реакционные земские органы (ландрат) были распущены или, в крайнем случае, туда были назначены надежные комисса-

ры. Точно так же бургомистры небольших городов и общин были поставлены под контроль местных советов. Я проснулся ландратом и думал, как и тысячи других, что власть не уйдет уж из наших рук. Но случилось по-иному.

В нашей маленькой стране нам пришлось столкнуться с большими затруднениями, особенно в продовольственном вопросе: сверх огромного военного лагеря у нас был еще большой лагерь военнопленных—свыше чем на 10 тыс. человек, и часто приходилось ломать голову, как обеспечить для них пропитание. Отправка военнопленных проходила очень медленно, да и роспуск солдат по домам тоже не обходился без трений. Часто являлись новые части с фронта, находившиеся еще под влиянием реакционного офицерства, и не раз приходилось нам пускаться в ход свою рабочую милицию против этих контрреволюционеров. С центральным правительством приходилось вести различные переговоры, и мне часто приходилось принимать участие в поездках в Берлин. Посылались бесчисленные комиссии для переговоров с Эбертом—Шейдеманом. Там я с ужасом констатировал, что власть медленно, но верно при содействии социал-демократии переходит в руки реакции.

Берлинское правительство смотрело на нас косо. Мы были бельмом на глазу этих почтенных «демократов». Как это мы осмелились национализировать целый княже-

...ПОДНЯЛАСЬ КРОВАВАЯ ТРАВЛЯ ВСЕХ ЧЕСТНЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ...

Man muß eine besondere Veranlagung zum Selbstmord haben, wenn man vergift, daß man die Sozialdemokratie in der Periode des Spartakismus sehr dringend gebraucht hat, und nicht bedenkt, daß man sie vielleicht eines Tages noch dringlicher brauchen wird.

Монтаж Л. Хардфильд

...СОТНИ КЛАССОВО СОЗНАТЕЛЬНЫХ ПРОЛЕТАРИЕВ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЗАПЛАТИТЬ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ, СРЕДИ НИХ НАШИ НЕЗАБВЕННЫЕ ВОЖДИ КАРЛ ЛИБКНЕХТ И РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ ПАЛИ ЖЕРТВОЙ БЕЛОГО ТЕРРОРА

Wilhelm II. sitzt auf einem Holzstuhl Modell für ein Schlossgebäude.

**Dafür soll das deutsche Volk 3 Milliarden zahlen!
Wer sein Geld nicht für Narren u. Narrenposen opfern will,
stimmt beim Volksentscheid am 20. Juni mit Ja!**

(К. «народному голосованию в Г. р. м. а. ш. о. выплаты
В. м. д. г. е. л. ь. м. у. п. е. н. с. и. з. а. о. т. к. я. т. ы. е. у. н. е. г. о. ц. и. м. е. н. и. з. а.») .

**„ЗА ЭТУ ДЕРЕВЯННУЮ ИГРУШКУ ГЕРМАНСКИЙ НАРОД
ДОЛЖЕН ЗАПЛАТИТЬ 3 МИЛЛИАРДА!..“**

ский дворец?! Разве с нашей стороны не было безмерной дерзостью отправить на все четыре стороны без единого пфеннига пенсии старых заслуженных чиновников? Почему мы просто-напросто арестовали офицеров, получивших высшие отличия за геройские подвиги в борьбе с врагом, только за то, что эти почтенные господа боролись против приказов народных уполномоченных?

Ведь в Берлине не было же надобности в подобных мероприятиях. Господин народный уполномоченный Шейдеман объяснил с очень любезным видом, что столь драгоценные силы нельзя просто отбросить в сторону, наоборот—их надо привлечь к работе, и погрозил нам пальцем, чтобы мы не зарывались чересчур и не дали этим повода к вмешательству централь-

ного правительства. Гаазе и Диттман, с которыми мы беседовали об угрозе реакции, высмеяли нас и заявили, что нам снятся привидения. Они были повидимому того мнения, что наступает не контрреволюция, а «социализация».

Несколько дней спустя после этого разговора мы имели случай убедиться, что наши предсказания о надвигающейся контрреволюции имеют серьезные основания.

Поддерживаемая и даже вызванная социал-демократами контрреволюция подняла свою голову. Поднялась кровавая травля против всех честных революционеров. Сотни классово сознательных пролетариев должны были заплатить своей жизнью, среди них наши незабвенные вожди Карл Либкнехт и Роза Люксембург пали жертвою белого террора.

Крик возмущения пронесся по стране. Но тем дело и кончилось. Не было тогда возможности двинуть массы из-за предательской политики вождей социал-демократии, в том числе и части независимых.

Вскоре и в Готе дала себя почувствовать центральная власть. В Берлин сыпались бесчисленные жалобы буржуазии на насильственные действия красных властей в Готе, и центральное правительство прислало к нам своего комиссара для наблюдения за тем, чтобы не было посягательства на «благоприобретенные» права.

Целый ряд реакционных чиновников был вновь посажен на старые места, а остальным были назначены крупные пенсии. Даже наследственному владельцу было обещано возвращение известной части его прежних прав, а национализация была объявлена незаконной. Мы не сумели организовать необходимый отпор и, не оказав почти никакого сопротивления, очистили поле борьбы и вернулись на предприятия.

На вагоностроительном заводе в Готе, куда я вернулся, чтобы снова приступить к работе в качестве слесаря, многое изменилось за время моего отсутствия, но настроение товарищей было очень хорошим. Я был назначен в цех по производству локомотивов. Будучи избран в фабрично-заводский совет, я тотчас же принял активное участие в организационной работе предприятия.

Из 3.000 человек, работавших на предприятии, 2.500 разделяли нашу позицию. Остальные 500 делились между социал-демократическими и буржуазными партиями. Еще продолжала существовать рабочая милиция при предприятии, но дисциплина среди нее заметно упала. Мы предприняли решительную реорганизацию. Каждый цех должен был выставить одну или две сотни рабочих, смотря по силам. Оружие было сложено на предприятии в определенном месте, чтобы в любой момент его можно было пустить в ход. Значительная часть товарищей жила в отдаленных лесных деревушках, и мы поручили им создать подобные организации и у себя на местах. Таким образом должна была установиться связь карликовых предприятий этих местечек и вообще местного населения с крупными предприятиями.

Таким путем мы установили в короткий срок тесную связь между городом и деревней, и когда в марте 1920 г. разразился капповский путч, он не застал нас врасплох.

На 13 марта нами была назначена всеобщая забастовка. Наши вооруженные отряды тотчас заняли аэродром. Охранная полиция, жившая в казармах, воздвигла баррикады, окружила колючей проволокой казармы и засела в них, став таким образом на сторону капповцев. Мы подняли на ноги весь район. На близлежащем плацу находились полицейские части Средней Германии, два полка пехоты, артиллерия и другие технические войска. Положение для нас было таким образом очень серьезно. Мы связались тотчас с Целла-Меллис и Зулем и узнали, что в Зуле уже идет борьба между рабочей милицией и войсками.

Мы лихорадочно работали над вооружением сотен. Товарищи из Целла-Меллис сообщили, что они готовят для нас броневики. Пока что мы не теряли времени. Мы захватили железнодорожные линии, установили курьерскую связь, стянули отдаленные отряды, поставили охрану на телефоне, телеграфе и узловых путях. Несмотря на все меры предосторожности, на нас все-таки неожиданно напали войска под руководством генерала Меркера. Имея в тылу, в Ордруфе, сильные части белых, мы не могли оказать серьезного сопротивления Меркеру и после короткой схватки ушли из города в ближайший лес.

Генерал изложил правительство и завладел всеми общественными зданиями. Дальнейшие события не заставили себя долго ждать.

Несмотря на наличие значительных сил белогвардейцев на сравнительно небольшой территории, мы продолжали свою мобилизацию и даже начали проводить в отдельных местечках принудительный набор. Все мужчины в возрасте от 17 до 50 лет должны были явиться в указанные пункты и влиться в определенные сотни.

Все это было проделано в несколько дней. Уже готовые броневики находились в пути, из Целла-Меллис прибыли пулеметы—можно было переходить в наступление.

Ближайшей целью был захват плаца, так как там находились склады оружия и боевых припасов; одновременно он мог служить и опорным пунктом.

Тем временем изменилась ситуация и в самой Готе. Благодаря чрезмерному усердию одного молодого унтер-офицера было убито из пулемета несколько женщин. Возмущенная толпа расправилась со стражей и завладела оружием.

Несколько часов спустя возникли стыч-

*Stassenkämpfe i. Berlin
Abendzeitung - 1918*

*Отряды генерала Н. ске
в рабочих районах Бер-
лина и разрушенные ими
рабочие жилища*

ки и в других частях города: повсюду войска несли значительные потери. Солдаты в панике бросились на аэродром и в казармы, не смея уже показаться на улицах. Теперь все пошло с головокружительной быстротой. Красные войска нанали на военный лагерь, и белогвардейцы бежали от страха перед наступающими рабочими. Уже до этого среднегерманская полиция очистила площадь, оставив все свое имущество. То было зрелище, достойное богов,—видеть бегство «доблестных» фронтовых частей. Со сравнительно небольшими потерями мы овладели плацом и нашли там богатую добычу, которая приплась нам весьма кстати. Между тем находившиеся в Готе части сделали попытку пополнить свое боевое снаряжение в Ордруфе, но были отбиты. Тем временем прибыли товарищи из Целла-Меллис со своими броневиками. Мы приготовили несколько орудий и минометов и отправились в поход на Готу.

Все силы, бывшие в нашем распоряжении, были двинуты на Готу. На следующее утро был назначен бой. Товарищи были расквартированы в окрестных деревнях, а частично и в самом городе. Лихим налетом удалось нам уже ночью овладеть вокзалом и таким образом прервать связь белых с близлежащими Эрфуртом и Мюльгайзеном, где находились сильные белые части.

На следующее утро после упорных боев белые были выбиты из города и снова засели на аэродроме.

Пришлось еще драться весь день и всю ночь, пока удалось окончательно очистить Готу от каповцев.

Мы понесли при этом тяжелые потери. Аэродром приходилось брать пядь за пядью. При первом же штурме мы нашли в ангаре сваленные в кучу трупы 36 товарищей, зверски замученных. Их сковали кандалами как арестованных, поставили к стене и расстреляли из пулемета. Невзвонная ярость толкала нас рассчитывать с этими негодяями. Аэродром был превращен от наших выстрелов в пылающий костер, через несколько часов он был в наших руках. Казармы тоже были взяты нами штурмом, и армия генерала Меркера разбита вдребезги. Победа была на нашей стороне, но мы не имели времени праздновать ее. Мы употребили все силы на пополнение своих частей и формирование новых, так как против нас шел генерал Гасс с новыми войсками. Наши форпосты уже вступали в стычки с кавалерией белых и настоятельно требовали подкреплений. Поэтому мы бросили часть красных войск на Эйзенах. Белые отступили на Кассель. Мюльгаузен был нами блокирован.

Тем временем в Зуле и Касселе шли переговоры с представителями райхсвера о перемирии, вернее о разоружении рабочих и передаче рейхсверу власти в областях, затронутых восстанием. Мы решительно отвергли это предложение, хотя благодаря усилиям верхушек профсоюзов всеобщая забастовка в различных частях страны была сорвана. Наше поведение очень не

**РУР
В РУКАХ
ФРАНЦУЗСКИХ
ОККУПАНТОВ**

Французский патруль останавливает поезд, идущий из Эссена

Таможенный контроль французов в Рурской области

понравилось вождям с.-д. и независимцам. Они попытались внести разложение в наши ряды, чтобы таким путем заставить нас драться. Силой взять нас они не могли, так как в военном отношении мы были чересчур сильны. Кроме того мы были спаяны железной дисциплиной, и на нашей стороне были симпатии всего населения.

У нас была хорошая связь с красной армией в Вестфалии и Баварии, где революционные рабочие также начали организовывать вооруженные отряды; таким образом наши надежды на ведение борьбы до овладения властью были вполне обоснованы. Но и на этот раз нам не удалось добиться победы.

После того, как Капп—Лютвиц были разбиты и обращены в бегство, социал-демократия стала бить отбой. Всеобщая стачка была сломлена, правительство вернулось в Берлин. Рабочим, еще продолжавшим борьбу, было предложено сдать оружие тем самым реакционерам, с которыми в отдельных частях страны еще шли горячие бои. Правительство во главе с Шейдеманом, Эбертом и Носке поручило таким же монархическим генералам, как те, от которых оно бежало в Штутгарт, усмирить продолжавших борьбу рабочих.

Социал-демократ Зеверинг провел в жизнь билефельдское соглашение¹. К сожалению рабочие позволили надуть себя и поверили обещаниям этого предателя. Тем ужаснее было пробуждение.

Генералу Ваттеру, которого только что вышвырнули из Рура, было поручено провести там же разоружение красных отрядов, а генерал Гассе был направлен с таким же поручением в Тюрингию. Социал-демократы и профбюрократы, стремясь подавить борьбу, выпускали воззвания к своим членам с призывами о сдаче оружия и вполне сознательно разрушали единый фронт трудящихся. Партийное руководство независимых ровным счетом ничего не делало для того, чтобы продолжать борьбу, и предпочло тихо и мирно удрать в Южную Германию. После того, как единый фронт был разрушен, мы не могли уже продолжать борьбу и медленно, с боями, вернулись в леса Тюрингии.

Черный рейхсвер и студенческие отряды заняли очищенные нами места. Ужасна была их месть. В одной только деревушке Толь были зверски убиты 15 рабочих, и белые звери справляли настоящие оргии. Я

¹ См. об этом статью Р. Левина «Лицо социал-фашиста» в № 5 нашего журнала за 1932 г.

едва спасся от этих бандитов, моя жена и дети были страшно избиты, вся моя квартира разгромлена. Мы отступили в леса. Белые не осмеливались сунуться туда, и таким образом мы получили небольшую передышку. Обсудив подробно создавшееся положение, мы решили распустить остатки войск, а оружие хорошенько спрятать, так как не было никаких надежд на успех дальнейшей борьбы.

С горечью разошлись товарищи по деревням. Там им пришлось удостовериться в том, что почти все мужское население было либо в тюрьме, либо в концентрационных лагерях. Были учреждены чрезвычайные суды. На всех, кто возвращался домой, особенно на вожаков, продолжалась еще охота, но без большого успеха. Я не мог переступить порог своего жилища, потому что эти убийцы из-за угла особенно охотились за мной, так как я руководил военными действиями. Благодаря измене одного социал-демократического функционера им удалось все-таки поймать меня, и чрезвычайный суд приговорил меня к 7 годам каторжных работ. Благодаря политической амнистии я был через год освобожден.

По возвращении из тюрьмы я увидел, что в политическом положении произошли изменения. Вся местная группа независимых вступила в объединенную коммунистическую партию, основанную на партийтаге в Галле. Меня встретили очень радостно, и снова я втянулся в работу.

На заводе почти ничего не изменилось. Большая часть рабочих примыкала к объединенной компартии Германии, я стоял на такой же позиции и потому сразу мог приступить к работе. Я вновь усердно взялся за организацию военных отрядов, так как в Средней Германии снова засверкали зарницы, и мы надеялись, что сможем наконец отточить свой меч под руководством объединенной коммунистической партии.

Через посредство фабзавкома вагоностроительного завода в Аммендорфе мы установили постоянную связь с товарищами в Средней Германии и обещали им выступить в случае, если разразится борьба, так как мы были хорошо вооружены. Для нас не было никакого сомнения в том, что если в Средней Германии развернется движение, молодая коммунистическая партия быстро придаст ему общегерманский характер. Мы организовали значительные транспорты оружия и сделали все приготовления для того, чтобы в случае нужды двинуть также вооруженные отряды. На

одном из заседаний местного комитета присутствовал представитель ЦК и заявил нас, что в случае блокады Средней Германии будет объявлена всеобщая забастовка со всеми вытекающими отсюда последствиями.

События развивались своим путем: в Галле, Леуна, Эйслебене уже шли кровавые стычки. Однако о лозунге всеобщей забастовки пока никто еще не заикался. 20 марта до нас дошло воззвание о помощи из Аммендорфа, и местный комитет постановил послать на помощь отряд в 300 чел. На меня возложили организацию и руководство этим делом. На следующий же день была уже отправлена часть грузовиков, разумеется хорошо законспирированных. У Эйслебена мы уже приняли участие в происходивших там боях и попытались по прибытии остальных товарищей обратиться в Аммендорф. В различных пунктах области, охваченной восстанием, мы боролись плечо к плечу со среднегерманскими товарищами, не теряя ни на минуту надежды, что рабочие поднимутся во всей стране. Но снова нас ожидало разочарование.

Уже целых 10 дней мы находились в состоянии открытой войны, но никакого движения воды не чувствовалось в стране. Мы увидели, что стоим на забытом посту. Возмущенные, мы дрались из последних сил, пока наконец 3 апреля не пришло распоряжение об отступлении. В подавленном состоянии мы оставили поле сражения и вернулись домой. Мы не понесли чувствительных потерь людьми, но зато вынуждены были оставить значительное количество оружия и два грузовика. Горше всего было сознание, что и на этот раз мы зря потратили силы. Мы не могли понять, как это наше руководство могло вызвать движение, которое, как оно должно было предвидеть, не сможет привести к необходимым результатам.

Несмотря на все удары, мы продолжали идти прямо своим путем, не теряя веры в конечную победу своего класса. Полные веры, что день освобождения неизбежно наступит, продолжали мы борьбу за дело Маркса и Ленина.

Успех среднегерманских магнатов индустрии не дал спокойно спать и предпринимателям Тюрингии, тем более, что на крупных предприятиях мы все еще крепко держали власть в своих руках. Организационное положение было очень благоприятно для нас: местное правление союза металлистов было почти целиком в руках комму-

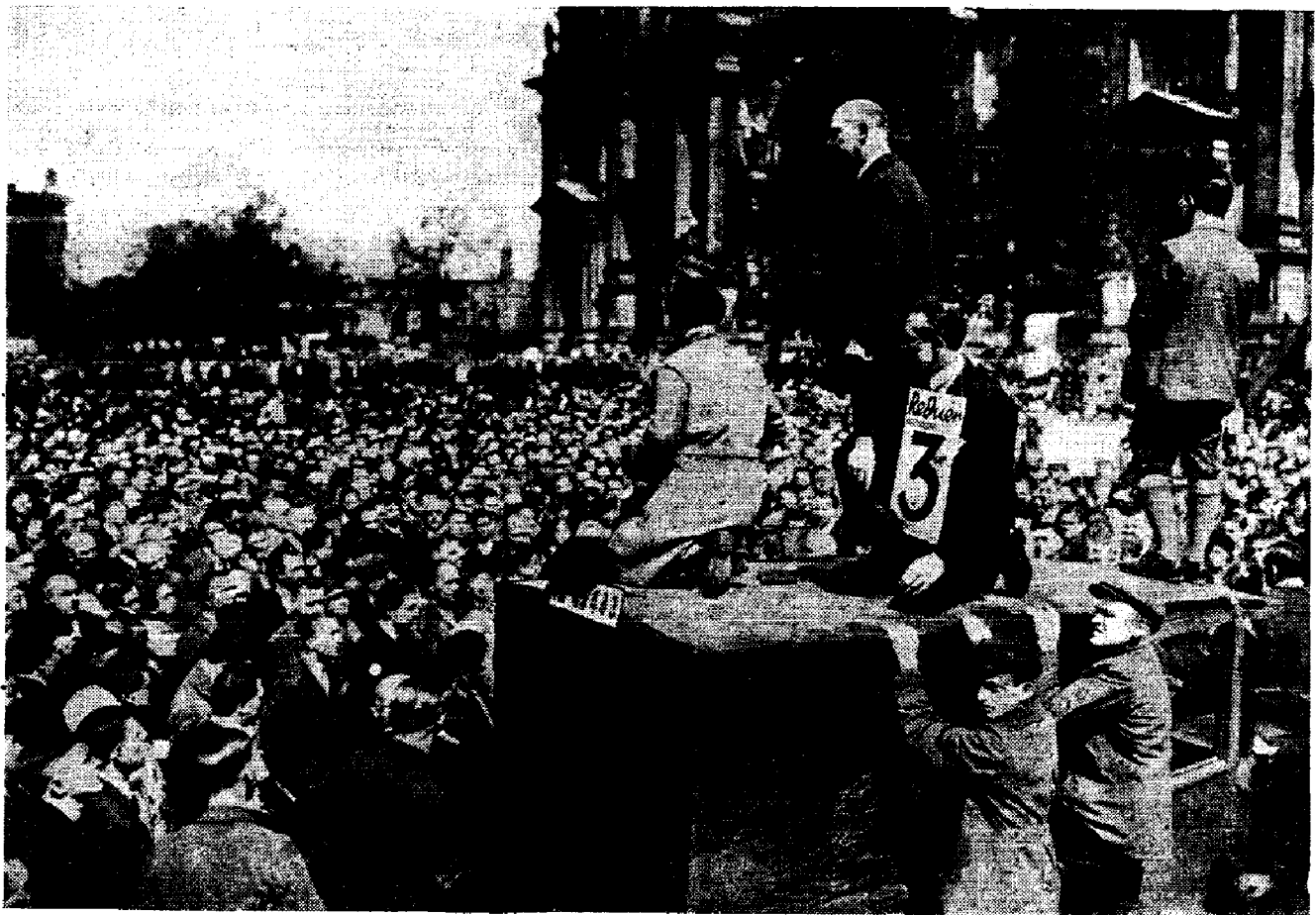
нистов к большому огорчению профсоюзных бюрократов. Таким образом задача для предпринимателей была нелегкая, но они все же отважились перейти в наступление, так как знали, что в борьбе с коммунистами они всегда будут иметь на своей стороне профбюрократов.

Ввиду своеобразных условий производства вагонов и локомотивов мы объединили фабзавкомы во всегерманском масштабе, образовав крепкую группу внутри профсоюза металлистов, и поставили своих товарищей в различные предприятия специально для ведения нашей работы. Под именем Центрального совета фабзавкомов локомотиво- и вагоностроительных заводов, как мы назывались, скрывалось нечто большее, чем свободный союз фабзавкомов по образу и подобию профсоюзов. Мы стали издавать для своих товарищей специальную газету; в ней ставились не только вопросы заработной платы, положения труда, которое сильно разнилось на различных предприятиях, но и вопросы цен на готовые фабрикаты, распределения огромных прибылей и т. п. Каждый служащий и рабочий, независимо от того, к какому союзу или партии он принадлежал, должен был вносить одну марку в неделю на создание фонда борьбы. Этот взнос был проведен в обязательном порядке, и никто не осмеливался уклониться от платежа его.

Центральный комитет союза металлистов видел в этом Центральном совете угрозу для существования союза, так как и другие предприятия требовали такой же организации и для себя. Поэтому он делал постоянные попытки добиться от нас закрытия газеты, прекращения сборов в фонд борьбы и передачи представительства во всегерманском совете ЦК металлистов, так как не годится-де создавать особые группы в рамках единой профорганизации. Когда все эти разговоры ни к чему не привели, нам стали предлагать посты: места секретарей, уполномоченных и тому подобные хорошо оплачиваемые места. Но и это ни к чему не привело, так как руководство было неподкупно. Лишь после того, как им удалось искусными маневрами добиться перевыборов в Центральном совете некоторых стойких товарищей, они добились большинства за роспуск совета фабзавкомов и передачу дальнейшего руководства фабзавкомами союзу металлистов. Профбюрократы и не думали о том, чтобы закрепить завоеванные нами позиции в различных общественных

*...„Выбирайте Тельмана!“ Предвыборные митинги
германской коммунистической партии*

организациях. Газета прекратила свое существование, а фонд борьбы перекочевал в кассу профсоюза. Так пала еще одна твердыня для борьбы против произвола предпринимателей. Этого только они и ждали.

Ободренные действиями Центрального комитета профсоюза металлистов, магнаты металлопромышленности заявили о пересмотре тарифа заработной платы во всей металлообрабатывающей промышленности Тюрингии, в том числе и на предприятиях, производящих товарные вагоны, с целью снижения зарплаты и ухудшения условий труда. Мы выставили встречные требования. Несмотря на все ухищрения профбюрократов, переговоры шли безуспешно для предпринимателей, так как мы не только решительно защищали наши старые завоевания, но и поставили себе целью добиться во что бы то ни стало проведения новых требований. Когда предприниматели стали снижать заработную плату по предприятиям, мы объявили забастовку. Скрепя сердце, вынужден был ЦК металлистов санкционировать эту забастовку. Борьба велась с большим ожесточением с обеих сторон. Каждую минуту можно было ожидать столкновений; предприятия были заняты солдатами и полицией, войска и полиция были наготове; уже вмешалось министерство труда и назначило третейский суд, все шло, как по нотам. Не запросив бастующих рабочих, профсоюзная бюрократия в Штутгарте заявила о своем согласии подчиниться решению третейского суда. Политика прагматического мира, которую с.д. проводили с 1914 г. до 1918 г., нашла здесь блестящее продолжение. После 14 недель упорной борьбы забастовка кончилась полным поражением рабочих благодаря единому фронту всегерманского союза металлистов и союза металлопромышленников Тюрингии. Предприниматели полностью добились своей цели. Наиболее активные борцы оказались на улице. Борьба не могла продолжаться, так как рабочие принесли уже огромные жертвы, фонд борьбы проглотил ЦК металлистов, а международной рабочей помощи тогда еще не существовало, профсоюзы же заявили, что больше не будут выдавать пособий, чтобы заставить таким путем рабочих принять условия предпринимателей. С болью и возмущением вернулись рабочие на завод. Ответом на поведение профбюрократии явился массовый выход рабочих из профсоюзов. Даже наши товарищи поддались упа-

дочническому настроению. Они не замечали того, что это только наруку третьему радующемуся—предпринимателю— и что на этом пути грозит опасность отрыва от массы.

Среди уволенных за забастовку был почти весь фабзавком вагоностроительного завода, в том числе и я. Вскоре я убедился, что это увольнение не выдерживает никакого сравнения с увольнениями за забастовки прежних лет. Всюду, куда бы я ни обращался за работой, я встречал отказ. Так было и со многими другими товарищами. Наконец в Магдебурге я узнал, что я попал в черные списки. Фирма Вольф, куда я должен был поступить в качестве монтера для монтажных работ по иностранным заказам, сообщила мне, что, согласно указаниям союза германских металлопромышленников, моей особе не должно быть предоставлено работы. Теперь я понял наконец, в чем дело, и уж больше не терял времени на то, чтобы подыскать работу на каком-нибудь металлообрабатывающем предприятии, а старался содержать семью на случайный заработок.

Благодаря поражению забастовки мы утратили в значительной мере влияние. Были разбиты также и наши отряды самообороны. Чтобы снова собрать товарищей, наш окружной комитет решил перенести центр тяжести своей работы по месту жительства рабочих, т. е. в деревни, так как таким путем легче можно было бы обрабатывать фабрично-заводских рабочих. Рабочие приходили массами к нам, так как они на собственной шкуре испытали всю тяжесть предательства профсоюзной бюрократии и поняли, что мы, коммунисты, указываем настоящую дорогу. Инфляция довершила остальное. Таким путем мы без труда создали на местах действительно активные группы, а через них постепенно стали проникать на предприятия. Безработных, у нас тогда не было, так как все предприятия работали с большой нагрузкой, и даже рабочие, делавшие игрушки для предприятия на дому, задыхались от работы. Тем не менее все товарищи были очень активны. В парламентах мы тоже развернули хорошую работу. Чувствуя наше растущее влияние в Саксонии и Тюрингии, социал-демократы заявили, что они готовы взять вместе с нами власть; как мы увидим дальше, это был ловкий предательский маневр.

Лихорадочно готовились мы к решительному выступлению. Государственная полиция была соответствующим образом

реорганизована. В каждой деревне было образовано особое гражданское ополчение, в которое могли входить лишь рабочие—члены профсоюзов. В городах полиция была усилена милицией из членов профсоюзов, снабженных оружием. С восторгом приветствовало все трудовое население наши приготовления, и каждый верил, что пробил наконец час освобождения пролетариата.

В октябре 1923 г. парламентская подготовка достигла наивысшего предела благодаря принятию правительственных дел социал-демократами и коммунистами, и можно было приступить к открытым внепарламентским действиям.

Всеобщая политическая забастовка была хорошо подготовлена. Мы уже перешли даже к созданию более крупных боевых единиц из мелких отрядов рабочей гвардии, так как для нас было совершенно ясно, что последнее слово будет принадлежать хорошо вооруженной, боеспособной красной армии. Все шло, как по маслу. Мы ждали лишь сигнала со стороны нашего партийного руководства, ибо все приготовления делались с согласия и под контролем ЦК. Мы были разумеется убеждены, что и во всегерманском масштабе предпринимались мероприятия, если не совсем такие же, как у нас, то во всяком случае подобные нашим, ибо совершенно очевидно было, что борьба не сможет ограничиться рамками Тюрингии или Саксонии. Мы были тем более убеждены в этом, потому что на различных закрытых заседаниях делались совершенно определенные указания на этот счет, и у нас сложилось убеждение, что каждую минуту можно ожидать выступления.

Однако партийное руководство, в котором сидели правые (пыне исключенные из Коминтерна)—Брандлер и Тальгеймер, вместо установки на революционную борьбу масс, встававших под знамена компартии, взяло «установку» на «левых» социал-демократов, считая их представителями рабочего класса.

Правооппортунистическое руководство не готовило, не организовывало всенародного пролетарского восстания. Сигнала к выступлению не было дано, а правительство и социал-демократия приступили к разоружению революционных рабочих, рейхсвер маршировал в Тюрингию. Мы принесли в жертву все, наш аппарат работал образцово в подполье, пролетарии отдали последние свои гроши, и теперь они должны были убедиться, что весь их труд

и все жертвы были напрасны. Как скотину, сгоняли сотнями наших лучших товарищей на плац, а масса должна была смотреть на это, сложа руки, так как ЦК объявил нарушением дисциплины всякую попытку сопротивления. Рабочие не могли понять, почему мы не выступаем с оружием в руках. Не подлежало никакому сомнению, что мы легко справились бы с правительственными войсками. Нам удалось уже внести разложение в их ряды, а частично даже завербовать их на нашу сторону, так как солдаты получали бумажки, которые миллиардами выбрасывал печатный станок, в то время как офицеры и черный рейхсвер швырялись направо и налево долларами. Эти рабочие в солдатских мундирах понимали нас и разделяли с нами возмущение против существующего строя. Поведение руководства вызвало сильнейшее возмущение масс, и нам стоило невероятных усилий добиться участия рабочих в последовавших вскоре затем выборах.

Результатом всего этого явились приговоры к многолетнему тюремному заключению и каторжным работам для многих товарищей, в том числе и для меня, и потеря голосов на выборах. Те, кто голосовал прежде за коммунистов, не перешли к противнику; они выразили свой протест неучастием в голосовании. Понадобилось много времени и трудов на то, чтобы снова привлечь к активной политической жизни этих классовых борцов. Если Гитлеру с его ордой удалось обосноваться в Тюрингии, то можно с полной уверенностью огнестрельно это прежде всего за счет поражения 1923 г. и той помощи, которую оказала Гитлеру и всем его бандам социал-демократия, сделавшая все, чтобы добиться поражения рабочего класса, чтобы укрепить вместе с Гитлером господство буржуазии. Честные пролетарии, правда, не пошли за ним, но многие и из них недооценили фашистской опасности. Но они быстро поняли свою ошибку, и в настоящее время именно тюрингенские пролетарии являются наиболее активными борцами, и в грядущих боях эти старые, испытанные революционеры снова будут в первых рядах.

МЫ ЕЩЕ БУДЕМ ДРАТЬСЯ!

Я был освобожден до истечения срока наказания по амнистии и снова должен был начать борьбу за существование. Организм жены не выдержал побоев белых бандитов и длительных лишений, вызван-

ных безработицей и тюрьмой, и она умерла. Моими детьми занялась молодая товарка. Напрасно искал я работы. Если мне и удавалось устроиться на короткое время где-нибудь на работу, то это случалось лишь там, где меня никто не знал. Когда же становилось известно мое настоящее имя, прости-прощай, работа! Даже самый мелкий предприниматель отказывался брать меня к себе: я принадлежал к числу наиболее ненавистных для предпринимателей Тюрингии и Средней Германии лиц; точно так же и в Прирейнской Вестфалии я не мог рассчитывать на работу.

В 1925 г. я отправился в Берлин в надежде остаться незамеченным в этом огромном городе, но и здесь мне приходилось работать лишь на мелких и средних предприятиях. Крупные предприятия, несмотря на рекомендации видных инженеров, знавших меня смолodu, отклоняли мои услуги. Я мог бы получить работу лишь в том случае, если бы изменил своему классу, но на это я конечно никогда не пойду. Лучше умереть голодной смертью, чем стать подлецом.

В Берлине я отдался преимущественно профсоюзной работе, так как я всегда ею

особенно интересовался. В качестве функционера союза металлистов я пережил в Берлине несколько крупных забастовок, но эти забастовки сильно отличались от тех, в которых я участвовал в провинции. Если в руководстве союза металлистов так мало коммунистов, то причина этого кроется в плохой фракционной работе в профсоюзах, и пора уже, чтобы берлинские товарищи вспомнили о своих обязанностях и положили конец этому нетерпимому положению.

Помимо работы в профдвижении меня потянуло еще в Союз красных фронтовиков, так как вопросы военные и военно-политические горячо интересовали меня еще в Тюрингии. Состав этой организации был таков, что действительно можно было говорить о внепартийной организации. Только очень небольшая часть членов ее входила в компартию, подавляющее же большинство было беспартийным, и здесь лежало огромное поле для политико-воспитательной работы. Если в первые годы своего существования Союз красных фронтовиков носил больше демонстративный характер, то вскоре благодаря деятельности партийных товарищей он принял дру-

ПРАВИТЕЛЬСТВО И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ПРИСТУПИЛИ К РАЗОРУЖЕНИЮ РЕВОЛЮЦИОННЫХ РАБОЧИХ...

Noch ist Deutschland nicht verloren!

Die Sozialisierung marschiert!

Nach der Erklärung der Reichsregierung.

Größer als die politische Gefahr ist die wirtschaftliche Notlage unseres Landes.

Es lautet daher das erste Gebot: An die Arbeit! Nur sie kann uns retten. Jeder Streik bringt uns dem Untergang näher.

Wie in allen Verhandlungen mit den Vertretern der Arbeiter erklären wir heute, dass wir die politische ist uns die wirtschaftliche Demokratie. Nur sie vermag uns zu retten und die Werte zu erhalten, die den völligen Untergang abwenden können. Wir wollen die wirtschaftliche Demokratie zu schaffen, nämlich:

СОЦИАЛИЗМ МАРШИРУЕТ... ГЕРМАНИЯ НЕ ПОГИБЛА!

гое направление. Школы партийного просвещения оказались в короткий срок переполненными, и радостно было наблюдать, как товарищи красные фронтовики жадно стараются овладеть еще недостающим им духовным оружием для ведения классовой борьбы. Много хороших работников перешло эта организация партии. О том, какое хорошее зерно заложено в этой организации, лучше всего говорит тот факт, что даже после запрещения ее значительная часть членов продолжала оставаться в ее рядах в виде очень активных групп. В

борьбе против фашистского террора, который принимает все более острые формы, загнанный в подполье Союз красных фронтовиков выступает серьезной силой. и там, где выступают фронтовики, фашистская нечисть немедленно очищает улицы.

За последние годы многое изменилось к лучшему и в работе партийных ячеек, и наша фракционная работа в социал-демократических профсоюзах усилилась благодаря вовлечению в массовую работу всех оппозиционно настроенных профсоюзников. Германская компартия, ведущая мас-

„Мы хотим знать правду о Советском союзе“ — лозунг демонстрации безработных в Берлине

совая партия сознательного пролетариата, сумела своей целеустремленной политикой завоевать доверие широких слоев населения, и партийные товарищи многое делают для того, чтобы своей усиленной работой привлечь на сторону партии всех без исключения пролетариев.

В сентябре прошлого года мне было пред'явлено обвинение в государственной измене, и я был заключен в дом предварительного заключения. Мне было пред'явлено обвинение в руководстве деятельностью запрещенного Союза красных фронтовиков. Кроме того я якобы делал доклады о применении удушливых газов при вооруженном восстании и в уличной борьбе. Верховный суд видит во мне очень опасного человека и хочет во что бы то ни стало обезвредить меня. Меня продержали свыше 6 месяцев, несмотря на то, что я очень тяжело заболел. Всего несколько недель тому назад меня выпустили из тюрьмы, так как жизнь моя была в опасности, но меня поставили под надзор полиции. Каждую неделю я должен являться в полицию, так как высшее начальство опасается, как бы я не исчез, а это было бы очень скверно, так как сорвало бы процесс. Принимая во внимание последний состав пра-

вительства и личные убеждения судей, следует ожидать жестокого приговора; об этом ясно говорят последние приговоры над коммунистами.

25 лет нахожусь я в рядах рабочего движения. Позади—жизнь, полная борьбы и лишений. С гордостью могу я сказать, что я выполнил свой долг по отношению к своему классу и отдал ему все свои силы. Рядом со мною боролась жена моя и дети. Жена была в течение многих лет активным членом компартии и МОПР, оба взрослых сына стоят в первых рядах коммунистического союза молодежи и Красного спортинтерна. А мой семилетний Ленин с гордостью носит знамя революции и уже является активным функционером детского движения. С радостью смотрю я, как мои дети вырастают в дерзких, классово-сознательных борцов, готовых отдать все свои силы за дело пролетарской революции.

Через несколько недель откроются передо мною ворота тюрьмы, чтобы на годы захлопнуться снова за мною, если только германские рабочие не совершат того, что необходимо им для их собственного освобождения и что ждут от них рабочие

Первомайская демонстрация в Берлине, организованная компартией в 1931 г.

СССР и всего мира. Еще медленно доходит до сознания значительной части этих обманутых масс, что пора уже наконец докончить с политикой соглашательства социал-демократических банд, что только соединенными усилиями всего рабочего класса под руководством большевистской партии, только революционным путем можно выйти из хозяйственного кризиса. Они должны вспомнить о великой исторической миссии, возложенной на них, и осознать, что единый красный фронт под руководством КПГ должен быть выкован, чтобы не допустить интервенции в СССР—отечестве всех трудящихся, чтобы положить конец фашистскому террору,

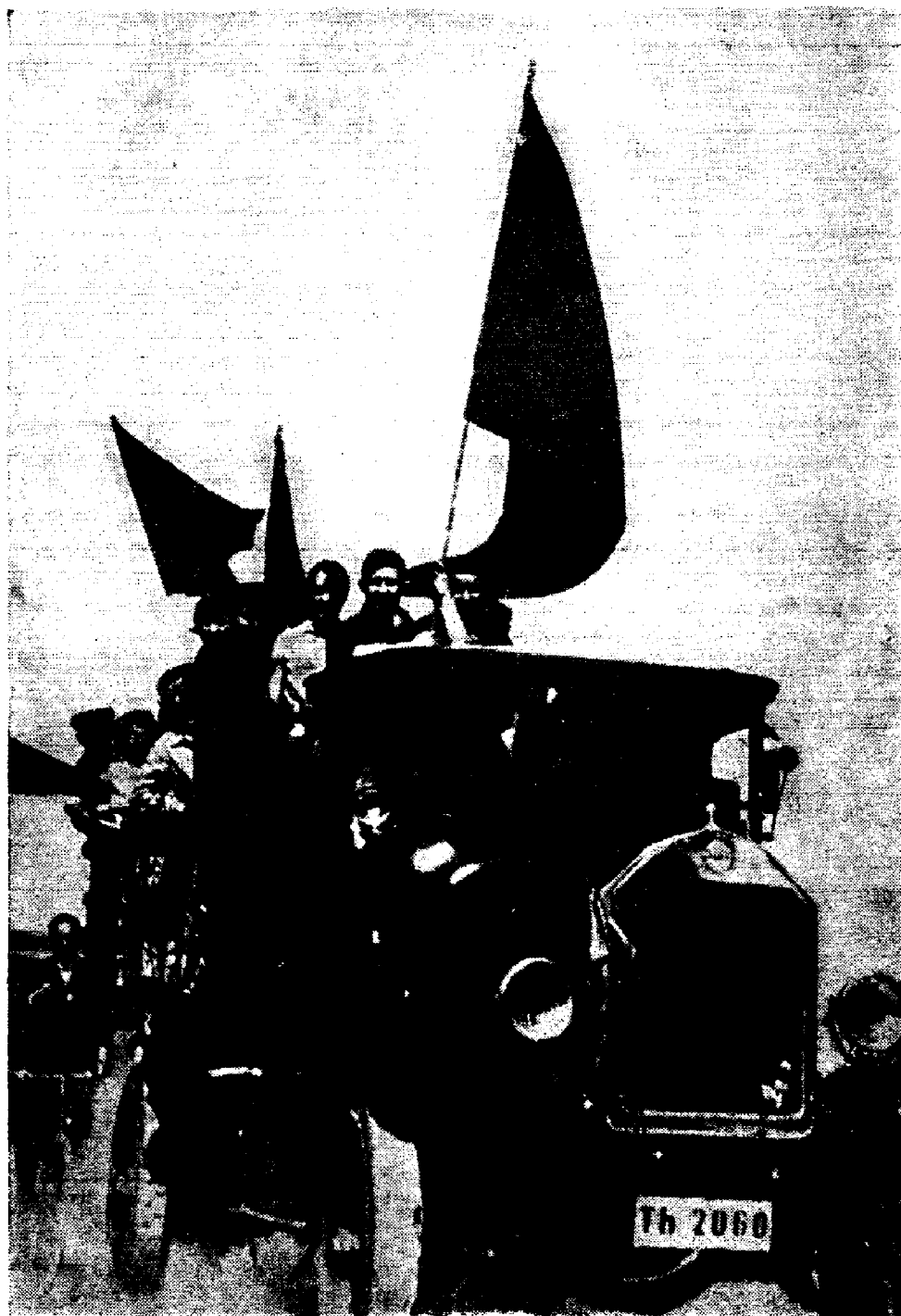
чтобы разрушить всю капиталистическую систему и на ее место воздвигнуть социализм.

Лишения и буржуазная классовая юстиция надорвали мои физические силы, но веры в мой класс у меня никто не отнимет. Ход вещей за последние месяцы еще сильнее укрепляет меня в уверенности, что недалек уже день, когда будет установлена диктатура пролетариата, и меня наполняет гордая радость, что я со своими слабыми силами внес свою лепту.

Изо дня в день растет красный фронт. Рабочие стоят уже широким единым фронтом самозащиты против фашизма, и наша задача как коммунистов—углубить и рас-

ширить эту борьбу. На всех фабриках, заводах и в рудниках, во всех жилищных коллективах нужно вести агитацию и вербовку в комитеты единого фронта для борьбы с фашизмом, для борьбы за социализм.

Стрелка часов показывает без пяти минут двенадцать. Нельзя терять ни минуты. Нужно взять штурмом последний бастион разваливающегося капитализма—фашизм, если рабочий класс не хочет погрязнуть на десятилетия в рабстве.

Да здравствует свободная Германия рабочих и крестьян!
Да здравствует наша советская Германия!

из истории

БОРЬБЫ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА ДВА ФРОНТА

**В
германской
социал-демократической
партии
1881—1883 гг.**

ОКОНЧАНИЕ. СМ. № 6 „БОРЬБЫ КЛАССОВ“

Энгельс в мае 1883 г. поместил статью под заглавием «К смерти К. Маркса». Эта статья написана была им в связи с получением письма от Ван-Паттена из Нью-Йорка. Паттен сообщал, что на собрании, посвященном смерти Маркса, последователи Моста и он сам выступали с утверждением о том, что Маркс был якобы согласен с тактикой Моста.

Энгельс, считая подобное утверждение абсурдным, указывает также, что сейчас различного рода антимарксистские течения пытаются использовать смерть Маркса для того, чтобы своими ложными утверждениями о мнимом согласии Маркса с их тактикой выдавать таким образом свою тактику за марксистскую.

Энгельс, помещая статью в «СД», указывает, что Маркс и он еще со времени 1845 г. считали, что конечной целью и следствием успешной будущей пролетарской революции будет уничтожение, отмирание государственной власти. Но пролетариат должен завоевать государственную власть в целях подавления сопротивляющегося классового врага. А анархисты, указывает Энгельс, ставят дело на-голову. Они заявляют, что пролетарская революция должна начаться с того, что она уничтожит вообще всякую политическую организацию.

Энгельс, вскрывая анархическую тактику Моста, указывал в той же статье, что если кто-либо сейчас утверждает, что Мост, будучи анархистом, состоял в каких-либо

отношениях с Марксом или получал какую-либо помощь от Маркса, то этот человек либо умышленно лжет, либо сам стал жертвой обмана.

Эта статья была ударом по тем анархистам, которые пытались еще в то время навязать свою тактику германскому пролетариату.

Недаром Ленин в 1911 г. писал: «Во время исключительного закона против социалистов Зингер вместе с Энгельсом, Либкнехтом и Бебелем боролся на два фронта: и против «молодых» полуанархистов, отрицавших парламентскую борьбу, и против умеренных «легалистов» во что бы то ни стало» (т. XV, стр. 113).

Подобного рода борьбу НА ДВА ФРОНТА Энгельс проводил вместе с Марксом все время.

Энгельс, ведя борьбу против правых и «левых» оппортунистов, все время, как мы видели, ориентирует партию на завоевание власти пролетариатом, на борьбу за диктатуру пролетариата. Как он представляет себе эту борьбу для Германии?

Энгельс считал, что первый этап — начало революции в Германии — принесет и должен принести так называемую буржуазную республику. В письме к Бернштейну от 27 августа 1883 г. Энгельс прямо указывает «СД» на то, что германский пролетариат, прежде чем сможет завоевать себе непосредственное политическое господство, должен иметь в виду

борьбу за республику. Энгельс указывает на Францию как на страну, имеющую для пролетариата «то преимущество, что она обладает той формой, в которой должна окончиться эта борьба (борьба пролетариата с буржуазией.—А. Л.) и которую надо еще завоевать». «Они (французы),—указывает Энгельс,—политически на целый этап опередили нас... существование республики, наоборот, обозначает сильное обострение прямой, неприкрытой классовой борьбы пролетариата и буржуазии вплоть до кризиса (подчеркнуто мною.—А. Л.). У нас (в Германии.—А. Л.) первым непосредственным результатом революции по форме точно так же может и должно быть не что иное, как буржуазная республика»¹.

Ориентируясь на революционную силу пролетариата, учитывая бессилие либерализма, Энгельс считает, что «здесь это (буржуазная республика) будет только короткий переходный момент, так как мы к счастью не имеем чистой республиканской буржуазии. Буржуазная республика с прогрессивной партией во главе сперва послужит нам, чтобы завоевать большие массы рабочих для революционного социализма. Это будет проделано в год или два и поведет к разрушению и самоуничтожению всех, кроме нас, еще возможных промежуточных партий, и только тогда мы можем взяться с успехом за дело». «Большая ошибка немцев,—продолжает Энгельс,—заключается в том, что они представляют себе революцию как нечто такое, что может быть закончено за ночь.

На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс развития масс с ускоренным темпом движения»².

Энгельс таким образом прекрасно понимал, что совершить непосредственно, сразу же пролетарскую революцию невозможно без известной стадии организации масс. Для завоевания рабочих масс необходимо, чтобы «те из официальных партий, которые еще остались, последовательно передрались друг с другом и спихнули одна другую со сцены: только тогда происходит великое размежевание народа и вместе с тем становится возможным утверждение нашей власти. Если бы мы захотели начать революцию с конца, то нам не поздоровилось бы».

¹ «Архив», т. I, стр. 349.

² Энгельс, Политическое завещание, стр. 7.

Какую роль отводит Энгельс либеральной буржуазии в деле свержения монархического строя в Германии? Верно ли, что Энгельс в это время, как говорит Каутский, «переоценил в обоих случаях (1847 и 1883 гг.) революционную, оппозиционную силу буржуазии»?

«Кто должен начать и проводить первый этап революции?»—ставил вопрос Энгельс. Энгельс считал буржуазию неспособной не только довести революцию до конца, но и хотя сколько-нибудь «прилично» начать ее.

«Только бы вновь жизни в политической давочке, больше нам ничего не надо»—писал Энгельс Беккеру.—«Но паршивая буржуазия опустилась совсем низко, и то, что она должна добровольно делать как класс в своих собственных интересах, делает только под давлением навязанных ей практических обстоятельств».

Внешним толчком для брожения среди широких народных масс может, по Энгельсу, послужить революция в России или война с Россией. Эта мысль десятки раз повторялась Энгельсом.

Энгельс разоблачает сущность так называемой чистой демократии, той демократии, под флагом которой социал-фашисты сейчас расстреливают революционных рабочих. Энгельс видит в чистой демократии последний временный якорь спасения для буржуазии: «Что касается чистой демократии и ее роли в будущем, то я того мнения, что она играет в Германии гораздо более второстепенную роль, чем в странах более старого промышленного развития. Но это не помешает тому, что в момент революции она как крайняя буржуазная партия сможет приобрести на некоторое время значение последнего якоря спасения для всего буржуазного и даже феодального хозяйства. Так было во всех революциях: самая смиренная партия, способная еще взять управление в свои руки, становится у государственного руля, но только потому, что побежденные видят в этом последнюю надежду на спасение».

Энгельс считался с тем, что в момент кризиса монархии, старого порядка, буржуазия неизбежно зашевелится и будет действовать в своих интересах, но Энгельс однако делал ставку на то, что начнет революцию и поведет ее пролетариат, который сумеет при известном соотношении сил добиться победы. Энгельс писал:

При нынешнем соотношении военных сил мы не выступим, пока вооруженная сила против нас. Мы можем подождать.

пока вооруженная сила сама перестанет быть силой против нас.

Всякая революция, которую мы начали бы раньше, даже победоносная, привела бы к господству не нас, а наиболее радикальную или мелочную партию».

Энгельс ошибся в сроках революции, но он абсолютно правильно указал на роль либеральной буржуазии, на роль крайней буржуазной партии, которой является сейчас социал-демократия как последний оплот старого строя, на который опирается реакционная буржуазия.

✕ Таким образом мы видим, как Энгельс ориентировал партию на пролетарскую революцию. Он все время указывает партии на то, что победа пролетариата связана с завоеванием большинства рабочего класса и с восстанием, так как «если дело доходит до дискуссии о том, при каких обстоятельствах партия имеет право на такое (вооруженное) сопротивление, то спор уже выигран, тут уже не о чем говорить»³.

Учет Энгельсом всех основных фактов в развитии партии дает ему возможность в феврале 1883 г. подвести итоги ее развития. Энгельс в письме к Бернштейну писал: «В первом испуге после покушений и после издания закона против социалистов среди вождей распространился страх, который доказывал, что они сами слишком долго жили среди филистеров и находились под давлением филистерских взглядов. Тогда партия должна была если не совсем стать филистерской, то по крайней мере казаться такой. Это мы теперь уже благополучно преодолели, но в партии остались... филистерские элементы... за ними надо зорко следить»⁴.

Характеристика Энгельса покоилась несомненно на прекрасном знании дел в партии и на том благоприятном факте, что революционное крыло шло в этот период в общем в ногу с непримиримой позицией Энгельса в борьбе за социализм против существующего строя и филистеров в партии, при вере в революцию, в борьбе за марксизм.

Оценивая итоги развития партии в благоприятном отношении как партии, вставшей на позицию классовой борьбы, Энгельс однако считал наряду с этим, что партии необходимо проделать еще большую работу для выполнения своих задач.

Когда в конце 1882 г. Бернштейн поставил вопрос о создании новой програм-

мы вместо Готской, Энгельс отклоняет предложение, считая его несвоевременным.

Энгельс, вполне сознавая, что «старая программа плоха, но о ней никто больше не говорит», оценивает положение таким образом, что в данной обстановке, на данном этапе успех принятия выдержанной марксистской программы еще не обеспечен целиком и полностью. Энгельс считал, что будет лучше, если руководство партии, в обход Готской программы, будет последовательно проводить марксистскую тактику на деле, на практике. Энгельс считает для себя и партии необходимым еще более мобилизоваться на борьбу с оппортунизмом, предупреждая руководство о возможности и необходимости раскола партии.

«Я уже давно писал Бебелю, — пишет Энгельс к Бернштейну, — что раскол с трусами правого крыла должен будет наконец наступить».

В свете задач борьбы с правой опасностью Энгельс выдвигает перед руководством партии задачу борьбы с лассальянской теорией как теоретической базой правой опасности, правого крыла в партии. Собираясь писать брошюру о «социализме» Бисмарка, Энгельс указывает в письме к Бернштейну на необходимость критики Лассаля. «Здесь, — пишет Энгельс, — еще более необходима ясность, чем в первой части, и если это даже раздражит некоторых, перешедших к нам лассалевских вождей, то тем лучше. Вторая часть для меня таким образом самая важная» — указывает он.

Под знаком этой задачи — необходимости дальнейшего проведения решительной борьбы против оппортунизма, особенно против правого крыла, против лассальянства как теоретической его базы — революционное крыло партии под руководством Энгельса вступает в новый этап своего развития. За этот период революционное крыло партии, в основном вставшее на позицию марксизма (когда «так сильна, свежа и непосредственна была у вожаков вера в революцию» — Ленин), начало отстаивать революционную тактику под прямым руководством Маркса — Энгельса, не имея ставки на проведение социализма парламентским путем, а борясь за революцию, борясь за нее на практике, в ходе классовой борьбы.

Подводя итоги, мы считаем необходимым ответить за некоторые из общих во-

³ Энгельс. Политическое завещание, стр. 13.

⁴ Архив, т. I, стр. 341.

просов истории германской социал-демократии того периода.

У ряда авторов, как например у Альтера, Бернштейна, имеется такая постановка вопроса: германская социал-демократия никогда, ни в одном своем этапе не была революционной марксистской партией, с самого момента зарождения она была партией скрытого, завуалированного централизма.

Так ли это? Нет, это не так. Это утверждение — троцкистское утверждение; оно абсолютно противоречит действительности; оно резко расходится с высказываниями Энгельса, Ленина, Сталина.

Архи-«левые» историки, наподобие Альтера, Бернштейна, неисторически рассматривают вопрос. Они повторяют собственно то, что делает ряд тоже архи-«левых» немецких историков (Брокшмидт, Брандис), утверждающих также, что германская социал-демократия всегда была мелкобуржуазной партией.

У подобного рода «историков» одним из основных аргументов в защиту того положения, что будто бы германская социал-демократия была всегда оппортунистической, мелкобуржуазной партией, является тот аргумент, что, дескать, поскольку партия никогда не признавала диктатуру пролетариата, то уже в силу этого она являлась оппортунистической. Известно, что в Эрфуртской программе 1891 г. отсутствовало положение о диктатуре пролетариата; мы находим там положение о завоевании политической власти. В комментариях к Эрфуртской программе Каутским, как известно, были уже сделаны обоснования того, что переход к социализму якобы может быть совершен мирным путем. Это было уже несомненно оппортунизмом. Но можно ли однако на основании этого делать вывод о том, что партия в тот период уже была и стала оппортунистической? Нет, это будет безусловно неверно. Почему? Да потому, что требование партии о завоевании политической власти, за которое партия боролась в период исключительного закона и определенный период после него, еще не означало того, что партия представляла себе завоевание власти парламентским путем. Наоборот, характерным для революционного крыла партии было именно то, что оно не мыслило себе еще тогда завоевания власти при помощи парламентского бюллетеня, а ориентировалось на революцию, которая приведет пролетариат к власти.

Ленин, рассматривая германскую со-

циал-демократию в свете исторического развития, считал, что на известном этапе и главным образом в период исключительного закона германская социал-демократия в лице ее руководителей Бебеля, Либкнехта была партией революционной, развивалась еще вперед, а не шла назад.

Ленин не ставил так вопрос, что Бебель, Либкнехт «родились» и были всегда законченными оппортунистами. Наоборот. Ленин видел в их историческом развитии определенные этапы, когда они, правда не до конца, делали большие, крупные ошибки и уступки оппортунистам, все же однако боролись за марксизм, были марксистами, хотя и непоследовательными.

Ленин недаром писал на смерть Бебеля: «Август Бебель, сам рабочий, выработал в себе ценою упорной борьбы социалистическое мировоззрение, отдал на служение целям социализма все свои богатые силы целиком без остатка, шел рука об руку в течение десятилетий с растущим и развивающимся немецким пролетариатом и сделался самым даровитым парламентарием Европы, самым талантливым организатором и тактиком, самым влиятельным вождем международной, враждебной реформизму и оппортунизму, социал-демократии» (т. XVI, стр. 545).

В другом месте Ленин писал: «Во время исключительного закона против социалистов Зингер вместе с Энгельсом, Либкнехтом и Бебелем боролся на два фронта: и против «молодых» полуанархистов, отрицающих парламентскую борьбу, и против умеренных «легалистов во что бы то ни стало» (т. XV, стр. 112).

Тов. Сталин, давая оценку германской социал-демократии, указывал: «В конце 90-х и начале 900-х годов, германская социал-демократия была революционной партией» (Сталин, «Еще раз о социал-демократическом уклоне», изд. 1927 г., стр. 24).

Можно ли после всего этого согласиться с установкой архи-«левых» авторов о том, что германская социал-демократия была на всем протяжении своей истории партией центра?

Партия в рассматриваемый нами период развивалась, ориентируясь еще на революционное уничтожение капитализма, надеясь на революцию, а не на реформу, или, как говорит Ленин, это был такой период в развитии партии, когда «так сильна, свежа и непосредственна была у вожаков вера в революцию».

Этой верой несомненно питалось революционное крыло в лице Бебеля, Либкнехта, и эта вера в революцию позволяла им вести в общем правильную революционную политику, позволяла по-революционному проводить работу в парламенте, позволяла проводить в общем правильную революционную практику. Но это было лишь в самые лучшие годы развития германской социал-демократии, которые пришлось главным образом на годы господства промышленного капитала, годы перехода к империализму.

Несомненно одно, что эта «вера в революцию» отражала тогда революционные стремления германского пролетариата; партия тогда еще не была оппортунистической.

Основным вопросом, разделявшим тогда социал-демократов на два крыла, был вопрос о том, как избавиться рабочий класс от капитализма: путем реформы или революции. И на этот основной вопрос революционное крыло партии в лице Бебеля—Либкнехта давало тогда революционный ответ; оно стояло за революцию, ждало ее, не доходя однако при этом до признания диктатуры пролетариата. Бебель и Либкнехт не представляли собой людей, последовательно, до конца вооруженных учением Маркса, а скорее представляли собой людей, выражающих стихийно-революционные чаяния и надежды рабочего класса.

Энгельс, Ленин и Сталин, указывая на революционный пролетарский характер партии в определенный этап ее развития, отнюдь не говорят тем самым, что революционное крыло, в лице Бебеля, Либкнехта, уже стало той марксистской партией, которая нужна пролетариату для его победы над капитализмом. Лишь именно общая установка революционного крыла на революцию, а не на реформу, но в то же время также и то обстоятельство, что оно все же не дошло до признания диктатуры пролетариата, дало возможность Ленину так гениально определить историческое место германской социал-демократии, когда он указывает, что «революционная немецкая социал-демократия ближе всего была к такой партии (подчеркнуто мною.— А. Л.), которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить» (т. XXV, стр. 181).

Маркс и Энгельс боролись за то, чтобы из германской социал-демократии создать такую партию, которая нужна пролетариа-

ту для того, чтобы он мог победить. В результате их борьбы за революционную марксистскую партию, их беспощадной борьбы с правым и «левым» оппортунизмом, в партии было создано революционное крыло, ориентировавшееся на пролетарскую революцию. Тактика Маркса и Энгельса, их борьбы, исторически полностью себя оправдала. В «период подготовки и собирания сил рабочего класса» (Ленин) основным условием подготовки пролетариата к решающим боям за власть была, как и всегда, борьба за партию, ставящей своей целью пролетарскую революцию, готовящую к ней рабочий класс, собирающей под свои знамена широкие массы угнетенных и эксплуатируемых.

Историки вроде Альтера, Бернштейна и др., разрешая по-иному вопрос о характере германской социал-демократии, смазывают вместе с тем всю историческую революционную деятельность Маркса и Энгельса, положивших столько труда на то, чтобы создать в тот период по своей основе пролетарскую партию.

Однако германская социал-демократия, как известно, не сумела стать такой партией, которая была бы способна возглавить и провести победоносную борьбу рабочего класса против капитализма, несмотря на то, что Маркс и Энгельс все время ее воспитывали в этом направлении, указывали, толкали ее на этот путь. Больше того. В развитии германской социал-демократии вскоре наступил другой период — период загнивания, заката.

Созданная по своей основе как пролетарская партия, германская с.-д. существовала в таком виде лишь до определенного периода. Руководство, несмотря на советы и требования Энгельса, не исключало оппортунистов из партии и делало им уступку за уступкой. Процесс развития германской социал-демократии в силу целого ряда причин привел к тому, что германская с.-д. в начале XX века стала типичной партией II интернационала, терпящей в своих рядах оппортунистов, партией все большего и большего соглашения с империализмом. Особенность наступившей новой эпохи, эпохи империализма, заключалась в том, что она, эта эпоха, в гораздо более острой и непосредственной форме выдвинула вопрос о диктатуре пролетариата, как той железной необходимости, за которую должна была драться партия пролетариата. «Пролетарская революция,— указывает т. Сталин,—стала вопросом непо-

средственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма» (подчеркнуто мною.—А. Л.).

Историческое развитие германской социал-демократии, укреплявшаяся в ней с течением времени все более и более победа оппортунизма, привели к тому, что когда нужно было сделать этот переход к новому этапу борьбы с непосредственной установкой на борьбу за диктатуру пролетариата, партия оказалась не только неспособной это сделать, а наоборот, перешла к прямой и завуалированной борьбе против диктатуры.

Бернштейн возглавил международный ревизионизм на исходе XIX века; Бебель и Либкнехт во время борьбы с Бернштейном еще защищали марксизм, правда непосредственно, сами совершая оппортунистические ошибки; можно сказать, что только позднее Бебель становится центристом.

Эти исторические этапы в развитии германской социал-демократии прекрасно видел Ленин; он указывал на то, что пролетариат в борьбе с капитализмом сумел создать в свое время пролетарскую в своей основе партию, революционное крыло которой в лице Бебеля, Либкнехта боролось за марксизм, но непосредственно, при постоянной борьбе Маркса и Энгельса с их ошибками.

Мы уже знаем из предыдущего, как много ошибок было сделано Бебелем, Либкнехтом, Бернштейном за одни только эти годы 1881—1883.

Бебель в эти годы доходил до антипарламентаризма, сделал величайшую уступку правому крылу в связи со статьей Фольмара об отмене исключительного закона, не проводил до конца решительно размежевку с правыми; Либкнехт вообще был повинен, как мы знаем, в примиренческом отношении к правым; именно благодаря ему проходят в парламент в это время еще такие лица, как правый Фирек, которого Энгельс предлагал не выставлять; Бернштейн, как мы видели, испугавшись трудностей борьбы с правыми, вообще хотел дезертировать из редакции и остался и проводил революционную линию газеты, лишь непосредственно и систематически подталкиваемый самим Энгельсом, который в это время Бернштейна буквально водит на помочах, обучая его все время тому, как надо проводить тактику партии,

вплоть до того, как, каким образом чадо писать.

В это время Марксу — Энгельсу пришлось исправлять Бернштейна, Каутского в ряде важнейших вопросов теории марксизма; Марксу и Энгельсу пришлось, используя их, пресекать всякие их попытки извратить марксистские основы.

Энгельсу пришлось основательно поработать над переводом работы Маркса, сделанным Бернштейном, устранив из него извращения.

«Я надеюсь,— писал Энгельс,— что вы не очень возмущались моими многочисленными изменениями в вашей рукописи. Как я уже говорил Каутскому, мы хотя не можем подражать стилю Маркса, но все же стиль должен быть таким, чтобы он прямо не противоречил марксовскому».

А что попытка уже в то время ревизии марксизма шла со стороны Бернштейна по основным вопросам, видно из того, что пишет сам Энгельс:

«По поводу вашего (т. е. Бернштейна.—А. Л.) прежнего вопроса о том месте предисловия к «Манифесту», которое приведено в «Гражданской войне во Франции», вы вероятно согласитесь с ответом, который дан в оригинале... Я посылаю вам экземпляр на тот случай, если у вас там не имеется ни одного. Речь идет просто об указании, что победивший пролетариат сперва должен преобразовать старую бюрократическую, административную централизованную государственную власть, прежде чем он сможет использовать ее для своих целей. Наоборот, все буржуазные республиканцы с 1848 г., которые, будучи в оппозиции, боролись против этой машины, ставши сами во главе правительства, перенимали ее без изменений и пользовались ею отчасти против реакции, но в гораздо большей степени против пролетариата. Что в «Гражданской войне» бессознательные (подчеркнуто Энгельсом.—А. Л.) тенденции Коммуны приписаны ей как более или менее сознательные планы, вполне оправдывалось при данных обстоятельствах, было даже необходимо. Русские совершенно правильно вставили это место из «Гражданской войны» в свой перевод «Манифеста». Если бы тогда экспедиция не торопилась так сильно, то можно было бы сделать это и еще многое другое»⁵.

Ленин считал обязательным указать на то, что роли Маркса—Энгельса, с одной

⁵ «Архив», т. I, стр. 352.

стороны, и революционного крыла партии Бебеля—Либкнехта—с другой, не были идентичны. Наоборот, дело самой последовательной борьбы за революционный марксизм осуществлялось только Марксом, Энгельсом, в то время как Бебель, Либкнехт были до определенного периода (периода революции 1905 г.) лишь в основном революционными марксистами. В процессе сползания их на оппортунистические, центристские позиции, огромное значение имело то, что и в лучший период своей революционной борьбы они имели серьезные колебания в важнейших вопросах марксизма, имели крупнейшие ошибки.

Для истории германской социал-демократии, истории перехода вождей германской социал-демократии на центристские позиции эти колебания и ошибки Бебеля, Либкнехта и т. д. имеют существенное значение.

Ленин писал, что со стороны Маркса, Энгельса «достается не только им (т. е. оппортунистам), но и немцам — Либкнехту, Бебелю и др. — за их примиренчество» (т. XVI, стр. 171).

В деле проведения революционной тактики в период 1881—1883 гг., как и в последующий, чрезвычайно важную роль сыграл ЦО «СД». Позднее, в 1890 г., Энгельс писал о том, что он знал в своей жизни лишь две газеты революционного направления: «Новая рейнская газета» и «Социал-демократ».

Говоря про «СД», Энгельс указывал на то, что «СД» «был безусловно лучшей газетой, которой когда-либо обладала партия».

Но все эти успехи партии в деле ее марксистского развития, заслуги «СД» должны быть нами безусловно отнесены прежде всего за счет Маркса и Энгельса, являвшихся фактическими руководителями, «душой» ЦО, так как все то лучшее, что писал «СД», было ни чем иным, как переложением директив советов Маркса и Энгельса руководству партии в лице Бебеля, В. Либкнехта и др.

Ленин указывал, что последовательная борьба в германской социал-демократии, как и во всем международном рабочем движении в тот период, осуществлялась только Марксом — Энгельсом, которые вели непримиримую борьбу против оппортунизма.

«Широкая публика знает, — писал Ленин, — что немецкая социал-демократия считается образцом марксистской политики и тактики пролетариата, но не знает, ка-

кую постоянную войну приходилось вести основоположникам марксизма против «правого крыла» (выражение Энгельса) этой партии».

И Ленин, продолжая дальше, писал: «вскоре после смерти Энгельса эта война из тайной стала явной — это не случайность. Это неизбежный результат десятилетия исторического развития германской социал-демократии» (т. XI, стр. 174).

Несмотря на всю непримиримую борьбу со стороны Маркса — Энгельса и против оппортунизма и против отдельных оппортунистических ошибок самого революционного руководства в лице Бебеля, Либкнехта, последние оказались не в состоянии преодолеть свою непоследовательность, и вожди германской социал-демократии не только не одержали победы над оппортунизмом после смерти Энгельса, но впоследствии оказались сами в плену оппортунизма.

Таким образом партией, которая бы оказалась способной возглавить и провести победоносную революционную борьбу пролетариата против капитализма, германская социал-демократия не стала. Наоборот, германская с.-д., изменив марксизму, стала партией защиты капитализма, превратившись теперь, в наше время, в социал-фашистскую партию, являющуюся главной социальной опорой буржуазии. Вина за то, что в партии в период 1900—1914 гг. не было дано отпора оппортунизму, и потому партия все более и более переходила на позиции буржуазного реформизма, — вина за это падает прежде всего на руководство партии в лице Бебеля, Бернштейна, Каутского, открывших после смерти Энгельса прямую, открытую, а также и скрытую борьбу против подлинно революционного марксизма. Вина руководителей партии — Бебеля, Каутского и др. — не может быть конечно переложена на объективные условия эпохи, так как не надо забывать того основного, что хотя эти объективные условия эпохи и питали реформизм, тем не менее возможности для превращения германской социал-демократии в партию, которая была бы способна победить капитализм, были даны. Образцы революционного последовательного руководства были даны не кем иным, как самими Марксом и Энгельсом, и конечно не их вина в том, что партия не стала партией борьбы за диктатуру пролетариата.

Образцом партии последовательной борьбы за диктатуру рабочего класса, пар-

тии революционного марксизма стал с самого своего возникновения лишь большевизм, который не только продолжил заветы Маркса и Энгельса, но и развил, поднял марксизм на новую ступень.

Вот почему мы теперь, когда изучаем уроки и опыт прошлого, обращаемся непосредственно к тем образцам последовательной пролетарской борьбы, которые оставили нам Маркс и Энгельс.

А изучая историю германской социал-демократии, мы указываем на то, чем могла стать она как партия пролетариата и почему она не стала партией, способной победить буржуазию, а наоборот, развилась в партию защиты капитализма.

Маркс и Энгельс сделали все от них зависящее и возможное для германского пролетариата,

все для того, чтобы рабочий класс в борьбе с капитализмом опирался на марксизм как на руководство к действию, устанавливающее железную необходимость и предписывающее обязательность насильственным революционным путем уничтожить систему капиталистического рабства.

В этом — бессмертная заслуга Маркса и Энгельса, вождей мирового пролетариата, которые, как мы видели, не только были создателями революционной теории, но и подлинными борцами на практике за ее осуществление, — за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата.

ИСТОРИЯ ФАБРИК и ЗАВОДОВ

из истории

ЗАБАСТОВОЧНОЙ БОРЬБЫ

на

ЯРЦЕВСКОЙ ФАБРИКЕ

Г. ЦВЕТКОВ

ЗАБАСТОВКА 1880 г.

В 1872 г. московский купец А. И. Хлудов построил вблизи станции Ярцево крупную бумагопрядильно-ткацкую фабрику. Прядильный корпус ее был оборудован ввезенными из Англии машинами в 1876 г., причем уже тогда общее число веретен-сельфакторов и ватерных машин достигало 74.532 единиц. Ткацкий корпус был оборудован в окончательном виде (500 станков) в 1877 г.

Дела у купца Хлудова пошли хорошо, и предприятие приносило ему 45 проц. чистого дохода¹. В 1915 г. чистая прибыль Ярцевской мануфактуры равнялась уже 479.432 р. 39 к.²

Основной причиной высоких прибылей Хлудовых было то, что они могли при наличии дешевой рабочей силы в Смоленской губ. эксплуатировать эту рабочую силу самым хищническим образом. Но смоленская деревня поставляла слишком необученную рабочую силу. Это заставило Хлудова выписывать несколько сот квалифицированных ткачей-прядильщиков.

В 1880 г. из 2.600 рабочих Ярцевской фабрики около трети были приезжие: москвичи, туляки, калужане; остальные две трети—местные крестьяне. Хлудов старался обходиться без «чужих—пришлых», беспокорных элементов, но все же приезжие рабочие составляли большой процент в составе ярцевских рабочих³.

На фабрике работало очень много малолетних. 16 сентября 1880 г. чиновник осо-

рых поручений при смоленском губернаторе в рапорте на имя губернатора⁴ сообщал, что на фабрике было 274 мальчика от 10 до 15 лет и 221 девочка.

В рапорте нет сведений о 16-летних и 17-летних рабочих, так как их считали уже совершенно взрослыми. Не указаны также малолетние рабочие до 10 лет. Старые служащие Хлудова утверждают, что в 1880 г. были и 8—9-летние рабочие.

На фабрике в больших размерах применялся женский труд. По сведениям конторы, в 1880 г. на производстве было занято 1.217 женщин.

На фабрике Хлудова, как во всей России, особенно в удаленных от промышленных центров районах, царил самая жестокая хищническая эксплуатация. Полицейский произвол и полное бесправие рабочего, являвшиеся отражением политического гнета помещичьего государства, давали фабриканту полную возможность безнаказанно повышать рабочий день и уменьшать заработную плату, проводить ничем не прикрытую эксплуатацию и хищнический грабеж рабочих. Полный произвол хозяина царил на фабрике.

Зарплата рабочих была чрезвычайно низка. В среднем к концу восьмидесятых годов она составляла 8—10 р. в месяц. Неквалифицированный рабочий получал 23 к. в день, а рабочий высшей квалификации (слесарь, токарь, ткацкий подмастер и т. д.)—до 1 р. в день. Особенно низка была зарплата малолетних, получавших в 1880 г. около 4 р. 50 к. в месяц.

Реальная зарплата понижалась высокими ценами на продукты в фабричной лав-

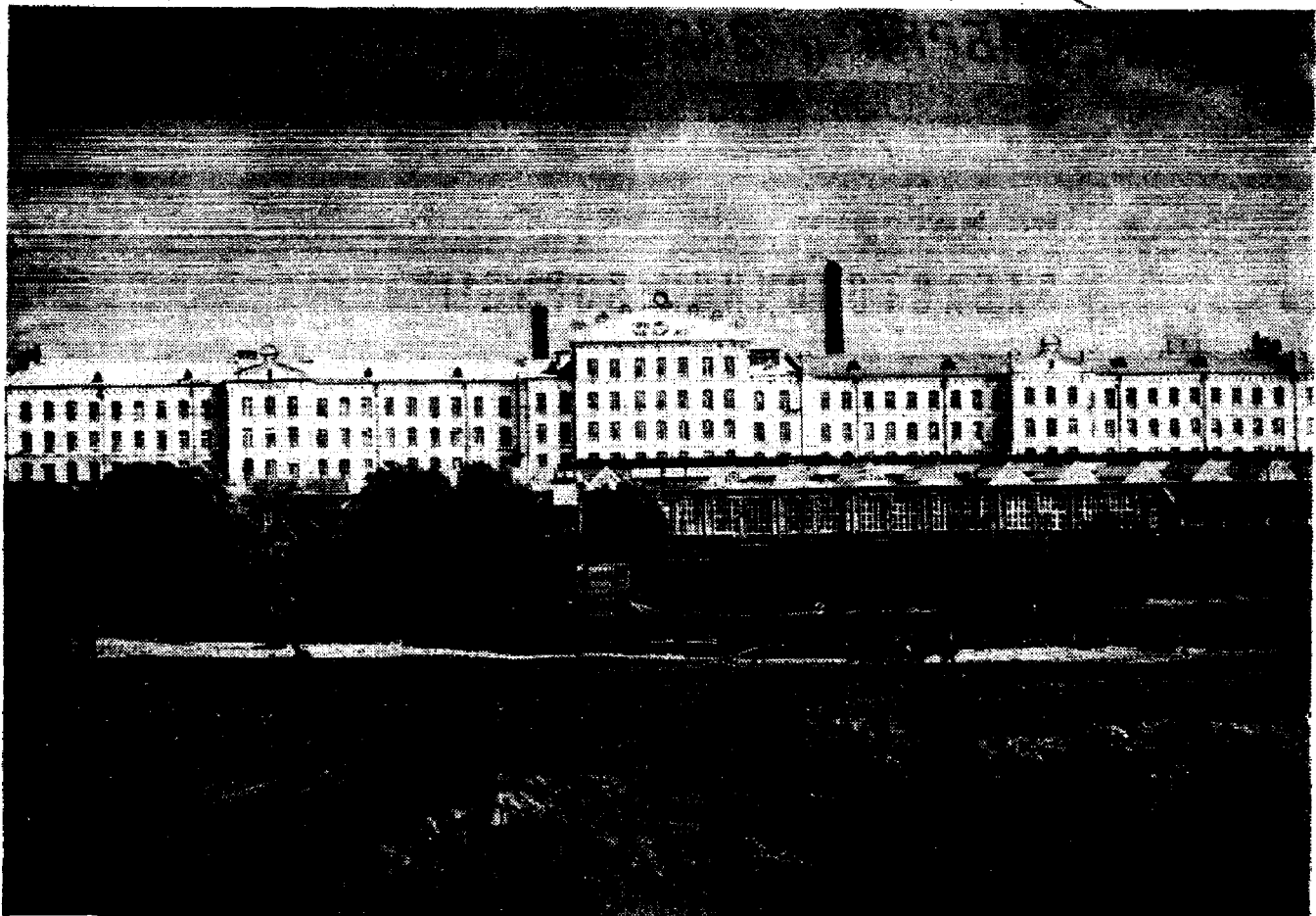
¹ Дм. Горшков и Г. Нилов, Ярцевские ткачи за 45 лет, Смоленск, 1924 г., стр. 12.

² Моск. архив нар. хоз., Фонд министерства торговли и промышленности, св. 358, дело № 47.

³ Дм. Горшков и Г. Нилов, Ярцевские ткачи за 45 лет, стр. 10.

⁴ Западный (Смоленский) обл. архив, ф. № 1, св. 13, дело 379. Все дальнейшие документы взяты из этого же дела.

*

Ярцевская бумагопрядильная фабрика

ке, в которой Хлудов заставлял своих рабочих брать в кредит товары по высоким ценам (черная мука например стоила по 1 р. 40 к. пуд).

Но и из этой небольшой зарплаты рабочих Хлудов ухитрялся делать вычеты. Рабочие платили за инструменты. Тов. Авдеевков, ткач Ярцевской фабрики, в своих воспоминаниях говорит:

«Я поступил на работу в 1876 г. За инструменты нам приходилось платить: за челнок—90 коп., высчитывали за вилку—25 коп., за спицы—15 коп., за крючок—10 коп., вот за все это платили сами ткачи».

Во-вторых, сильно били рабочих и штрафы. Штрафовали рабочих за все: за опоздание на работу, за нетактичное поведение рабочих на фабрике и даже за смазывание машинным маслом головы. За первые 8 месяцев 1880 г. только за прогулы и нарушение правил внутреннего распорядка было наложено штрафов на сумму в 10.272 р. 50 к. Штрафы были так велики, что составляли нередко около половины заработка рабочих⁵.

⁵ Истпарт Смолгубкома ВКП(б). Обзор революционного движения по Смоленск. губ. до 1905 г., Смоленск, 1928 г., стр. 4.

Получая немного, рабочие Ярцева в то же время работали в тяжелых условиях. «Работа на фабрике протекает в крайне неблагоприятных условиях,—писала в своем отчете санитарная комиссия Духовищинского земства.—Работать приходится под действием душливой жары до 28.2° и переносить запах, распространяющийся из дурно устроенных уборных. По данным фабричной администрации, уборные не перестраиваются потому, что с уничтожением миазмов они могут превратиться в место отдохновения для рабочих, и их придется выгонять оттуда силой...»

В мастерских постоянно носится большое количество хлопчатобумажной пыли. Она покрывает машины, одежду, пол и открытые части тела рабочих; куски ваты кружатся в воздухе на подобие снега... Работа идет днем и ночью...»⁶

В этих условиях рабочий работал 12 часов в сутки, причем 1-я смена работала с 6 час. утра до 12 час. дня и с 6 час. вечера до 12 час. ночи ежедневно.

2-я смена—с 12 ч. дня до 6 ч. вечера и с 12 ч. ночи до 6 ч. утра ежедневно.

Отчет духовищинской земской санитар-

⁶ Н. Буркин, 1905 г. в Смоленской губ., изд. «Рабочий путь», Смоленск, 1926 г., стр. 17.

ной комиссии описывает условия сменной работы:

«Работа идет днем и ночью; каждому рабочему приходится работать две смены в сутки, делая через шесть часов перерыв, так что ни один рабочий никогда не имеет возможности выспаться как следует».

Хлудов и директор фабрики англичанин Миленч заставляли работать так не только взрослых, но и малолетних.

Жилищно-бытовые условия ярцевских рабочих были ужасны. Комиссия Духовищинского уездного земства пишет в своем обследовании 1880 г.: «Квартиры фабричных рабочих—ужасные вертепы нищеты, насквозь пропитанные миазмами отхожих мест и всяких нечистот.

В одной десятиаршинной избе—27 рабочих. Половину избы занимает огромная русская печь, углы завалены мешками с мукой, а под полом хранятся запасы картофеля. Вместо столов бочки из-под селедок и грязные скамейки из неструганных досок».

Казармы—громадный сырой корпус в три этажа, разделенный, как гигантский зверинец, на клетки, битком набитые жильцами».

В каморке в 13 куб. сажень в рабочие дни помещалось 17 человек, а в праздники или во время чистки машин—от 35 до 40 человек⁷.

И позже, в 1895 г., когда в Ярцеве были выстроены новые жилые корпуса, картина жилищного положения рабочих не изменилась.

Обследовавший Ярцевскую фабрику в 1895 г. Жбанков пишет, что есть такие комнаты в казармах, «где число живущих доходит до 55 человек»⁸.

В таких условиях жил и работал ярцевский рабочий.

В 1880 г. Хлудов в нарушение всех правил договора (рабочие у Хлудова нанимались на 1 год—с пасхи до пасхи—и по договору хозяин в течение года не имел права снижать расценок) объявил 8 сентября (ст. стили) о снижении зарплаты на 10 проц. Даже уездный исправник Милитинский в своем донесении исполнявшему должность смоленского губернатора Томаре писал, что «понижение заработка на Хлудовской фабрике, объявленное с 1 ок-

тября, не может быть признано вполне основательным».

Узнав о снижении расценок, рабочие Ярцевской фабрики организовали свою первую забастовку⁹.

Утром 9 сентября рабочие механического цеха остановили паровую машину. Ткачи и прядильщики сначала ожидали возобновления работы машины, но, узнав об остановке работы в механическом цехе, присоединились к забастовке.

Забастовка началась с единодушного требования рабочих отменить снижение расценок. Кроме того рабочие выставили требования: 1) об отмене штрафов на производстве или по крайней мере смягчениях; 2) об отмене вычета стоимости инструментов из заработка рабочих; 3) о прекращении ничем не обоснованных увольнений рабочих Хлудовым.

Эти требования рабочие довели до сведения конторы.

Собравшись на фабричном дворе и около фабрики, рабочие затем двинулись к дому Хлудовых, в котором жил сын Алексея Хлудова Михаил (сам хозяин жил в Москве).

Полицейский урядник Ярцева Юденич и находившийся в Ярцеве помощник уездного исправника Лидов пытались было «навести порядок», но рабочие их оттеснили, а на их угрозы ответили камнями, побили и одному из них даже проломили голову.

Подойдя к дому Хлудова, рабочие вывалили на балкон хозяина. Последний, желая рассеять стачку, дезорганизовать ее, начал бросать в толпу медные и серебряные деньги. Рабочие ответили на эту провокацию камнями. Тогда Хлудов попытался сломить стачку любимым средством русского черносотенства: кто-то из приближенных Хлудова, зайдя в толпу, крикнул: «Валяй жилову бить, стражники не будут мешать»¹⁰. Это отвлекло часть малосознательных рабочих из смоленских крестьян на разгром синагоги и дезорганизовало демонстрацию.

Но на фабрику рабочие не шли, ибо видели, что Хлудовы не соглашаются отменить снижение расценок.

Стачка продолжалась. Хлудов и местные полицейские власти уведомили о «беспо-

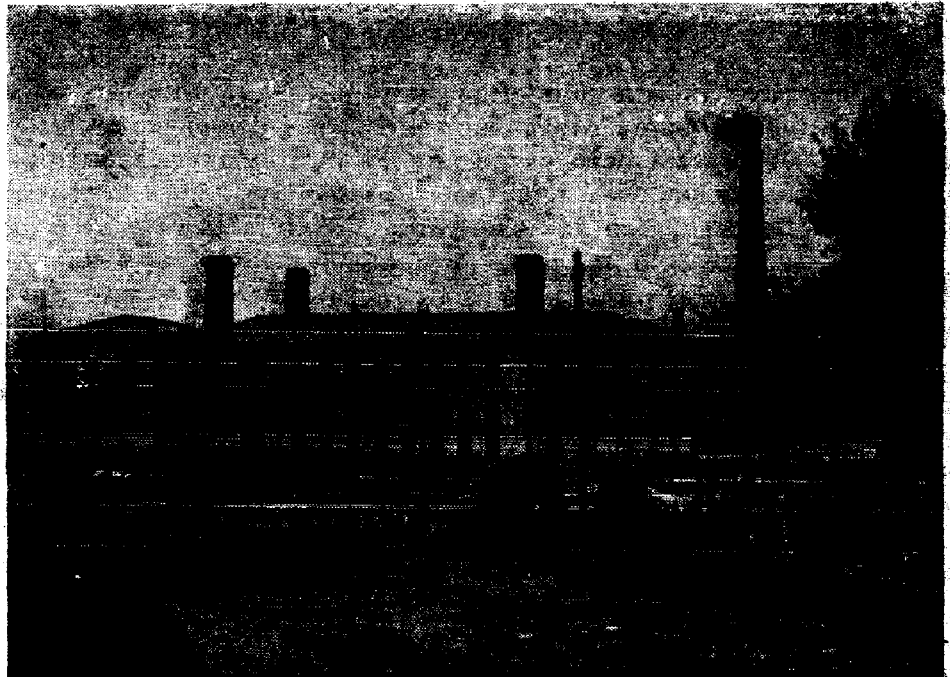
⁷ Н. Буркин, 1905 г. в Смоленской губ., За 15 лет, стр. 16.

⁸ Д. Н. Жбанков, Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии, изд. Смоленского губернского земства, 1896 г., стр. 327.

⁹ В ряде печатных работ по истории революции в Смоленской губ. (напр. у Буркина) первая забастовка в Ярцеве датируется 1879 годом. Здесь очевидная ошибка.

¹⁰ Н. Буркин, 1905 г. в Смоленской губ., За 15 лет, стр. 18.

Казарма № 89
ярцевских рабочих

рядках» смоленского губернатора. Ярцевские кушцы и торговцы телеграфировали губернатору, что «все рабочие фабрики Хлудова взбунтовались, прекратили работу и производят в нашем селении Ярцеве разбой и бесчинства. Жизнь наша и имущество находятся в большой опасности. Вынуждены беспокоить ваше превосходительство, прося немедленной защиты первым отходящим поездом».

Исполняющий должность губернатора Томара решил сам выехать в Ярцево с прокурором окружного суда и послать туда 500 человек войска.

Из рапорта Томары министру внутренних дел (от 12 сентября) мы узнаем, что рабочие продолжали бастовать, «бросали камнями в полицейского урядника... и поравили камнем же голову полицейского исправника при его приезде».

Губернатор пытался было склонить Алексея Хлудова к отмене снижения заработной платы. Михаил Хлудов телеграфировал Алексею Хлудову: «Начальник губернии здесь. Он и я просим вас сбавки не производить, народ бунтует, опасаемся серьезных последствий. Начальник губернии ожидает вашего ответа в Ярцеве».

Но Алексей Хлудов решил не сдаваться. 12 сентября он шлет губернатору следующую телеграмму: «Цену сбавил потому, что нигде такой цены нет, не могу выдержать конкуренции; есть фабрики, платящие двадцать пять копеек кусок... Зимой везде цена дешевле летней. Предложение ткачей сбавить пять процентов¹¹ не могу

¹¹ Кто выдвигал это компромиссное предложение, неизвестно.

принять. Это значит сбавить две копейки на кусок. Рабочие доказали, что всякие уступки — предлог к беспорядкам. Если сделать хотя отчасти по-ихнему, то в будущем беспорядки повторятся. Обещаю вам принимать людей с разбором, удалить беспокойных».

В другой телеграмме — на имя Михаила Хлудова — он рекомендует быть сдержанным с рабочими, но объявить им, что расценки на 10 проц. снижены будут с 1 октября обязательно.

Увидав, что Хлудов не идет на уступки, губернатор не настаивал на своем предложении. Свои усилия он сосредоточил на том, чтобы прекратить забастовку и заставить рабочих начать работать на фабрике по сниженной расценке. Он пытался их уговаривать, ему ничего не удалось сделать. Несмотря на запугивание, рабочие не шли на фабрику. Одновременно с этими уговорами губернатор готовил силы для вооруженного подавления забастовки. В Ярцево была стянута масса полицейских сил. 12 сентября в 2 часа ночи прибыла военная команда в 500 чел.

Получив подкрепления, полиция обрушилась на «подозрительных», т. е. на вожаков стачки. Эти «подозрительные» в главной массе своей оказывались москвичами, туляками, калужанами и ркатчанами. Для поддержания порядка «подстрекатели» должны были быть высланы на родину по этапу, без права возвращения в Смоленскую губернию.

Часть рабочих была рассчитана, за которыми был установлен полицейский надзор.

Из рапорта жандармского управления на имя губернатора от 29 ноября 1880 г. видно, что 15 человек рабочих скрылись из Ярцева, оставив на фабрике свои документы, инструменты и не получив месячного оклада содержания.

В Ярцеве было оставлено 50 человек воинской команды и сильный наряд полиции. «Порядок» начал восстанавливаться.

Рабочие постепенно стали выходить на работу.

12 сентября вышло на работу 1.236 чел., согласившихся работать с 1 октября по пониженной на 10 проц. расценке.

13 сентября вышло на работу 2.192 чел.

Но не все рабочие согласились работать по сниженной цене.

12 сентября днем потребовали и получили расчет 202 человека, а с вечера 12-го до 6 час. вечера 13 сентября взяли расчет еще 285 человек.

Только к октябрю фабрика заработала полным ходом, набрав новых рабочих из окрестных крестьян.

30 сентября уездный исправник сообщил, что на фабрике установлен полный порядок.

Четыре дня бастовали ярцевские рабочие: 9, 10, 11 и частично 12 сентября. Стачка окончилась поражением.

Расценки были снижены на 10 проц., штрафы остались, остался и произвол. Своей победой Хлудов обязан был полиции и царскому суду. Лишь с их помощью мог Хлудов сломить сопротивление рабочих.

Томара на ярцевской стачке сделал себе карьеру.

25 сентября 1880 г. министр внутренних дел граф Лорис-Меликов пишет Томаре: «что его письменный доклад о ярцевских беспорядках читал наследник и написал: «все распоряжения весьма дельны».

Рабочие проиграли стачку.

Но они получили опыт классовой борьбы, приобрели опыт борьбы с капиталом, увидели, что весь аппарат царизма стоит на стороне капиталистов.

Стачка 1880 г. окончилась поражением, однако она сыграла большую историческую роль в революционной борьбе ярцевских рабочих, принявших активное участие в революции 1905—1906 гг. В начале 900-х годов в Ярцеве возникла социал-демократическая организация. Григорий Ланин организовал в Ярцеве социал-демо-

кратический кружок¹³. Первый кружок просуществовал недолго: весной 1902 г. его выдал один из его участников. После некоторого перерыва к 1905 г. вновь создаются социал-демократические кружки. Кружки все более и более завоевывали симпатии ярцевских рабочих. Они установили связь со смоленской социал-демократической организацией и через нее доставали себе нелегальную литературу. У кружковцев с 1904 г. стала получаться «Искра». В 1904 г. через одного железнодорожника доставлялась «Искра» в Ярцево. Читали ее обычно в лесу за фабрикой¹⁴.

Социал-демократическая организация успешно возглавила в 1905 г. забастовку рабочих, связанную с попыткой Веры Хлудовой снизить зарплату рабочим на 10 процентов. Рабочие выдвинули контртребования, в том числе требование сокращения рабочего дня и увеличения зарплаты. Во главе стачки стояли социал-демократы, выбранные всеми рабочими,—товарищи Бессудов Петр и Мазуров Владимир. Все требования стачечников были удовлетворены.

Июльская стачка 1906 г. также прошла под руководством социал-демократов. В это же приблизительно время ярцевские социал-демократы организовали собственную типографию, которая выпускала свои прокламации. В годы реакции эта типография продолжала существовать (как продолжала существовать и ярцевская социал-демократическая организация). Начальник московской охранки 31 августа 1908 г. доносил, что «в селе Ярцеве также функционирует собственная типография ярцевской группы, шрифт для которой привез из Петербурга брат «Сергея Ивановича»; он же починил машину, которую ныне перевезли на новое место, так как работать на старом оказалось почему-то неудобным»¹⁵. В донесении от 17 октября 1908 г. он сообщал директору департамента полиции, что «типография ярцевской группы (социал-демократов.—Г. Ц.) находится у старшего техника фабрики Сергея Ивановича в Ярцеве». В 1910 г., когда полиция точно дозналась о местонахождении типографии, Бессудов с товарищами

¹³ Д.м. Горшков и Г. Нилов, Ярцевские стачки за 45 лет, Смоленск, 1924 г., стр. 22.

¹⁴ Обзор революционного движения по Смоленской губ. до 1905 г., изд. Смолгубкома ВКП(б). Смоленск, 1928 г., стр. 5.

¹⁵ Архив революции и внешней политики, дело Особого отдела департамента полиции № 5, ч. 64 за 1908 г.

спрятал ее, зарыл, в 1912 г. отправил в Ригу¹⁶.

До Февральской революции 1917 г. ярцевская организация не делилась организационно на большевиков и меньшевиков, но большинство ее было настроено большевистски.

Опыт забастовочной борьбы, наличие социал-демократической организации в Ярцеве, большое количество рабочих делали ярцевских пролетариев крупной силой, и несмотря на подавление всеми силами Хлудовской администрации и царской полиции, несмотря на тяжелое экономическое положение и буржуазно-полицейский гнет, ярцевские ткачи время от времени грозно выступали и требовали прав, улучшения условий труда, подготавливая успехи всемирно-революционной борьбы.

ЗАБАСТОВКА 1911 г.

Начало периода предвоенного подъема рабочего движения ознаменовывается крупными стачками на Ярцевской фабрике. За 30 лет, прошедших со времени первой забастовки ярцевских ткачей, положение рабочих изменилось очень мало, условия эксплуатации остались прежними, зато предприятие Хлудова выросло во много раз.

В 1910 г. в прядильном отделе было 285 машин (ватера, сельфакторы) с 138.924 веретенами. Ткацкий отдел после переоборудования в 1910 г. насчитывал 2.217 станков¹⁶. В числе двигателей к 1910 г. имелись такие крупные машины, как паровая машина завода Зульдер в 1.200 лощ. сил. Росли и подсобные предприятия при фабрике.

В 1915 г. в активе фабрики значилось 13.182.934 р. 92 к. В том же 1915 г. получено чистой прибыли 479.432 р. 39 к. А в 1916 г. основной капитал возрос до 5.000.000 руб.

К 1911 г. (о котором мы сейчас хотим рассказать) на Ярцевской мануфактуре было 5.432 рабочих. Основная масса этих рабочих имела большой стаж фабричной работы, не была связана непосредственно с сельским хозяйством или связана в небольшой мере. Сплошь и рядом на фабрике работала целая семья рабочего: он сам, жена, дети-подростки (подростков 14—18 лет на фабрике было несколько сот человек). Жизнь этих пролетариев была чрезвычай-

но тяжела. Фактический рабочий день доходил до 10, а иногда до 11 часов. Заработная плата основной массы рабочих колебалась в пределах 25—90 коп. в день.

Так, с'емщицы на банкаброшах получали 27 коп. в день, а тазовщицы — 38 коп. Квалифицированные прядильщики, начиная с 1905 г., просили себе 90 коп. в день, получая 75—80 коп.¹⁷ Штрафы попрежнему процветали. Штрафовали за «грубость» с мастером, за разговор за станком, штрафовали больных рабочих за хождение к доктору, штрафовали за поломку машин, даже сильно изношенных; штрафовали за отсутствие щеток для чистки машин, хотя этих щеток рабочим не выдавали, и т. д. и т. п. Особенно возмущали рабочих вычеты из зарплаты за брак, сплошь и рядом несуществующий и выдуманный браковщиком.

Рабочие были подчинены мастеру, который командовал ими как ему хотелось. В частности, определение штрафа целиком зависело от мастера. Особенно сильно чувствовалась зависимость от мастера, от браковщика, от администрации женская часть рабочих. Понуждение женщин-работниц к сожительству со стороны мастера, подмастера, браковщика, работников конторы было распространенным явлением. В случае несогласия работницы ее выбрасывали с фабрики.

На свое бесправное положение рабочие не имели права никому жаловаться. Если они пробовали делать заявления фабричному начальству, их штрафовали за грубость и увольняли с работы. Если рабочие пробовали заговаривать о своих нуждах с фабричным инспектором, то уже за одно это их выгоняли с фабрики.

Рабочие продолжали жить в старых казармах, сырых, тесных, где в одной маленькой комнате жило по 10—15 человек. За эти каморки Хлудовы умели брать с рабочих хорошую плату: 40 коп. в месяц с каждого взрослого жителя (рабочего и взрослого иждивенца) и 20 коп. в месяц за ребенка. Для мизерного заработка рабочего это было чувствительно. Хороших помещений Хлудовы для рабочих не строили. Из своих миллионных капиталов Товарищество выделяло для строительства жилищ рабочим скудные крохи.

В таких условиях началась июльская забастовка ярцевских рабочих в 1911 г. Тяжелое экономическое положение рабочих,

¹⁶ Д. М. Горшков и Г. Нилов. Ярцевские ткачи за 45 лет, стр. 27.

¹⁷ Моск. архив народного хозяйства, фонд Мин. торг. и промышл., св. 358, дело № 47.

¹⁷ Н. Буркин, 1905 год в Смоленской губернии, изд. «Рабочий путь», Смоленск, 1926 г., стр. 62.

их политическое бесправие делали стачечную борьбу необходимой формой борьбы российского пролетариата. Ряд событий непосредственно толкал ярцевских рабочих на забастовку и в частности привел к июльской стачке 1911 г. Какие же были в основном причины июльской забастовки?

Во-первых, конечно низкая зарплата рабочих. В 1911 г. в результате «комбинаций» администрации у некоторых рабочих заработок стал падать. Так упал он у работниц ватерного отделения, у уточных, у основных, у работниц крутильных ватеров, у планщиц.

Крутильщицы шнурков после пасхи 1911 г. стали получать половину того, что они получали ранее.

Заявляли о снижении фактического заработка и банкаброшницы, заработок которых с весны 1911 г. снизился примерно на 3 руб. в месяц. Снижение заработка (расценки) таким образом было одной из непосредственных причин забастовки. Штрафы были другой причиной стачки. По заявлениям и жалобам рабочих, которые были поданы фабричному инспектору в 1911 г., полностью собранным в секретном деле Смоленского губернского жандармского управления, можно видеть, что на штрафы жалуются рабочие всех специальностей. Банкаброшницы просят уменьшить штрафы, которые крайне обременительны для рабочих. Работницы на перемоточных шпульных машинах просят сократить штрафы. Работницы крутильных ватеров просят «чтобы размеры штрафов были бы меньше». Об этом просят и заявляют планщицы, рабочие-прядильщицы и т. д. Ткачи заявляют: «Налагаются чрезмерные штрафы, крайне обременительные для рабочих и совершенно по размерам не сообразованные с заработком рабочих; так например штрафуют за малейшую помарку рвани; за разговоры с соседями, чисто деловые, штрафуют или устраняют на целую смену с фабрики и считают как за прогул; за вытирание рук рванью, предлагая вытирать вонючими концами, за невыполнение даже самых малейших требований по чистке станков. Мастер Коркин совершенно не входит в разбор жалоб, и если рабочий дает какое-либо объяснение, то Коркин, не выслушивая, штрафует... При браковке во время наложения штрафа, если даешь какие-либо разъяснения, то за это нарочно увеличивают штраф... Рабочие обращают внимание на чрезмерное увеличение за последний год штрафов, налагаемых даже за самые

малейшие упущения в работе, причем некоторых штрафуют в один и тот же день по два раза. У многих, как можно видеть из книжек и штрафной книги, штрафы записаны 4—5 раз в течение двух недель».

Следующим моментом, вызвавшим забастовку, явилась история с объявлением расценок. Прядильщицы в своих заявлениях указывают, что администрация «не выставляет расценок на существующие старые сорта № 8 и 10 (машины №№ 50, 56), не выставляют расценок на новые сорта и просят урегулировать расценки». Ткачи в своих требованиях просят «вывешивать расценки не позже как одну неделю спустя после начала работы этих сортов». Большое было недовольство со стороны рабочих за невыдачу администрацией щеток для чистки машин. Ткачи заявляют: «Требуется тщательная чистка станков, между тем для чистки не дают чистых концов, а дают какую-то дрянь. Далее, щетки даются на 2 месяца, между тем они служат не более 4—5 недель. Следовательно, не получая до назначенного времени новых щеток, приходится или воровать у других щетки или подвергаться штрафу. Мастер же Коркин при обращении к нему за новыми щетками заявляет: «Если хочешь, то воруй у другого».

Наконец все рабочие заявляют, что на фабрике «не пускают, заболевших во время работы к доктору» (ткачи). Но если рабочий все же ушел, то «больным, обращающимся к доктору, пишут штрафы за прогулы» (рабочие прядильщицы).

Сильно недовольны были рабочие и работницы мастерами и браковщиками, их произволом. Прядильщицы заявляют, что «мастер Василевский дерзко обращается с рабочими, крайне и непосильно требователен, налагает на рабочих обременительные штрафы, совершенно не сообразуясь с получаемым рабочим заработком». Ткачи жалуются: «Мастер Коркин относится дерзко к рабочим, совершенно не входит в разбор жалоб». Когда же рабочие пробуют жаловаться на это фабричному инспектору, то «тех рабочих, которые разговаривают с фабричной инспекцией, по прошествии некоторого времени увольняют».

Чашу терпения рабочих переполнила история с работницей Егоровой в прядильном отделе. Мастер Василевский сделал Егоровой предложение вступить в половую связь. В показаниях, данных впоследствии фабричному инспектору Алексею, Егорова сообщила, что «в половине мая

с. г. ко мне во время работы подходил подмастерье ватерного отделения Андрон Игнатьевич Васильков с предложением, чтобы я согласилась жить с мастером прядильного отделения Василевским, которому, по словам Василькова, я очень нравлюсь, и если приму я это предложение, то буду пользоваться разными льготами по работе. В противном случае я буду уволена. Я отвергла это предложение... 2 июля с. г. в субботу Василевский подошел ко мне во время работы и сказал, если я не соглашусь на его предложение вступить с ним в связь и ехать гулять в Смоленск, то он меня уволит. Я снова отказалась, и действительно после этого мне был заявлен двухнедельный расчет».

Этот эпизод вызвал бурное возмущение рабочих. В день приезда в Ярцево фабричного инспектора Алексева — 9 июля 1911 г. — рабочие, узнав о его приезде, бросили работу и толпами отправились к нему со своими заявлениями и жалобами. Тотчас же началась забастовка.

Начали стачку рабочие прядильного отдела, но через небольшой промежуток времени к прядильщикам присоединились и ткачи. В своем донесении в департамент полиции от 28 июля 1911 г. полковник Иваненко (нач. Смол. губери, жанд. управления) пишет, что бастовало «в количестве более 5.000 человек», т. е. вся фабрика (прядильщики и ткачи).

Интересна форма забастовки. Вступившие непосредственно в забастовку, прекратившие работы рабочие не бросили своих станков. «Стоять у станков, но не работать самим на этих станках и не давать работать другим» — вот установка бастующих, прекративших работы. Жандармский ротмистр Щербачев 15 июля в своей докладной записке из Ярцева писал, что рабочими «был принят итальянский способ забастовки — являясь во-время на работу, стоять у станков, но не работать».

Какие же требования предъявлялись рабочими Ярцева — прядильщиками и ткачами — во время забастовки?

Указывая на низкую заработную плату, снижение расценок, большое количество штрафов, грубость мастеров (особенно Василевского в прядильном отделе и Коркина — в ткацком), несвоевременное объявление расценок на работы, придирки браковщика (Войкина), недостаточную выдачу концов, рвани, щеток для чистки машин и т. д. и т. п., рабочие требуют повышения зарплаты, повышения расценок на работы.

Рядом с требованиями о зарботке стоят требования об уменьшении штрафов. Ткачи заявляют: «размер штрафов уменьшать и при наложении штрафов просят руководствоваться заработками рабочих и во всяком случае штрафовать не свыше 5 проц. стоимости куска».

Банкаброшницы «просят уменьшить штрафы, которые крайне обременительны для рабочих». Аналогичные требования предъявили и другие группы рабочих. Все почти рабочие требуют своевременного объявления расценок, выдачи щеток для чистки машин, масла вместо сала (тоже для чистки машин), права рабочему ходить к доктору в случае болезни и ряд более мелких требований (чистая вода для питья, рвань для рук и пр.). Требуют права свободно, без боязни быть уволенным, заявлять свои нужды фабричному инспектору. Наконец все отмечают грубость мастера и браковщиков, поэтому требуют убрать в ткацком отделе мастера Коркина и браковщика Войкина, в прядильном — мастера Василевского. Таковы в основном требования бастовавших рабочих, с которыми они прекратили свои работы на Ярцевской фабрике и на удовлетворении которых они особенно решительно настаивали.

Во всех просмотренных нами материалах к сожалению нет сколько-нибудь полных указаний о руководстве и руководителях этой забастовкой, но из записей, которые делал приехавший в Ярцево по делу стачки жандармский ротмистр Щербачев, видно, что существовала определенная группа рабочих, руководившая стачкой. Щербачевым был составлен список 22 человек, составлявших, судя по всему, наиболее активную руководящую группу рабочих. Что это было так, видно также и потому, что от указанных в списке Хлудовы старались впоследствии отделаться, и например тот же ротмистр Щербачев в сентябре 1911 г. в одном из своих донесений пишет, что он настаивает перед фабричной администрацией об увольнении с работы П. Федорова, Ф. Данилова, М. Ильина, Ф. Игнатьева, П. Иванова.

В числе уволенных рабочих через два месяца по окончании июльской забастовки были многие из приводимого списка. В числе впоследствии арестованных полицией находится ряд рабочих из этого же списка. Все это говорит о том, что в составленном Щербачевым списке указаны фамилии актива забастовщиков.

О наличии у стачечников руководства говорят и отрывочные сведения о собрани-

их бастующих и об организованных решениях ярцевских рабочих по всем вопросам хода забастовки (переговоры с хозяевами и т. д.).

Приходится еще раз пожалеть, что по этому вопросу нет обстоятельных материалов ни в архивах ни в печатной литературе.

Стачка началась. Хозяева фабрики забеспокоились. Собрав все жалобы и требования рабочих-забастовщиков, директор отправился с ними в Москву в правление Ярцевской мануфактуры к Прохорову, Хлудовым. Забеспокоилось и начальство. Начальник Смол. губ. жанд. управления полковник Иваненко сразу же принимает меры, чтобы раздавить забастовку.

Поэтому в том же донесении он сообщает, что «сейчас же в Ярцево выехала духовщинская полиция и на всякий случай выслана полусотня коннополицейской стражи». Но уже через день-два он находит, что этой стражи для Ярцева недостаточно. С согласия смоленского губернатора и по его приказу Иваненко направляет в Ярцево телеграммой от 15 июля всех пересыанских стражников и уведомляет Ярцево (исправника), чтобы приготовились встретить еще «сотню всадников и два офицера». В течение следующих двух дней Иваненко снимает всю полицию от краснинского пристава, дорогобужского, полицию Вязьмы, Гжатска и направляет ее в Ярцево. В эти же дни Иваненко высылает в Ярцево своего помощника, ротмистра Щербачева, которому поручает вести расследование дела о забастовке и одновременно командовать сводным полицейским отрядом, конной и пешей стражей. Щербачев занялся «расследованием» дел и одновременно провоцировал столкновения рабочих-забастовщиков с полицией.

К его сожалению он не дождался этого столкновения. Ни рядовые рабочие ни руководители не шли на столкновения с полицией, столь невыгодное им в данное время. Демонстративное шествие полиции на фабрике и по поселку не спровоцировало рабочих. Поэтому Щербачев должен был сообщать только, что «забастовавшие рабочие ведут себя спокойно».

Как же вели себя рабочие и как шла стачка? Директор фабрики Балашев 11 июля 1911 г. сделал объявление: «Все просьбы рабочих, предъявленные старшему фабричному инспектору, переданы на рассмотрение правления в Москву. Решение правления будет объявлено на этой

неделе, не раньше среды 13 июля». Через несколько дней Балашев напоминает рабочим, что за время забастовки им зарплата выплачиваться не будет.

13 июля правление фабрики обратилось к рабочим со следующим заявлением:

Правление Товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий Алексея Хлудова сим объявляет:

1. Если произойдет какой-либо перерыв в работах, то фабрики будут немедленно остановлены и всем рабочим будет произведен расчет. О дне нового найма будет объявлено особо.

2. Ввиду того, что заработок рабочих значительно увеличен в течение последних лет, правление находит возможным пересмотреть только заработок рабочих, работающих по-прежнему и получающих менее 50 коп., причем предупреждает, что оно приступит к пересмотру только при условии правильного и бесперывного хода работ на фабриках.

Москва, июля 12 дня, 1911 г.

Правление Товарищества Ярцевской мануфактуры бум. изд. А. Хлудова.

Директоры: Н. Прохоров,
Н. Беляев, А. Дерюжинский,
Вера Хлудова.

Из донесения в департамент полиции смоленского жандармского полковника Иваненко мы узнаем, что ярцевские рабочие забастовку не прекратили, о чем обе стороны договорились, решив «не приступать к работе, пока их требования не будут удовлетворены». Забастовка продолжала оставаться итальянской. Жандармский ротмистр Щербачев сообщает из Ярцева 15 июля, что «ввиду этого правлением фабрики сегодня в 3 часа утра было вывешено во всех входах и казармах объявление о прекращении вовсе работы на фабрике и выдаче рабочим расчета».

В деле жандармского управления имеется и копия телеграммы правления от 15 июля 1911 г., о которой собственно и говорит Щербачев. Эта телеграмма гласит: «После предупреждения о закрытии фабрик рабочие позволили себе, являясь в фабричные корпуса, вновь уклоняться от работ. Такое их незаконное действие, соединенное с насильственным удалением лиц фабричной администрации и с явным ущербом для товарищества, дает правлению право считать договоры с рабочими о

наиме, в силу закона, прекратившимися. Сним объявляется, что фабрика оставлена и работы прекращены в ней на неопределенное время; рабочие приглашаются явиться в контору за получением расчета».

Так отвечали Прохоровы—Хлудовы ярцевским забастовщикам. Хотя им и запретили являться на фабрику, входные ворота которой охранялись полицейской стражей, но они с фабрики «тихо, спокойно» уйти не собирались. Забастовка продолжалась. О компромиссах никто не говорил. Надо было довести стачку до конца. Отсюда решение: не работать, ни на какие компромиссные условия администрации не соглашаться, стачку продолжать, расчет не брать, вновь не наниматься.

15 июля директор фабрики Балашев вывесил следующее объявление:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Ввиду того, что подсчет зарплат может быть закончен в субботу 16 июля, контора фабрики находит возможным начать выдачу расчета в воскресенье 17 июля с 9 часов утра.

Всем рабочим предлагается сдать расчетные книжки в контору в субботу 16-го для записи в ней заработка, тем же, кто в контору расчетных книжек не представит в указанное время, может быть выдан расчет и без книжки, по общему списку.

Неявившимся за получением расчета с книжками и без книжек—это все равно, — расчет будет выдан через волостные правления, для чего расчетные списки и деньги будут переданы господину уездному исправнику.

Директор фабрики
И. Балашев

Таким образом Балашев сообщал рабочим, что если они расчет не будут брать, то его каждому выплут через исправника и волостные правления.

Но и этого не испугались рабочие и твердо стояли на своих позициях.

17 июля Балашев еще раз «пробует» запугать рабочих и выпускает новое объявление:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Выдача расчета в конторе фабрики будет производиться только в течение двух дней — воскресенья 17-го и понедельника 18-го. Неявившиеся за расчетом за эти два дня могут таковой получить в своих волостных

правлениях, куда будут пересланы во вторник 19-го паспорта и деньги.

Для получения расчета в конторе должны являться с книжками.

Директор фабрики
И. Балашев

Опять упоминание о волостных правлениях, опять угроза о насильственном расчете, которая и на этот раз рабочих не поколебала. Рабочие продолжали бастовать и твердо стояли на старых позициях: расчета не брать, вновь не наниматься, бастовать, отдельных рабочих, которые могут поколебаться, своевременно осаживать (такая организованность выгодно отличает забастовку ярцевских рабочих 1911 г. от прежних забастовок, в частности от забастовки 1880 г.).

Стачка, начавшись 9 июля, окончилась только 26 июля. Полковник Иваненко в своем секретном донесении от 28 июля 1911 г. в департамент полиции и в московскую охранку сообщает, что забастовка ярцевских рабочих окончена 26 июля.

Об этом же Щербачев сообщает смоленскому губернатору. Благодаря стойкости ярцевских пролетариев, организованности, опыту классовых столкновений и т. д. забастовщики из июльской стачки вышли победителями.

Из донесения Иваненко (от 23 июля) мы знаем, что два мастера, отличавшиеся особой грубостью и несправедливым отношением к рабочим, уволены. Газета «Смоленский вестник» сообщает, кто эти два мастера: «Главные виновники забастовки — мастер А. Василевский и браковщик Войкин — уехали, причем последний каким-то образом удержал на 700 руб. денег ткацких подмастерьев и других рабочих, которые зависели непосредственно от него»¹⁸.

Остальные требования рабочих в основном также были удовлетворены.

Победа забастовщиков несомненна, и некоторые улучшения в своей жизни, хотя на время, ярцевские рабочие после забастовки имели.

Однако обещания не всегда выполняются, особенно обещания хозяина рабочему. Много обещали Хлудовы и Прохоров рабочим Ярцева, но эти обещания скоро были «забыты» фабричной администрацией (а некоторые даже не выполнялись вообще).

Так, запись простоев в ткацком отделе так и не была налажена. Щетки для чист-

¹⁸ «Смоленский вестник» за 6 августа 1911 г.

ки машин выдавались аккуратно только в течение двух недель после забастовки. Штрафы скоро стали расти. Мастер Коркин, которого администрация после июльской стачки не уволила, помнил требования ткачей о его увольнении и мстил им за это. Коркину помогал достойный его подмастерье Снегов, который, по словам рабочих, к тому же был подозрительно близок к полиции. Назревала новая забастовка. Нужен был только толчок, которым и оказался случай с рабочим ткачом Полихрониевым. 2 сентября 1911 г. сторож фабричных дверей, делая обыск во время смены, остановил рабочего И. Полихрониева и, отобрав у него табак и спички, представил табельщику, который донес мастеру Коркину, приказавшему Полихрониева уволить. Рабочие сочли действия администрации неправильными ввиду того, что на фабрику табак и спички носит и курит громадное большинство рабочих, которых за это никогда не увольняли и подвергали лишь штрафу не более одного рубля¹⁹.

Этот случай и был поводом, непосредственно вызвавшим новую забастовку в Ярцеве. Забастовала на этот раз не вся фабрика, а только ткацкий отдел с его 2.000 рабочих.

Стаечники выдвинули требования, в основном сводящиеся к тому, чтобы уволить мастера Коркина, подмастерье Снегова, аккуратно выдавать щетки, правильно записывать простои, снизить штрафы. Особенно решительно требовали увольнения Снегова, заподозренного в шпионстве и провокаторской деятельности. С ним даже решили было расправиться самосудом, но он, как сообщает выбывший в Ярцево наш «старый знакомый» ротмистр Щербачев, выпрыгнул в окно.

В числе участников этой забастовки было очень много активных участников прошлой июльской забастовки. В составленном жандармами списке забастовщиков имеется Аким Леонов. По жандармским донесениям видно, что это бывший ярцевский рабочий, уволенный с фабрики после волнений 1905 г. В 1911 г. он работал в Петербурге на одном из заводов и, узнав о стачке ткачей, приехал в Ярцево помочь товарищам в их борьбе с эксплуататорами.

Факт очень интересный, но к сожалению ни в Запархиве, ни в Архиве революции

и внешней политики, ни в печатных материалах и воспоминаниях мы не нашли более или менее подробных материалов об Акиме Леонове, которые позволили бы нам что-нибудь добавить к сказанному. Известно лишь, что скоро он скрылся и полиция не могла его арестовать.

Но, несмотря на наличие большого числа активных забастовщиков, надо сказать, что руководство стачкой было неудовлетворительно. «Смоленский вестник» писал, что «стачкой на этот раз никто не руководит. Никаких собраний и совещаний, как это было при прошлой забастовке, не происходит. Рабочие действуют поэтому вразброд: кто в лес, кто по дрова»²⁰.

Фабричная администрация, вначале несколько растерявшаяся, быстро оправилась и, пользуясь отсутствием должной организации стачечников, а также прибытием коннополицейской стражи, заняла непримиримую позицию по отношению к стачке. Фабричная администрация вместе с ротмистром Щербачевым решила быстро раздавить стачку. Балашев и Щербачев принимают репрессивные меры по отношению к забастовщикам. Полиция арестовала 3 сентября трех активных ее участников. Вечером ткачи явились в полицию и потребовали освобождения арестованных, на что полицейский чиновник вынужден был согласиться, так как коннополицейский отряд еще не прибыл. По прибытии отряда полиция вновь (5 сентября) их арестовала и отпратила в Духовщину. Затем было арестовано еще 6 человек и уволено 79 рабочих за активное участие в забастовке²¹.

Уволенным предложили немедленно выехать из фабричных квартир. «Просьбы рабочих оставить их на фабричных квартирах до подыскания подходящего жилья остаются без результатов. Рабочих, которые не освободят квартир к определенному сроку, грозят вывести при помощи полиции... Много рабочих уезжает в Ревель, Ригу и другие города»²².

Вечером 9 сентября директор фабрики И. Балашев объявил рабочим, что ткацкий отдел закрывается на неопределенное время. Выдача расчета будет производиться в понедельник 12 сентября²³. Чтобы воспрепятствовать приходу на работу ткачей, «по двору фабрики разъезжают усиленные патрули».

¹⁹ «Смоленский вестник» от 14 сентября 1911 г.

²¹ Запархив, св. 32, дело № 362.

²² «Смоленский вестник» от 11 сентября 1911 г.

²³ «Смоленский вестник» № 200 за 1911 г.

¹⁹ «Смоленский вестник» от 4 сентября 1911 г.

Газета «Смоленский вестник» 14 сентября сообщает, что «всем рабочим ткацкого отдела выдан расчет... на-днях начнется приемка ткачей вновь на фабрику. Приниматься будут только те из рабочих, которые получают аттестацию о благонадежности от мастера». Этим воспользовалась администрация, и при приеме вновь кое-кто «из подозрительных» рабочих не был принят. Таким образом от арестов, от увольнений 6 сентября и очистки при приеме вновь после 12 сентября пострадало, по сообщению «Смоленского вестника», более 150 человек. 17 сентября начал работать ткацкий отдел. Фабричная администрация, пользуясь недостаточной организованностью ткачей - забастовщиков, их изолированностью от прядильщиков, при помощи полиции раздавила забастовку. Хозяевам удалось выиграть стачку, уволить самых беспокойных рабочих, а часть их арестовать.

Администрация свела также некоторые старые счета с рабочими за июльскую забастовку 1911 г.

В числе уволенных, арестованных в сентябре мы видим рабочих-ткачей, активных участников июльской стачки. Выиграв забастовку, администрация совсем перестала выполнять свои июльские обещания, постепенно отменяя их в практической работе.

Потерпев поражение в июле, администрация ждала случая расплатиться за это с рабочими, изгнать забастовщиков, откачаться от уступок. Нужно было выбрать только удобный случай, застать рабочих врасплох и ударить.

Сентябрьская забастовка была таким удобным случаем, которым администрация воспользовалась для отмены июльских завоеваний рабочих.

Сентябрьская забастовка ткачей, продолжавшаяся с 2 по 17 сентября, кончилась. Рабочие, не будучи достаточно организованы, проиграли забастовку. Сопоставляя эту стачку с июльской, учитывая итоги обеих забастовок, ярцевские пролетарии должны были понять необходимость выступать организованно для борьбы с капиталом. Июльская забастовка, когда рабо-

чие фабрики выступили организованно, кончилась победой. Сентябрьская же стачка, которая застала рабочих неорганизованными, в которой собственно боролись только ткачи, была проиграна.

Ясно было, что отдельные частичные победы рабочих в борьбе с капиталом не могут быть прочными. Если у власти стоят эксплуататоры, если за Хлудовым стоят Иваненко и Щербачев, капиталисты даже свои небольшие обещания и уступки стараются ликвидировать, что мы и видим на примере июля и сентября 1911 г. в Ярцеве.

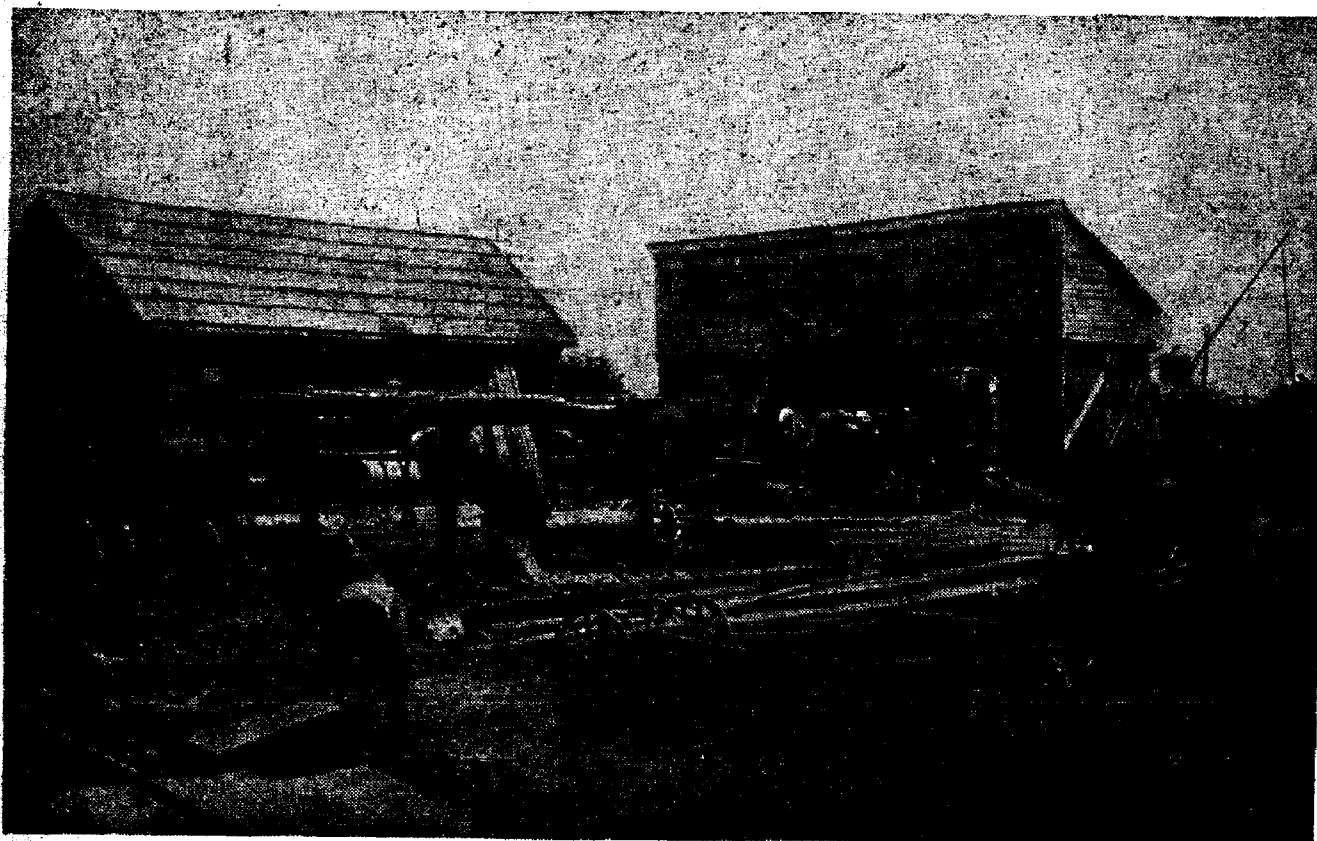
Рабочие должны были сделать вывод (и они потом сделали его), что чисто экономической борьбой с хозяевами ограничиваться нельзя, ибо сама-то так называемая экономическая борьба теснейшим образом зависима от общей политической обстановки, связана с политическими вопросами, и что следовательно надо бороться не за частичные экономические уступки со стороны хозяев.

Нет! Надо было бороться решительно, не на жизнь, а на смерть, за окончательное уничтожение экономической и политической власти эксплуататоров и конечно в полном единстве с борьбой рабочего класса всей страны, всей царской России. Для этого надо было объединиться под лозунгами большевиков не только ткачам и прядильщикам Ярцева, надо было объединиться и объединялся рабочий класс всей страны, поведший за собой забитое, угнетенное крестьянство всей России.

Те требования, за которые боролись ярцевские рабочие, начиная с первой своей забастовки в 1880 г., окончательно могла разрешить только пролетарская революция, установление диктатуры пролетариата.

Это должен был учесть ярцевский пролетариат, и он сделал из уроков 1911 г. и всего опыта классовой борьбы правильный вывод.

Пройдя через ряд мелких волнений на фабрике в 1913 и 1916 гг., переступив Февраль, ярцевские пролетарии вместе с рабочим классом России под руководством большевиков победоносно пришли к Октябрю.

КОЛХОЗ ВАЛДГЕЙМ

*Год работы еврейского переселенческого колхоза
Биробиджанского района, Дальневосточного края*

И. ГРИШМАН

ЧТО ТАКОЕ БИРОБИДЖАН?

Октябрьская революция разрешила национальный вопрос в бывшей царской России, покончила с угнетением и бесправием трудящихся масс различных национальностей и открыла перед ними широкую дорогу к строительству социализма. С особенной яркостью результаты национальной политики советской власти видны на положении трудящихся евреев—этого наиболее гавимого, наиболее преследуемого при царизме народа. До революции еврейские трудящиеся задыхались в тюрьме «черты еврейской оседлости», за пределами которой они не имели права жить. Им было запрещено заниматься земледелием, для них была закрыта школа, куда евреев пускали по процентной норме «куда попа-

дали преимущественно сынки богатых родителей. Антисемитизм пронизывал всю политику царского правительства и играл в его руках роль одного из важнейших средств борьбы против революции. Еврейская беднота, постоянно травимая, постоянно преследуемая, мучительно умирала в застенках «черты».

Октябрьская революция в буквальном смысле слова спасла еврейских трудящихся.

Перед трудящимися еврейскими массами открылся путь великой творческой работы по построению социализма. Сотни тысяч евреев работают на фабриках и заводах. Сотни тысяч бывшей местечковой бедноты переселились на ранее пустовавшие земли и взялись за ведение сельского хозяйства на основе коллективного

труда. Уже в 1928 г. переселенческие фонды в Европейской части СССР были полностью использованы, а потому ВЦИК издал декрет о заселении евреями-переселенцами Биробиджана — района исключительных возможностей по своим природным богатствам. Недра этого района таят в себе неиссякаемые запасы угля, железа, белого и черного мрамора, известняка, нефти и др. Леса Биробиджана богаты такими ценными породами, как дуб, бархатное дерево, белая и черная береза, ясень, сосна, разные лиственные породы. Реки Биробиджана богаты рыбой (свыше 30 пород). Охота является одним из самых прибыльных промыслов и дает громадный доход от дичи и пушнины.

За четыре года, прошедшие со времени заселения Биробиджана евреями (сейчас — свыше 5.000 чел.), район значительно вырос экономически: в 1932 г. в сравнении с прошлым годом посевная площадь увеличилась на 33 проц., коллективизировано 80 проц. крестьянских бедняцко-средняцких хозяйств, которые вместе с совхозами засевают 92 проц. земельной площади в районе. Прежние мелкие кустарные артели (гнутой мебели, известковая, деталей и др.) превращаются в крупные промышленные предприятия.

Крепнут колхозы. Коммуна «Икор» на основе слияния с украинской коммуной «Красный Октябрь» превращается в социалистический агрогород, в котором в этом году заканчивается строительство фабрик и предприятий и жилых домов на 5.000 семейств.

В районе идет быстрый рост крупнейших совхозов (в 1930 г. было 2, в 1931 г. — 6, а в 1932 г. будет 30 совхозов), в числе их — зерновой, свиноводческий, пчеловодческий на 30.000 ульев, птицеводческий, дающий продукцию свыше 40 тыс. кур в месяц, молочно-овощные совхозы. ВЦИК наметил в 1933 г. создать в Биробиджане еврейский автономный национальный район, для чего имеются все данные.

В административном центре района — в Тихонькой (теперь город Биробиджан) устроен аэродром. Таким образом с открытием прямой воздушной линии Москва — Владивосток Биробиджан непосредственно будет связан с этой аэролинией. Кроме того он имеет свой самолет для сообщения внутри района.

Биробиджан — первый на Дальнем Востоке район, где в каждом населенном пункте имеется телефон. Эти два обстоятельства — местная авиация и телефониза-

ция — значительно содействуют культурному и экономическому росту района.

Насколько быстро идет освоение таежного Биробиджана, можно судить по скорости строительства прунтовых и шоссежных дорог. Уже отстроены дороги: Валдгейм — Тихонькая — 12 километров, Тихонькая — Бирефельд — 60 километров, заканчивается постройкой шоссе Биробиджан — Амурский зерносовхоз, протяжением в 200 километров.

Совместными усилиями, единой интернациональной семьей, местное население — корейцы, русские, тунгусы, китайцы, переселенцы-евреи — строят социалистический Биробиджан. Если в царское время за 70 лет колонизации района было засеяно 13 тысяч га, то за один 1932 год посевная площадь увеличилась на 10 тыс. га, и сейчас посевная площадь Биробиджана составляет уже 38 тысяч га.

Как идет социалистическое строительство в Биробиджане, как живут и работают вновь прибывшие переселенцы, можно проследить на опыте работы еврейского колхоза Валдгейм.

Пример этого колхоза показывает, как из еврейской бедноты, из деклассированного люмпен-пролетария и еврея кустаря-одиночки или лотошника, благодаря правильной национальной политике коммунистической партии и советской власти, благодаря влиянию коллективного труда вырастет строитель социализма — еврей-колхозник.

За границей сотни тысяч трудящихся евреев жадно читают биробиджанские газеты и следят за стройкой автономного еврейского советского района на Дальнем Востоке.

Сотни заявлений поступают в ОЗЕТ от трудящихся евреев, живущих в Палестине, куда их в годы царской реакции звала сионистская агитация, рассказывавшая басни о «земле обетованной». 300 человек уже едут из этой «обетованной земли», что еще раз доказывает, что сионизм выражает интересы только еврейской буржуазии, а «обетованная земля» в Палестине является авантюрой, которая теперь с треском провалилась.

В то время как положение еврейских трудящихся масс Польши, Литвы, Западной Белоруссии, Палестины и Америки, особенно Аргентины, с каждым днем все ухудшается вследствие усугубляющегося экономического кризиса, в то время как там свирепствует фашизм и антисемитизм, в то время как в «культурной» Герма-

нии опорой буржуазии выступает фашистская партия, требующая «истребления иудеев и коммунистов»—СССР является страной, на которую с надеждой смотрят пролетариат всего мира, в том числе и еврейские рабочие. Несколько сот рабочих и специалистов, в прошлом приехавших из Польши, Литвы, САСШ и Аргентины, с энтузиазмом участвуют в строительстве социалистического Биробиджана.

Создание еврейской автономной единицы — проблема сегодняшнего дня. Эта задача проводится в соответствии с политикой партии при непримиримой борьбе со всякими проявлениями националистических настроений. Биробиджан, где население по своему национальному составу весьма разнообразно (украинцы, русские, корейцы, китайцы, тунгусские народности и евреи), перестраивается в еврейскую национальную единицу на основе строгой интернациональности, на основе тесного сотрудничества всех национальностей.

БОРЬБА С ТАЙГОЙ

Колхоз Валдгейм находится в 12 километрах от станции Тихонькая (Уссурийской жел. дор.) и в 4 верстах от раз'езда Икура. С Тихонькой колхоз связан прекрасной шоссейной дорогой, по которой налажено автомобильное сообщение, но до раз'езда Икура дорога до сих пор не устроена.

Общая площадь колхоза составляет около 25 тысяч гектаров. Почти в самом центре находится поселок Валдгейм.

В первые же годы Валдгейм освоил северную часть массива в 12—14 тысяч гектаров.

Вся территория колхоза состоит из релок (возвышенностей), окруженных падами (низменностями). Релки покрыты густым лесом (тайга), где встречаются черная и белая береза, дуб, бархатное дерево, кедр, липа, ясень, тополь и лиственницы. Пади покрыты преимущественно мелким кустарником или редкой порослью березника, но в большинстве—вейниковой растительностью. Десятки тысяч пудов этой прекрасной травы ежегодно пропадают, не будучи скошены из-за недостатка рабочих рук.

Во время дождливого периода (со середины июля до конца августа) вода реки Икуры заполняет пади. Это мешает правильному занятию земледелием. Поэтому в ближайшее время предполагается отвести р. Икуру через реку Безымянку в реку Биру. Для стока дождевой воды будет раскинута мелкая сеть осушительных кана-

лов. Мелиорация даст колхозу Валдгейм еще около 10.000 га пригодных для обработки земель. Около 20 тысяч гектаров занято тайгой, богатой не только ценным лесом, но и не менее ценным пушным зверем (медведи, тигры, лисицы и др.) и кабанами. Таковы природные богатства Валдгейма. Чтобы освоить эти богатства и обратить их на службу человеку, требуются рабочие руки. А таких рук до сих пор в Биробиджане, и в частности в Валдгейме, еще весьма недостаточно. Но уже теперь, на опыте одного этого колхоза, можно видеть, что только при условии свержения капиталистического гнета, только при диктатуре пролетариата и плановом хозяйстве можно в невиданных в истории размерах развить производительные силы.

В мае 1928 года первая партия еврейских переселенцев в два десятка человек прибыла в глухую тайгу — будущий поселок Валдгейм. Тяжело было этим пионерам бороться с тайгой. Не вынесли трудностей, сбежали двенадцать человек. А восемь, спаянных единой целью — научиться быть землеробами, стать из бедных евреев—«людей воздуха» (люфт-менч)—новыми людьми, строителями социалистического общества, продолжали раскорчевку. Сначала они жили в палатках, а затем перебрались в выстроенный ими сарай—первое человеческое жилище здесь в тайге.

Восемь евреев, вооруженных простой мотыгой, топором и пилой, вступили в борьбу с дремучей тайгой. Через два месяца на расчищенном месте были засеяны первые три гектара ячменя и ржи.

Представители восьми семейств разделились на две артели и принялись за постройку домов. Они твердо решили заняться земледелием и обосноваться здесь.

Пионеров-переселенцев не смущали трудности, и они упорно готовились к встрече зимы. Ни один из этой восьмерки не дрогнул, хотя до января 1929 года пришлось прожить в тесном маленьком сарае. Этот сарай (впоследствии он некоторое время служил кузницей) сохранился до сих пор—около здания почтового отделения—как напоминание о трудностях освоения таежных земель.

В январе 1929 г. были готовы первые три дома, в которые и перебрались пионеры колхоза Валдгейм. Весной 1929 г. прибыло еще несколько десятков семейств. Часть из них испугалась трудностей и уехала обратно, но те, которые остались, принялись с неменьшей энергией, чем их предшественники, за раскорчевку

гайги, за подготовку стройматериалов для домов. Летом 1929 г. работало уже три артели. Всего закрепилось 30 семейств. Выстроили 18 домов, раскорчевали 17 гектаров земли под посевы, а к осени 1929 г., когда организовалась четвертая артель, подготовили еще 30 га пахотной земли.

Ко времени основания Валдгейма на его территории работали сельскохозяйственные артели: «Нейльид» («Новый еврей»), «Заря Востока», «Кудимовка» и «Кырма».

ИЗ МЕЛКИХ АРТЕЛЕЙ— КРУПНЫЙ КОЛХОЗ

Но тяжело было работать этим карликовым артелям. В зимние вечера члены артелей подолгу беседовали о том, как лучше работать на земле, какие культуры наиболее выгодно сеять. Эти беседы, разговоры и зачастую резкие споры привели к одному выводу — надо объединиться в одно крупное коллективное хозяйство. 30 семейств—96 человек—уже акклиматизировались, многие из них приобрели опыт работы на земле, научились побеждать тайгу и доказали, что евреи умеют быть хорошими землеробами. Теперь перед ними стоит новая, величайшая историческая задача—встать на путь *социалистического труда*.

19 февраля 1930 г. организовался колхоз, которому на общем собрании решено было дать название «Валдгейм», что в переводе с еврейского языка значит «дом в лесу».

В мае колхоз фактически приступил к работе. Прибыли новые партии переселенцев. Не легко рождался крупный переселенческий колхоз из мелких тозов (товариществ по общественной обработке земли). Тут мешал проникший в товарищества классовый враг.

Трудности работы на земле смущали некоторую часть прибывших, и среди них началось обратничество. Отсев получился больше 40 процентов. Но те, кто остался, были стойкие, крепкие люди, горевшие энергией и желанием доказать, что они приехали в колхоз, чтобы стать полезными гражданами Советской республики, которая дала возможность миллионам нищих евреев вырваться из гето и перейти от мелкого ремесленничества и торгашества к участию в строительстве социализма.

Первый же год коллективной работы показал все значение общественного труда. Был учтен опыт прошлых лет, учтены ошибки, и оказалось, что самой большой

ошибкой была ставка на зерновые культуры, а содержание полудесятка свиней принесло значительную прибыль.

С весны 1931 г. было решено, что колхоз должен иметь животноводческо-огородное направление. Это подтвердил и райком партии в своем постановлении в сентябре 1931 г. Увеличили свиноводческую ферму. В качестве подсобных предприятий построили лесопилку и кирпичный завод с производительностью 300 тысяч кирпичей в год и приобрели 270 ульев.

Когда начали вести коллективное хозяйство, валдгеймовцы имели 30 коров. К июню 1931 г. стадо имело до 135 коров. Значительную часть скота получили из Сибири, часть — из Забайкалья, Приморья и других мест. Лучше всех оправдал себя приморский и сибирский скот. На пополнение своей молочной фермы оставили 10 проц. молодняка, остальной молодняк сдали на другие фермы.

Лошадей при организации колхоза было 30 штук. В 1930 г. количество лошадей увеличилось до 70 голов, а к весне 1931 г. прикупили 14 новых рабочих лошадей.

Свиное стадо, как самое доходное, растет исключительно быстро. Вначале у колхоза было всего лишь три свиньи, а уже в июле 1931 г. в стаде было 170 свиней и 46 поросят. Сейчас свиное стадо насчитывает до 400 с лишком голов.

Кроме того имеется 270 ульев. В индивидуальном пользовании колхозников имеются коровы, свиньи, домашняя птица.

Поселок имеет 45 домов, населенных исключительно колхозниками. Сначала идут небольшие домики — одноквартирки. Их 35. Это свидетели рождения еврейского поселка — первые дома поселенцев. Они разбросаны друг от друга довольно далеко. Между ними вклиниваются новые высокие и красивые, построенные из дуба дома. Эти дома из четырех и шести квартир — доказательство и неоспоримое свидетельство роста колхоза.

Быстро идет строительство хозяйственных построек и ширится жилищный фонд Валдгейма: за один год построено десять одноквартирок, четыре шестиквартирки, две четырехквартирки; здание, в котором помещаются: клуб, столовая, школа, детсад. Построен дом для яслей, больница, почтовое отделение и амбулатория. Весной 1931 г. построено два барака: один на 16, а другой на 20 квартир, лесопилка, три четырехквартирки, баня и специальная кухня для восточных рабочих (китайцев); кроме того за 1930 год выстроен барак на

сто, косяк для временных рабочих, затем омшанник на триста ульев, овощехранилище вместимостью 25 тысяч пудов овощей, силосная башня (на 40 тонн), кузница, колесная мастерская, прачечная, оранжерея, ветеринарный пункт, агропункт, свиноводник на 300 голов. Сейчас заканчивается достройка двух бараков на 20 и на 40 квартир, двух двухэтажных домов (один на 32, а другой на 40 квартир) и скотного двора по проекту белорусского Наркомзема на 200 голов. Колхоз электрифицирован. Колхоз крепнет.

В дремучей тайге, где три года тому назад кроме туч назойливой мошкары, гнуса, да дикого зверя ничего не было, сейчас раскинулся стройными рядами домов живописный поселок.

В глубь тайги, уже значительно поредевшей от раскорчевки, простираются хозяйственные постройки колхоза, огороды и поля.

С гордостью осматривают колхозники тысячи гектаров своих полей. Охотно делятся воспоминаниями о днях начала строительства Валдгейма, охотно рассказывают подробности. Если вдруг рассказ прервется вопросом: «А вот многие жалуются, что гнус мешает работать», колхозник не замедлит ответить: «Поживите хоть одно лето у нас, поработайте в поле и непременно привыкнете к укусам гнуса».

Действительно, пробывшие один год в Валдгейме на следующий год уже становятся невосприимчивыми к укусам комаров и мошкары и выходят в поле и на сенокос без комарника. Их кожа приобретает своеобразный иммунитет (невосприимчивость) и не ощущает укусов гнуса и комара. Вот почему старые колхозники, сочувствуя молодежи и вновь прибывшим переселенцам, заботливо снабжают их комарниками, которые уже на следующее лето для них становятся также ненужными.

Упорная работа, страстное желание переселенца победить тайгу и активно участвовать в стройке социалистического Биробиджана, переделать себя — бывшего нищего еврея, мелкого кустаря, люмпен-пролетария — в настоящего земледельца-колхозника рассеяли всякие легенды о том, что трудящиеся евреи не могут быть земледельцами и неспособны к коллективному труду.

ОБРАТНИЧЕСТВО И ПРИЧИНЫ ЕГО

Колхозу Валдгейм нехватает рабочих рук. Нужны люди. Вот почему так госте-

принято и доброжелательно принимают старые переселенцы-колхозники новых переселенцев, приезжающих зачастую с большими семьями, иногда плохо одетыми и обутыми. Их одевают, дают аванс, немедленно включают в свою колхозную семью, а детей на целый день отправляют в детский сад или в ясли. Но, несмотря на это, мы имеем налицо обратничество.

В мае 1930 г., ко времени организации колхоза, в него вошло 30 хозяйств в 96 человек. В течение 1930 г. прибыло новых переселенцев 293 человека. Из них выбыло 143 человека, т. е. обратничество тогда составило 46 процентов.

Чем можно объяснить такой большой процент уходящих из колхоза?

Прежде всего тем, что в первый год колхоз не мог полностью обеспечить всех жильем.

Изучая цифры обратничества, нужно отметить два момента: во-первых — возврат семейных весьма мал. Так в 1930 г. из 31 семьи только одна семья (3 человека) ушла из колхоза, не захотела остаться в колхозе по причине «малого заработка», иначе говоря, просто из рваческих стремлений. Во-вторых — уходят из колхоза большей частью в первую неделю. В 1930 г. в первую неделю ушло 89 человек, в следующую — 38, остальные 16 человек ушли, проживши свыше месяца.

Главная причина обратничества — крайне плохой, невнимательный отбор переселенцев как в местах выхода, так и в Тихонькой в особенности. Вербовщики на местах выхода, в погоне за количеством людей, не думали о качестве переселенцев и расписывали Биробиджан, как земной рай, что только вредно может отозваться на строительстве Биробиджана.

Биробиджан — действительно золотое дно. Его богатства неистощимы. Но эти богатства — в земле, в лесах, в реках и горах. Чтобы обратить их на службу человеку, необходимо применить труд. Биробиджану нужны люди с энергией, с большим желанием работать. Только труд дает свои результаты. Это наглядно показывает рост колхоза Валдгейм. Об этом говорит рост переселенческих коммун, многочисленных еврейских кустарных артелей.

Перед Биробиджаном стоит задача — сделать из еврейской бедноты квалифицированных землеробов-колхозников и рабочих фабрик и заводов, научить их применять социалистические методы труда, сделать из них действительно настоящих

строителей социалистического Биробиджана.

Нужно всем едущим в Биробиджан говорить правду. Только правильным освещением действительного состояния и условий Биробиджана возможно привлечение наибольшего количества переселенцев с наименьшим процентом возврата их. Это подтверждают и сами переселенцы. В то же время необходимо самое сугубое внимание обратить на подбор переселенцев. Ни в коем случае не допускать присылки больных, старых, а также лодырей и легунов.

Посылка явно непригодных для Биробиджана людей может быть прекращена при условии серьезного, внимательного отбора на местах выселения, под неослабным вниманием озетовской общественности.

Есть случаи присылки бывших торговцев и «гонцов за длинным рублем», которые, сегодня приехавши в колхоз, уже на завтра ставят перед правлением колхоза ультиматум: «платите не менее пяти рублей поденщины, а в члены колхоза вступать не будем». Таких шкурников было 53 человека, которые пробыли в колхозе с неделю и ушли, потому что колхозники дали им достойный отпор.

Иногда переселенец, прибывший без семьи, вынужден жить до ее приезда на два дома, имея заработок только на одного. Такой переселенец конечно вынужден сразу же выписать свою семью, что ему немедленно и предлагается правлением колхоза. Если он почему-либо не соглашается на это, то он требует большой оплаты своего труда, что не оправдывается производительностью его.

Близкое соседство г. Биробиджана, как районного центра, и расположение колхоза между двумя совхозами — птицеводческим и скотоводческим — также влияет на обратничество. Среди евреев еще есть значительная тяга к службе в учреждениях хотя бы даже курьером или сторожем, и поэтому некоторые тянутся к районному центру. Некоторые из переселенцев выражают желание впоследствии быть членами профсоюзов, или же опасаются потерять членство в профсоюзе, — вступивши в колхоз, и поэтому тянутся в совхоз. Привлекает в совхоз и соцстрахование. Все эти причины обратничества конечно вполне устранимы. Так например организованная недавно касса взаимопомощи значительно помогает многосемейным колхозникам.

Процент обратничества в 1931 г. по сравнению с 1930 г. значительно уменьшился главным образом потому, что значительно улучшились условия жизни в колхозе, особенно жилищные. Но обратничество не изжито, причем основные причины обратничества остались те же, на какие мы указывали выше.

На 15 июля 1932 г. в колхозе Валдгейм состояло 509 человек, из них 147 мужчин, 127 женщин, 203 детей и подростков, 16 стариков. На 1 же апреля, т. е. до прибытия новых поселенцев, было 288 едоков, из которых 92 мужчин, 71 женщина, 9 подростков, 105 детей и 11 человек престарелых.

Следовательно население колхоза увеличилось за счет вновь прибывших переселенцев более чем в два раза. Обратничество составило около 30 проц. Это цифра все же немалая.

Столовая для приезжающих.

УДАРНЫЕ БРИГАДЫ ЖЕНЩИН

Огородничество — самая доходная отрасль хозяйства колхоза Валдгейм. Колхозники вправе гордиться своими огородами. Огороды окружены исключительным вниманием и заботой не только со стороны взрослых, но и детей. Лучшие ударные бригады — на огороде. Шесть бригад показали на деле образцы ударничества, социсоревнования как в выполнении нормы, так и по трудовой дисциплине.

Впереди идет бригада молодежи. Пять девушек бригады Фриды Белявской показали образцы работы. За все время в бригаде не было ни одного прогула. Эта бригада заключила социдоговор с отстающей бригадой Левинзон, взяв ее на буксир. Социсоревнование и ударничество — верный способ борьбы с прогулами, и последние были быстро изжиты.

Вторая бригада — пожилых женщин. Бригадир т. Бланкова. Она умело, на основе социсоревнования, достигла того, что ее бригада стала образцовой. В бригаде восемь женщин — все из вновь прибывших переселенцев. Они впервые на огороде. Но при умелом руководстве опытной «старой» колхозницы т. Бланковой они показали образцы трудовой дисциплины и высокий рост производительности труда.

Успех работы женских бригад (а на огороде по прополке, окучиванию и уборке работают исключительно женщины) объясняется умелой постановкой организации труда. Молодой агроном-огородник, при-

ехавшая ранней весной, благодаря своему умелому руководству и энтузиазму в работе сумела организовать труд колхозниц и сделать этот труд на огороде приятным и любимым для всех колхозников, работающих под ее руководством. Она еще с весны каждую бригаду прикрепляла к определенной огородной культуре. Например за огурцами постоянное наблюдение и уход (прополка, поливка и т. д.) имеет та бригада, которая производила их посадку. Этим самым бригады учатся уходу за определенными культурами, изучают их рост и т. д. Кроме того такая расстановка сил содействует росту социалистического социсоревнования и ударничества, ликвидирует обезличку и воспитывает в колхозницах чувство ответственности за порученную работу. Социсоревнование и проведение в условиях т. Сталина дали результаты и на других участках колхозного строительства. Бригады доярок показали образцы ухода за скотом в смысле увеличения удойности коров и чистоты.

Участие женщин в общественно-политической жизни колхоза за последний год принимает более организованный характер. До 30 проц. женщин втянуто в работу секций сельсовета. Все женщины-колхозницы работают в колхозе на той или иной работе. Эти громадные успехи по 100 процентному привлечению женщин к труду и к общественно-политической работе были достигнуты тем, что хорошо поставили массовую работу среди женщин, а главное — путем создания общественной столовой, прачечной и образцовых дет-

В детском саду

ских учреждений, обеспечивающих освобождение женщины от домашних забот.

65 школьников в возрасте от 8 до 14 лет, сто детей в детском саду и около сотни малышей в яслях—таков «фонд», таково количество будущих колхозных «кадров» Валдгейма. Созданием и постановкой детских учреждений и детской организации Валдгейм может гордиться.

Пионерская организация, в которой объединены все дети колхоза и дети всех рабочих, работающих временно или постоянно в колхозе на тех или других подсобных предприятиях, имеет свое хозяйство. Целый день дети проводят у себя в хозяйстве в труде и отдыхе. Строгое распределение работ, строгое расписание дня:

свои часы для полевых и общественных работ, для чтения, купания, игр и т. п. Организовано прикрепление определенных групп для работ на огороде и по хозяйству.

Дети имеют свой огород в один гектар. Из животных имеются три свиньи. Особой заботой пользуются недавно полученные в подарок от соседнего птицеводства 200 штук цыплят.

Но у маленьких коммунаров не хватает инструментов, чтобы развивать технические навыки. Нет в их распоряжении даже самых простейших инструментов—топора, молотка, пилы.

Пионерская организация колхоза установила связь с пионерорганизацией колхоза Амурского.

ПРОДУКТЫ КОЛХОЗА— НА СОВЕТСКИЙ РЫНОК

Еще в прошлом году приступлено было к широкой закладке парников с целью обеспечения ранними овощами рабочих Хабаровска. Построена оранжерея. Вместо 120 парниковых рам, заложенных в 1930 г., заложили 600 рам и довели площадь под огородными культурами до 47 га. В первое же время были большие трудности в выполнении плана. Нехватало стекла для парниковых рам. Стекло — товар дефицитный, особенно в далеком Биробиджане. А если в феврале не заложить парниковых рам, — какой же смысл разводить рассаду в оранжерее? Что делать? Вот тут-то и сказались высокая сознательность колхозников, явно доказавших, что они не только научились работать на земле, но и переделали свою старую психологию. Вопрос о парниковых рамках колхозники разрешили весьма просто: повынимали зимние рамы из своих квартир и свезли их на огород в распоряжение г. Мостковой.

Результатом подобной колхозной спайки было то, что Валдгейм — единственный и первый колхоз на Дальнем Востоке — второй год дает в конце марта партии редиса, лука и салата рабочим г. Хабаровска (через ЦРК) и до июля снабжает кооперативный рынок, главным образом Хабаровска и Биробиджана, ранними овощами.

Весной колхоз отпустил рассаду корейскому колхозу «Карл Либкнехт» и разным другим организациям. Оранжерея не только полностью обеспечивает поля колхозов семенами всех культур, но большое количество семян выпускается для снабжения колхозов Биробиджана.

Весной 1931 г. было задание засеять 47 га разных культур. Это задание выполнено с превышением по таким культурам, как огурцы, кормовая свекла и фасоль.

Доход, полученный от хорошего урожая 1930 г., вполне убедил колхозников в том, что в Валдгейме надо заниматься огородничеством и животноводством, а не зерновыми культурами.

Наличие громадных площадей заливных лугов и исключительное плодородие почвы, дающей богатые урожаи кормовых трав, дает полную возможность развернуть животноводческое хозяйство. Даже теперь, когда молочное стадо Валдгейма еще не улучшено, удойность коров составляет более восьми литров в сутки.

В апреле 1931 г. были подведены итоги года работы колхоза Валдгейм. Ровно неделю продолжалась отчетно-перевыборная кампания. Председатель колхоза с цифрами в руках рассказывал о первоначальной работе колхоза. В прениях не замалчивались ошибки колхозников и правления. Нечего было таить причины недочетов. Да иначе нельзя было. Вот, в этом клубе, где с неделю идет деловой спор о работе колхоза, о его дальнейшей работе, ведь в прошлом году не собирались! Не было этого клуба! Не было его, как не было десятка новых домов, больших, светлых, чистых, как не было общественной столовой, школы, читальни-библиотеки, больницы, детплощадки, яслей. Все это принес только один первый год колхозной работы.

Несомненным, очевидным для всех является то, что второй год будет еще более удачным. Тов. Школьник указал на фактах, подтвердил их цифрами, куда должно пойти дальнейшее развитие колхоза.

На зерновых культурах (овес, гречиха, пшеница) колхоз потерял 3.699 рублей убытка. Огородные же культуры дали 5.678 рублей прибыли.

Свиноводство, на которое не обращали особого внимания, принесло 2.382 рубля дохода.

А пчеловодство? Начали с 20 ульев, а через год стало 270 ульев. За один год получили 4.260 килограммов товарного меда.

Годичная практика доказала, что коллективное ведение хозяйства исключительно выгодно. Год коллективной работы со всей убедительностью, яркими фактами доказал, что нужно развивать огородничество, животноводство (и в частности свиной) и пчеловодство.

И вполне правы были те колхозники, которые в прениях на отчетном собрании говорили:

— Нескоро до тысяч рублей дохода — это далеко не все. Опыт, приобретенный еврейскими тружениками на земле, важнее и ценнее всякой прибыли и не может измеряться деньгами.

И после недельного обсуждения на всех собраниях (на женском, молодежном и общеколхозном) было выбрано правление во главе с тем же председателем, умелым руководителем полутысячной колхозной массы, пионером переселения в Биробиджан г. Школьником.

Животноводство, как и огородничество, является основой хозяйства Валдгейма. Первостепенной задачей колхоза является отбор ценных в отношении удойности коров и отбор наиболее выгодных в товарном отношении свиней, развитие огородничества, развитие травосеяния сочных (силосных) кормов и строительство скотных дворов. Уже сейчас имеется большой коровник на 170 голов и строится по последнему слову техники новый коровник на 200 голов, конюшня на 70 лошадей и свиноводник на 300 штук свиней.

В 1930 г. вследствие нехватки кормов на Дальнем Востоке колхозу Валдгейм не удалось сделать достаточных запасов кормов. Этот недочет учтен. Теперь колхоз строго высчитал потребность в кормах. Приняты все меры к обеспечению стада не только сеном, но и прочими кормами, особенно сочными. Для обеспечения сочными кормами построена силосная башня вместимостью в 40 тонн и траншея в 25 тонн.

По составлению производственных планов колхоз Валдгейм является примерным. Его опыт передается по решению райкома всем переселенческим колхозам Биробиджана.

Правильное составление производственных планов обеспечивает в конечном итоге хозяйственное укрепление колхоза в целом. Перед колхозом стоит одна из важнейших задач: дать наибольшее количество своей продукции рабочим Хабаровска и своего района. Уже в этом году колхоз, помимо ранних (парниковых) овощей, должен дать в два раза больше меда и значительное количество молочной и мясной продукции. налажена систематическая доставка молочных продуктов на заводы Биробиджана (12 км.). Организована переработка молока. Сырками и маслом будут снабжаться ЗРК заводов Хабаровска.

Таким образом колхоз благодаря плановости в работе не только крепнет организационно, но повышает материальный уровень колхозников и обеспечивает аккуратное погашение полученных от государства осуд.

ПРАВИЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА РЕШАЕТ УСПЕХ

Колхоз Валдгейм при самом своем возникновении в основу организации труда положил принцип сдельщины. Нормы выработки установлены во всех отраслях труда за исключением некоторых хозяйственных работ. На этом участке сдельщина

отсутствует. Это некоторые члены правления колхоза объясняют тем, что «организовать хозяйственные работы сдельно в период весенней посевной кампании не представляется возможным по причине нехватки людей», и, как следствие этого, люди в течение дня выполняют разные работы. В этом объяснении и кроется большая ошибка. Вполне ясна вся вредность такого объяснения. Только при введении сдельщины возможна экономия людской силы. А это исключительно важно в колхозе Валдгейм, где недостаток людей дает себя чувствовать особенно сильно.

Сдельщина является единственно правильным способом организации труда в колхозе, она позволяет заинтересовать каждого колхозника в результатах труда.

Практика весенних работ в Валдгейме показала со всей ясностью преимущества сдельщины и влияние последней на рост производительности труда, на качество работы и экономию рабочих рук. Кроме того введение сдельщины значительно укрепило трудовую дисциплину в среде колхозников. Сдельщина применяется во всех отраслях работы за исключением хозяйственных работ. А так как в таком колхозе, как Валдгейм, хозяйственных работ немало (вследствие огородно-животноводческого направления и большого строительства) да кроме того на этих работах в большинстве бываю заняты вновь прибывшие переселенцы, то отсутствие сдельщины на хозяйственных работах порождает массу недоразумений. Ввиду отсутствия определенной нормы расценки на мелкие хозяйственные работы в конторе ежедневно утром и вечером толкучка, спор об оплате. Все это ведет к нарушению трудовой дисциплины, а иногда и к враждебным настроениям.

Нормы расценки труда по отдельным отраслям работы не вызывают споров, так как они приняты на общем собрании, а предварительно были проработаны и обсуждены на всех производственных совещаниях и в бригадах. То же самое — и в определении категорий. Но эти категории фактически замазывают всю суть сдельщины. Они определены так: тяжелые работы — один с четвертью — полтора трудодня, средние — один трудодень, легкие — три четверти трудодня. И тут же в расчетной книжке производится перевод на деньги: за тяжелые работы — 2 руб. 80 коп., средние — 2 рубля и легкие — 1 руб. 50 коп. в день.

Получается искажение сдельщины, так как оплата труда производится деньгами,

т. е. как в совхозе. Это усугубляется (что отметил райком в своем мартовском постановлении 1932 г.) еще тем, что в колхозе среди отдельных, правда немногих, лиц имеются вредные, явно оппортунистические настроения о реорганизации колхоза в совхоз. Такие настроения иногда проникают и в среду новых переселенцев. Между тем некоторые из последних не научились еще расценивать свой труд иначе как на деньги, и часть из них, зараженная рваческими настроениями, подхватывает такие настроения и начинает ратовать за реорганизацию колхоза в совхоз.

— Это тем более возможно,—говорят они,—что Валдгейм—колхоз переселенческий, в него вновь прибывающие переселенцы ничего не вкладывают.

Такой расчет и применение сдельщины, когда трудодни тут же переводятся на деньги, совершенно не могут заинтересовать нового колхозника в росте колхоза, не прививают навыков коллективного труда и тем самым слабо воспитывают его в духе обобщественного ведения хозяйства. Мартовское постановление райкома партии указало на эту ошибку валдгеймовцев; отметив, что отсутствие подлинной сдельщины тормозит организационно-хозяйственное укрепление колхоза, райком предложил перестроить работу в сторону полного введения сдельщины.

В БОРЬБЕ НА ДВА ФРОНТА

Партийная и комсомольская организации колхоза только недавно переключились на решительную борьбу с теми, кто пытался и пытается защищать оплату труда деньгами, в корне противоречащую решениям партии, кто пытался ссылками на специфичность переселенческих еврейских колхозов смазать имеющуюся в них классовую борьбу. До этого же времени партийная и комсомольская организации колхоза недостаточно активно вели борьбу с недочетами, имеющимися в колхозе. Поэтому оппортунистические вылазки отдельных колхозников были выявлены не только при введении сдельщины. Еще раньше, в январе прошлого года, член райком т. Ячин, поместив статью об итогах работы райисполкома за первые полгода, ни словом не обмолвился в ней о классовой борьбе, происходящей в районе. Это не являлось просто случайностью, что кулак и вообще классовый враг выпал из поля зрения т. Ячина. Оппортунисты развивали оппортунисти-

ческие идеи, что в переселенческих еврейских колхозах не может быть классовой борьбы. «В наши колхозы,—заявляли такие оппортунисты,—подбираются трудящиеся евреи, беднота, значит при таком отборе классовый враг — кулак и торговец — проникнуть не может».

Конечно это совершенно не верно. Такая легковесная аргументация оппортунистов опровергается многочисленными фактами из жизни колхоза. Прежде всего ясно для каждого, что в еврейский колхоз приходят нередко люди, которые далеко не отрешились от мелкобуржуазной идеологии, и зачастую в них еще крепко сидит дух вчерашнего мелкого собственника. Наряду с беднотой в них пролезают иногда и настоящие классовые враги—мелкие торговцы и «люфт-менчи», цепляющиеся за старое, пытающиеся подчинить колхоз своему классовому влиянию. Следовательно и в переселенческий колхоз просачивается враждебная рабочему классу мелкобуржуазная идеология. При таком положении классовая борьба в колхозе не снимается, а наоборот, продолжается.

Тов. Яковлев на Всесоюзном съезде советов говорил:

«Было бы чудом, если бы сразу, в один год или же в два года, вчерашний крестьянин, мелкий собственник, в котором десятками поколений создавались определенные навыки, привычки, строй мыслей, чтобы этот крестьянин сразу же превратился в примерного работника общественного хозяйства. Он должен в артели пройти школу общественного труда, он должен на основе сдельщины, на основе распределения доходов по труду, на основе одновременного развертывания ударничества и социалистического соревнования, сочетаемого с материальной заинтересованностью колхозника в результатах своего труда, привыкнуть к общественному хозяйству».

Вот почему здесь нужно правильно определять задачу, за решение этой задачи вести борьбу, опираясь на весь колхозный актив, на всю массу колхозников.

Будут еще тысячи случаев рваческого отношения к труду, к доходам в общественном хозяйстве. Тысячи случаев будут иметь место, когда колхозники будут смотреть на общественный труд как на нечто чужое, как на нечто такое, от чего нужно отделаться, как на нечто такое, от чего нужно урвать побольше, а затем удрать.

По этому поводу более чем своевременно вспомнить то, что говорил Ленин по ана-

логичным вопросам в 1918 г. Вы помните, в 1918 г., когда была закончена экспроприация буржуазии, Ленин в качестве центральной задачи выдвинул борьбу со старой привычкой смотреть на труд с точки зрения подневольного человека, борьбу с таким отношением к труду, когда люди стремятся освободиться от лишних тягот, смотрят на труд, как на средство просто урвать у буржуазии, не понимая того, что характер труда совершенно изменился при переходе от хозяйства капиталистического к хозяйству социалистическому» (из речи т. Яковлева на VI сезде советов). Факты из жизни колхоза Валдгейм со всей очевидностью подтверждают, что в этом колхозе (так же, как и в других) имеются элементы классовой борьбы, хотя они не проявляются так остро, как это мы видим в коренных колхозах и деревнях. Это объясняется тем, что коренное население Биробиджана состоит из бывших казаков-поселенцев, в большинстве своем «стодесятинников», которые имели большое количество земли и ранее пользовались от царского правительства льготами и в то же время нещадно эксплуатировали китайцев, корейцев и тунгусов. Пришедшие позднее (в послереволюционные годы) крестьяне уже имели меньше земли и худшего качества. Встречались они старожилыми крайне неприязненно.

Рост коллективизации еще более способствовал классовому расслоению деревни. На основе сплошной коллективизации произошло раскулачивание. Некоторые кулаки под тем или иным предлогом проникли в поселок Валдгейм в качестве подсобных рабочих (плотников, рубщиков, на кирпичный завод и т. д.). Такое соседство при наличии обратничества и неустойчивых колхозников-евреев и при быстрых темпах строительства самого крупного колхоза в Биробиджане вызвало особые формы и приемы классовой борьбы.

В первое время враждебные элементы сеяли национальную рознь между евреями и китайцами, натравливая их друг на друга. Были случаи антисемитизма. Так например китайцев-рабочих, занятых на постройке домов и хозяйственных строений, живших суровой зимой в сарае без окон, в течение месяца не могли переселить в специально выстроенный для них барак. Целый месяц бились партиячка и сельсовет над тем, чтобы найти причину нежелания покинуть грязный сарай. С трудом переселили 20 чел., а остальные 15 рабочих-китайцев продолжали в 35-градусный

мороз ютиться в сарае. Почему так полюбился этим китайцам сарай? Оказывается, кулаки и спекулянты доставляли для них опий, а в темном сарае было легче скрыться и безнаказанно заниматься опиекурением, чем в светлом, чистом бараке со специальной кухней и столовой, из которой рабочие-китайцы получают свои национальные кушанья.

Но как только была удалена причина, мешавшая переселению китайцев в барак, и когда они все стали жить в новом бараке и началась среди них политпросветработа, многие китайцы стали активными общественниками. Сейчас в составе еврейского колхоза можно встретить русского, украинца, корейца, китайца и тунгуса.

Классовая борьба в интернациональном колхозе принимает своеобразные формы. Она проявляется в том, что враждебные элементы стараются посеять раздор среди евреев и других националов. Это удается редко. Тогда классовый враг, поддерживая оппортунистические настроения о совхозизации колхоза, стремится протолкнуть враждебные и другие настроения. Здесь вполне оправдываются слова т. Сталина, что «капиталистические элементы не хотят добровольно уходить со сцены, они сопротивляются и будут сопротивляться социализму, видя, что наступают последние дни их существования» (Сталин, «Вопросы ленинизма»).

В колхозе Валдгейм классовый враг применяет те же формы борьбы, что и в других колхозах. Цель его одна и та же: противодействовать применению и росту новых форм и методов социалистического труда, всячески задерживать рост колхозного хозяйства. В колхозе были случаи, когда классовый враг сеял слухи о непригодности евреев к земледельческому труду. Когда же колхоз на глазах окружающего населения стал расти и крепнуть, кулак, действуя через подкулачников и малознательных, проводил борьбу против введения сдельщины, отстаивая поденщину, провоцировал введение слишком высоких норм, чтобы тем самым вызвать недовольство и дискредитировать сдельщину.

Агитация за поедоцкий принцип, за уравниловку, за обезличку, против соревнования и ударничества, против всего того, что может вызвать стимул к повышению производительности, а значит и укрепление колхоза, стремление нарушить труддисциплину, сорвать единоначалие в бригаде, а иногда и дискредитация руководства колхоза — вот те методы, которые применял

и применяет классовый враг в колхозе Валдгейм.

Склоки, которые наблюдались в колхозе, использовались классовым врагом, который стремился разжигать эти склоки и натравливать одну часть колхозников на другую.

Следовательно максимум пролетарской бдительности и революционной настороженности к вылазкам классового врага — первоочередная задача партийной ячейки Валдгейма.

Партячейка Валдгейма выросла в колхозе недавно. Ячейка крайне малочисленна, и рост ее до последнего времени шел крайне медленно.

Сейчас в Валдгейме всего лишь 5 членов партии (из них 2 кандидата) и 30 комсомольцев. Такое незначительное партийное ядро в колхозе объясняется тем, что переселение евреев в Биробиджан шло до этого года недостаточно организованно и совершенно без учета необходимости укреплять партийное ядро в колхозе. Была допущена ошибка, что всех комсомольцев объединили в одной коммуне («Икор»). Партийцы и остальная часть комсомольцев, как правило, оставались на хозяйственной и административной работе в Тихонькой (г. Биробиджан) в районных учреждениях.

Малочисленность партийной ячейки в Валдгейме объясняется еще и тем, что парторганизация в Биробиджане вообще еще молода. Только за последний год районная парторганизация пополнилась 224 чел. (увеличение на 36,6 проц.) и сейчас насчитывает 725 чел. Значительный процент кандидатов партии можно объяснить тем, что они слабо, медленно переводятся в члены партии.

По социальному составу в парторганизации 53 проц. рабочих, 39 проц. колхозников и 7 проц. служащих. Характерен для биробиджанской парторганизации национальный состав ее: 449 русских, евреев — 111, корейцев — 108, китайцев — 6, украинцев — 49, тунгусов — 4.

Рост парторганизации идет недостаточно. Бездеятельность многих партячек в деле приема в партию, а также слабый охват партпросвещением (40 проц.) и плохое качество учебы — таковы причины отставания.

Задачи, стоящие перед парторганизацией Биробиджана, требуют максимального увеличения темпов партработы и улучшения качества ее во всех областях. Работа по созданию автономного еврейского

района предстоит огромная, и ее надо выполнить, беспощадно давая отпор всем классовым врагам. Только при условии четкого проведения генеральной линии партии переселенческий колхоз Валдгейм будет передовым в деле полного осуществления социалистических методов труда в коллективном хозяйстве.

ЭНТУЗΙΑЗМ УДАРНИЧЕСТВА И СОЦСОРЕВНОВАНИЯ

Ясно, что не сразу, не в неделю и не в месяц из недавнего еврея люмпен-пролетария или мелкого кустаря-ремесленника, нищего «люфт-менча» выработался примерный колхозник, передовик-общественник.

Колхозники Валдгейма в большинстве своем стали строителями социалистического хозяйства. Они совершенно не помышляют об обратничестве. В Валдгейме уже вырабатываются свои традиции, традиции колхозников, усвоивших навыки колхозного труда, установивших своеобразные взаимоотношения между старыми и новыми переселенцами, абсолютно чуждыми всякой неприязни друг к другу. Выработались твердые взгляды и исключительная рачительность к своему колхозу. Соцсоревнование и ударничество охватили все отрасли работы.

Мы посетили колхоз, когда там сенокос был в полном разгаре. Косильщиков немного: 60 человек. Но у них большое задание: скосить тысячу тонн сена, чтобы вдоволь обеспечить сеном до будущего лета все стадо Валдгейма. И каждый косильщик прекрасно знает, что никакие объективные причины не могут служить оправданием невыполнения плана сенокоса.

Взяты ударные темпы. Организовано шесть бригад. Каждая бригада имеет твердое задание, которое не только выполняется, но часто и перевыполняется. За первые две десятидневки скошено и убрано (заметано в стога) более трехсот тонн (около 20.000 пудов). Темпы работы обеспечивают выполнение программы сенокосения. Уборка овощей также обеспечена. На полях и огородах энергично работают бригады женщин.

Работают валдгеймовцы с полным сознанием того, что их труд не подневольный, а радостный труд, — такой труд, который стал действительно делом чести, доблести и славы. Поэтому колхозники, особенно работающие на сенокосе, спешат. Они увеличили свой рабочий день до 12 часов. В противном случае июльские и августовские дожди помешают выполнить программу сенокосения.

Таков трудовой энтузиазм колхозников Валдгейма!

О людях колхоза Валдгейм напишут книги. И первая глава ее будет посвящена председателю колхоза т. Школьнику.

Тов. Школьник—один из организаторов и вдохновителей колхоза Валдгейм. До приезда сюда он работал извозчиком в Днепропетровске. Здесь же, в Валдгейме, он вырос в передового колхозника, стал членом партии. Школьник всегда занят. Он выкидывает, как настоящий хозяин, в каждую мелочь. Он внимателен к нуждам каждого колхозника, он требователен к работе, но он и сам в ней является примером: энергичен, трудолюбив, всегда пылает энтузиазмом. Он сложа руки не сидит ни минуты.

Агроном сигнализирует: нужно вырыть траншею для силоса, а рабочих рук в колхозе мало. Значит надо устроить субботник. Капуста тронута червем—также надо принять срочные, энергичные меры. И тут и там работа внеочередная и непредусмотренная производственным планом колхоза. И на субботнике в первых рядах с заступом и лопатой—т. Школьник. Он—образец ударника.

На всех участках в повседневной работе проявляют себя колхозники. При постройке лесопилки главной задержкой был артезианский колодец. Копали его поздней зимой. Земля—камень, а вода—на большой глубине.

Радость охватила рабочих, когда китаец Ван Чи-шен, заглянув в скважину, увидел воду. Кончены мучительные дни! Локомотив теперь обеспечен, и лесопилка работает полным ходом. Но когда Ван Чи-шен заглянул в узкое горло глубокой скважины,—вода сочилась сбоку сквозь рыхлый супесчаник и, смешиваясь с землей, как сгустки крови, хлопьями падала на дно. Со дна ему кивнуло черное, изломанное рельефом собственное отражение. Конец работы показался самым страшным, непроходимым горным хребтом. Ван Чи-шен попытался.

Отказался спуститься кто-либо и из остальных рабочих.

Рогинский никакого отношения к земляным работам не имеет. Он плотник и работает в колхозе Валдгейм десятником от стройконторы. Но Рогинский спит и видит—скорее оборудовать лесопилку. Он бросил свою непосредственную работу и прибежал к колодезю:

— Вы отказываетесь? Так я спущусь!

Рогинский работал по колено в воде и по-ударному закончил колодец. Когда он

поднялся наверх, то люди смотрели на его ноги, едва прикрытые холстинными портянками, обутые в худые ботинки военного образца, заглядывали в его серые глаза и спрашивали:

— Не холодно?

— В Белоруссии я ходил в лаптях и прожил жизнь с мокрыми ногами. Утром промоешь ноги, а потом и не чувствуешь.

Тов. Рогинский, как мы сказали, работает в Валдгейме десятником. При его непосредственном участии идет стройка жилых и всех хозяйственных строений колхоза. Колхоз—в тайге, а лес на строительство не заготовлен. Весна уже наступает. Приезжают первые партии переселенцев. Надо спешить с постройкой бараков. И т. Рогинский на свой страх и риск, с одобрения т. Школьника, начал осуществлять быстро и решительно свой план.

Немедленно все плотники были мобилизованы Рогинским и во главе с ним начали по склонам сопок заготавливать сухостой. Под дружными сильными ударами топора падали трехсаженные великаны. С неделю вокруг Валдгейма с раннего утра и до позднего вечера продолжался стук топора и визг пилы.

Сухостой оказался прекрасным строительным материалом. По проекту Рогинского был построен барак на 32 комнаты. Каждая комната отделена от другой капитальной стеной. Коридорная система изолирует каждую комнату. По такому же проекту сейчас закончен второй барак на 40 комнат. Бараки, построенные из сухостоя, ценны тем, что они не оседают, и таким образом их сразу можно конопатить.

Таковы «секреты» Рогинского. Основа этих секретов—энтузиазм, желание работать плюс смекалка.

Живой свидетель успехов колхоза—учитель школы т. Элькин, плотник, выдвинутый на культработу.

Из плотника в учителя—таков путь т. Элькина, который в то же время заведует клубом.

Тов. Элькин работает вдвоем с учительницей т. Краснер в наименее трудных условиях. В тесной школе они ухитряются заниматься с четырьмя группами, вести уроки одновременно на двух языках—еврейском и русском,—хотя в каждой группе только по 3—4 русских ребят. Но учитывая это, учителя ни под каким видом не хотят оставить их неграмотными. Элькин руководит культработой. Он сумел в клубную

работу вовлечь китайских рабочих, которые выступают на вечерах. Он развернул большую шефскую работу в окружающих деревнях.

РАБОТА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ

По инициативе т. Элькина, в период весенней посевной кампании организовали так называемый «культкомбайн», в состав которого вошли учитель, агроном, фельдшер, культурник и начальник культкомбайна — представитель партийной ячейки колхоза Валдгейм. Этот культполитпросветительный комбайн выехал в окружающие села Желтый Яр и Пронькино Протока (18—20 км. от Валдгейма). Впервые в глухих таежных селах была выпущена стенная газета, проведены беседы на медицинские и агрономические темы, обследовано состояние здоровья крестьян и т. д.

Благодаря агитмассовой работе, проведенной культкомбайном, и выпущенным стенгазетам в этих селениях удалось разоблачить вредительство кулачества, занимавшегося разбазариванием хлеба и мяса и хищническим убоем скота. Пришлось выдержать ожесточенную борьбу с кулаками и их подголосками, в результате в обоих селах были организованы колхозы, детские площадки и ясли. Фельдшером принято более полсотни больных и оказана медицинская помощь. Агрономом даны ответы на ряд вопросов по проведению весенней посевной кампании. Был организован ликбез, проведена работа школ и создана ячейка МОПР.

Выезды культкомбайна дали исключительно хорошие результаты. Этот культкомбайн всколыхнул бедняцко-средняцкую массу в селе Пронькино, в котором вскоре 12 бедняцких хозяйств объединились в колхоз и на основе сплошной коллективизации деревни выселили кулаков. В Желтом Яре также проведена работа по организации колхоза. У крестьян появилась сильная тяга в колхоз Валдгейм, который стал шефом этих сел.

Колхозники Валдгейма предложили и другим колхозам использовать их опыт с организацией культкомбайна. Только оппортунисты считают, что незачем работать вне колхоза, что работа среди единоличников других деревень (тем более — в тайге, за 20 км.) — не дело колхозников. Другие говорят явно языком оппортунистов, что единоличники «сами придут в колхоз». Совсем иначе рассудили партиячейка Валдгейма и его передовики — беспартийные колхозники, специалисты, культурники и общественники, которые организацией

первого на Дальнем Востоке культкомбайна показали не только спайку еврейских колхозников с окружающим населением, но и пример того, как надо проводить массовую работу среди единоличников.

Работа колхоза Валдгейм среди окружающего населения — лучшее оружие в борьбе с классовым врагом, в борьбе с антисемитизмом, в борьбе за практическое осуществление ленинской национальной политики.

Поселок Валдгейм — колхозный поселок, но в нем около 1.000 человек жителей, из которых почти половина (с семьями) не члены колхоза: сезонные рабочие, плотники, специалисты и т. д. В поселке имеется сельсовет. Руководство, работа сельсовета сказываются во всех отраслях колхоза.

Председатель сельсовета — колхозник Александр Бланк, или, как его зовут все колхозники, Саша.

Саша — пионер переселения. Он, бывший кустарь, выдвинулся своей энергией, неутомимой общественной работой. Саша — незаменимый массовик. Колхоз вырастил из него комсомольца и выковал большевика.

Когда в конце июня был получен номер газеты, в котором говорилось о выпуске нового займа «Третьего, решающего года пятилетки» и о вызове колхозников Ивановской области, то Саша, не дожидаясь директив сверху, собрал общее собрание населения Валдгейма, и все жители поселка подписались на заем, причем колхозники на 20 проц. перевыполнили задание. Выдвинули встречный план, увеличив задание своего района еще на 30 проц., и этот план по реализации займа в первые же пять дней был выполнен на 110 проц.

Работа сельсовета и всех его секций поставлена так, что в них широко вовлечены массы. Это чувствуется во всей жизни колхоза и подсобных предприятий. Работа сельсовета согласована, тесно увязана с правлением колхоза.

Валдгейм растет и крепнет. Заявления маловеров и оппортунистов, что Биробиджан освоить невозможно, разбиты историческим ходом событий. Четыре года существования Биробиджана как центра еврейского заселения еще раз воочию убеждают не только трудящихся евреев СССР, но и евреев Палестины, Америки и Западной Европы, что только благодаря правильной национальной политике советской власти ранее угнетенные национальности, освобожденные Октябрьской революцией, принимают активное участие в успешном строительстве социализма в Советской стране.

С. РУБАН

„ЛЕНИН О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ“

Партиздат, 1932 г., 64 стр.

Ст. ТОЛЬЦЕР

Перед историческим фронтом во всей остроте стоит задача систематического изучения и разработки ленинского наследства и указаний Сталина. Ленинский этап развития исторической науки, который мы сейчас переживаем, требует систематического изучения всех высказываний Ленина и Сталина, относящихся как к общим вопросам исторической науки, так и к отдельным историческим проблемам.

Особое значение имеет конечно разработка указаний Ленина и Сталина, относящихся к истории пролетарских революций. История пролетариата, история мировой борьбы рабочего класса за свое освобождение, история большевизма и его борьбы со всякого рода оппортунизмом и центризмом представляют собой центральные вопросы исторической науки. По этим вопросам изучение высказываний и указаний Ленина и Сталина особенно важно. При этом изучении и разработке необходимо прежде всего рассмотреть полностью всех их высказываний, относящихся к данному вопросу, и разработка этих указаний на основе нового (конкретного) исторического материала.

Два слова по поводу первой задачи. Дело в том, что у Ленина (если говорить о ленинском наследстве) имеется очень много замечательных высказываний, определенных указаний, относящихся к мировой истории и заключающихся не только в статьях, тематически посвященных вопросам борьбы рабочего класса в Западной Европе и Америке. Известно, что например в своих статьях, посвященных революции 1905 г., Ленин дал замечательный анализ таких величайших событий в истории XVIII и XIX столетий, как Великая французская революция, революция 1848 г., Парижская коммуна и т. д.

В своих речах и статьях, относящихся например к периоду мировой войны и Октябрьской революции, Владимир Ильич

очень часто, говоря о большевизме как последнем слове научного социализма, обращается снова, как и в период революции 1905 года, к опыту западноевропейской борьбы и говорит об итогах всей мировой истории, всей истории борьбы пролетариата за власть.

Большевистская теория и тактика пролетарской революции, являющийся продолжением и дальнейшим развитием учения Маркса о пролетарской диктатуре, представляют собою научное обобщение всей истории мировой борьбы рабочего класса.

Марксизм, говорил не раз Ленин, есть вывод, которому учит мировая история.

Тот факт, что Ленин, большевизм вообще, поднял учение Маркса на новую, более высокую ступень, развил учение Маркса в новых исторических условиях, означает, что Ленин и большевики, продолжая учение Маркса, по-новому разработали вопросы пролетарской революции, привлекая к этой разработке материал всей истории XIX и XX веков.

Возьмем например вопрос о Парижской коммуне.

Ленин не просто восстановил искаженное II интернационалом учение Маркса о Парижской коммуне. Ленин в свете революций 1905 и 1917 гг., в свете анализа новой исторической эпохи по-новому осветил историческое значение Парижской коммуны как зародыша советской власти, связав ее историческое значение со всем последующим развитием борьбы рабочего класса за установление своего господства.

Парижская коммуна, будучи по самому существу своему пролетарской революцией, открыла период борьбы пролетариата за власть. И совершенно очевидно, что те черты, которые имела Парижская коммуна, как рабочее правительство, должны были получить свое развитие, свое совершенствование во всей дальнейшей победоносной борьбе рабочего класса. В этом смысле Ленин и говорил, что Парижская коммуна была зародышем советской власти.

Осветить взгляды Ленина на вопрос о Парижской коммуне—это значит таким образом показать, как Ленин восстановил учение Маркса о Парижской коммуне, а также показать все величайшее теоретическое и политическое значение разработки

и подлинной научной, большевистской оценки Парижской коммуны для борьбы рабочего класса. Это в свою очередь означает, что необходимо показать, как Ленин, борясь против оппортунизма и центризма во II интернационале, очищая марксизм от всех искажений и извращений вождей международной социал-демократии, двинул дальше разработку вопросов о государстве, о пролетарской диктатуре, привлекая для этой разработки анализ опыта Парижской коммуны; как он использовал опыт Коммуны для дальнейшей теоретической разработки вопросов пролетарской революции — диктатуры пролетариата.

Издание ряда брошюр, систематически излагающих для партактива взгляды Ленина на отдельные исторические вопросы, имеет большое значение. Следует только пожелать (это относится также и к рецензируемой брошюре), чтобы научная разработка взглядов Ленина велась бы не только путем систематического изложения взглядов Ленина и Сталина, а чтобы к этому и на основе этого привлекался бы только богатый конкретный исторический материал и на этом конкретном (новом) материале, по-ленински обработанном, были показаны вся глубина и все теоретическое значение ленинских и сталинских высказываний о Парижской коммуне, как и вообще по всякому вопросу исторической науки.

Тов. Рубан не привлекает нового конкретного исторического материала. Хотя это автору рецензируемой брошюры и не может быть поставлено в вину, так как брошюра и не ставит себе специальной задачей разработку конкретно-исторических проблем Парижской коммуны, тем не менее приходится отметить необходимость того, чтобы в последующих работах историки не удовлетворялись простым изложением взглядов Ленина и Сталина на этот вопрос. Крайне необходимо привлечение нового материала, касающегося прежде всего истории массовой борьбы рабочего класса в период Парижской коммуны. Разработка нового конкретного материала показала бы еще и еще раз всю правильность замечаний Ленина о том, как Маркс ценил участие масс в этой борьбе и как много уроков можем мы извлечь из этой массовой борьбы пролетариата. Известно, что, несмотря на то, что парижские коммунары в большинстве своем не понимали значения того, что они творили, тем не менее

«чутье гениально проснувшихся масс», как выражались Маркс и Ленин, подсказывало им замечательные пролетарские действия. Героические массы, боровшиеся в 1871 г., дали нам образцы массового исторического действия, образцы героической самоотверженной борьбы эксплуатируемых и угнетенных.

Хотя у нас имеются такие большие и серьезные работы, как например работа т. Лукина о Парижской коммуне, в которой собран новый, богатый исторический материал, тем не менее и этой разработке еще далеко не достаточно, тем более, что и выводы, сделанные т. Лукиным из своего рассмотрения массовой борьбы, далеко не всегда верны, не говоря уже о прямых ошибках, имеющихсся в прежних изданиях этой работы. До какой степени наши историки до последнего времени не учитывали опыта массовой борьбы, не умели оценить настоящим образом героическую борьбу масс, видно из того, что даже в такой работе, как работа т. Лукина, в которой, повторяем, привлечено очень много конкретного исторического материала, имеется например такое место: «Правда, — писал т. Лукин, — почти во всех городах, где возникли коммуны, имелись секции Интернационала, но они были слишком слабы идейно, слишком беспомощны в теоретическом отношении и нерешительны в вопросах тактики, чтобы взять движение в свои руки, или по крайней мере наложить на него пролетарский отпечаток. Социалисты ничего не дали рабочим, кроме неопределенной агитации за Коммуну, что впрочем вполне соответствовало и уровню сознательности самих масс, умевших только кричать: «Долой Версаль! Да здравствует Коммуна!»¹.

Конечно массы умели не только кричать. Гениально проснувшиеся массы, как выражался Ленин, умели, иногда помимо своего сознания, придти к подлинно пролетарским способам борьбы против буржуазии, и вся задача историка заключается не в высокомерном отношении к этим недостаточно осознавшим себя как класс рабочим массам, а в том, чтобы показать, как объективный ход классовой борьбы неизбежно толкал рабочий класс к пролетарским революционным способам борьбы против капитализма, к пролетарскому сознанию, как эти массы постепенно освобождались от мелкобуржуазной идео-

¹ Лукин, Парижская коммуна, 1926 г., стр. 451. подчеркнута нами.—Ст. Т.

логии и подходили вплотную к пониманию научного социализма, к последовательным революционным способам борьбы.

Пролетариат и его партия не раз обращались и будут обращаться к опыту Парижской коммуны, учитывая этот опыт и выводя для себя уроки из этого величайшего события XIX века. Очевидна по этому вся важность того, чтобы указания Ленина и Сталина о борьбе классов в эпоху Парижской коммуны, о массовой борьбе рабочего класса разрабатывались на новом конкретном историческом материале.

Брошюра т. Рубана, ставившего перед собой целью не разработку ленинских указаний на основе нового конкретного исторического материала, а более скромную задачу — популярно изложить основные высказывания Владимира Ильича о Коммуне — правильно ставит и решает основные вопросы, относящиеся к этому событию. Так, автор совершенно правильно говорит о том, что Парижская коммуна была диктатурой пролетариата. Известно, что меньшевики — вожди II интернационала — и всякого рода оппортунистические историки пытались исказить действительную сущность Парижской коммуны. В своей борьбе против теории и тактики пролетарской диктатуры меньшевики не раз пытались доказать, что Парижская коммуна была просто «демократическим учреждением», олицетворением «демократии». Ленин вслед за Марксом и Энгельсом показал, что Парижская коммуна была диктатурой пролетариата.

Тов. Рубан правильно заостряет внимание на этом вопросе, критикуя «историков» типа Слуцкого, пытавшихся исказить взгляды Ленина на сущность Коммуны. Правильно также решает т. Рубан и другой — непосредственно связанный с первым — вопрос об оценке опыта Парижской коммуны как пролетарской диктатуры, потерпевшей поражение, в свете всей последующей борьбы рабочего класса, в свете опыта Октябрьской революции в России, установившей победоносную диктатуру пролетариата.

Задача марксистской разработки истории Парижской коммуны заключается в том, чтобы показать, что Парижская коммуна, будучи диктатурой пролетариата, была в то же время неполной, несовершенной формой этой диктатуры. Рабочий класс всего мира не слепо берет опыт Парижской коммуны. Он берет из этого опы-

та то, что идет действительно по линии победоносной борьбы рабочего класса против буржуазии. Парижская коммуна имела и свои слабости, в значительной степени обусловленные общими историческими условиями той эпохи. Отсутствие марксистской партии рабочего класса наложило неизгладимый отпечаток на все действия парижских коммунаров. Французская секция I интернационала была слаба и не оказывала решающего действия на ход событий. Парижские коммунары совершили целый ряд ошибок, оказавшихся роковыми для всей их последующей героической борьбы. Эти ошибки известны (о них подробно говорит т. Рубан в своей брошюре), и мы не будем на них здесь останавливаться. Известно также, что, совершая Октябрьскую революцию, большевики не повторили этих ошибок.

Парижская коммуна была таким образом первым опытом пролетарской диктатуры, опытом неполным, несовершенным.

Уже революция 1905 г. в России, в которой пролетариат выступал под руководством большевистской партии, дала зачаток нового типа государства — советы, явившиеся прямым продолжением Парижской коммуны и развившиеся в 1917 г., после Октябрьской социалистической революции, в гораздо более совершенную форму пролетарской диктатуры. Парижская коммуна не развилась в высокие и совершенные формы пролетарской диктатуры. У Коммуны, как отмечал Ленин, прежде всего не было для этого просто времени. Она не успела оглядеться, не успела избавиться от своих ошибочных представлений о характере и способах классовой борьбы, и при отсутствии партии рабочего класса Парижская коммуна оказалась не победоносной пролетарской революцией. Рабочий класс всего мира, высоко чтя героическую борьбу парижских коммунаров, в то же время учитывает необходимость добиваться в борьбе более высоких форм пролетарской борьбы за власть и, после пролетарской революции, за укрепление своего господства. Мы не повторяем ошибок Парижской коммуны. Мы их объясняем историческими условиями той эпохи, извлекая для нашей борьбы все необходимые политические выводы.

Правильно также ставит т. Рубан вопрос и о важнейших причинах гибели Коммуны

и прежде всего вопрос о значении отсутствия марксистской, последовательно-революционной партии рабочего класса. Этот вопрос имеет крупнейшее политическое и теоретическое значение для всей современной борьбы рабочего класса. Без подлинного ленинского руководства, без организации и сплочения вокруг своей партии рабочий класс не может победить в борьбе против буржуазии. Наша эпоха есть эпоха более высоких форм борьбы, чем тот период, когда совершалась Парижская коммуна, и она, эта эпоха, показывает нам решающее значение существования и роста пролетарской партии для победоносной борьбы рабочего класса.

Обращаясь к опыту подготовки Октября 1917 г., мы могли бы сказать, что без революционной мобилизации масс, проводившейся нашей большевистской партией в 1917 г., без правильной, научно обоснованной тактики этой партии в борьбе за массы, в борьбе за изоляцию соглашательских партий, в борьбе за все те пути, благодаря которым рабочий класс на собственном опыте усваивал правильность лозунгов своего авангарда, т. е. большевистской партии, без последовательной, беспощадной борьбы большевизма против оппортунизма, у нас в 1917 г. победоносной пролетарской революции не было бы. Этот исторический урок, подтвержденный не раз всей мировой историей XX века, мы извлекаем и из опыта Парижской коммуны. И совершенно правильно делает т. Рубан, когда он подчеркивает политическое значение этого урока. Правильно делает также автор брошюры, когда он, хотя и кратко, излагает и вскрывает враждебную нам классовую сущность всех тех оценок Парижской коммуны, как демократической революции, которые к сожалению проникли в нашу советскую историческую науку. Надо уметь, несмотря на ошибки, которые Коммуна совершила, правильно оценить ее историческое значение в целом как диктатуры пролетариата, все ее величайшее значение для рабочего класса как первого героического опыта установления рабочими своей власти. Коммуна конечно не была «сплошной ошибкой», как это писал Стеклов. И всякий историк, марксистско-ленински изучающий Коммуну, для правильной оценки Коммуны должен будет, критикуя ошибки коммунаров, никогда не забывать того, что Коммуна вошла в историю XIX века как величайший образец массовой пролетарской борьбы за диктатуру рабочего класса. Правильно делает

также т. Рубан, когда он критикует ту точку зрения, по которой Ленин изменял свои принципиальные взгляды на классовую сущность Парижской коммуны. «Историки» типа Слуцкого считают, что Ленин рассматривал Парижскую коммуны в период революции 1905 г. как демократическую диктатуру пролетариата и мелкой буржуазии, и только к 1917 г. он стал считать ее, изменив свои взгляды, диктатурой пролетариата. Этот взгляд представляет собой клевету на Ленина, на большевизм, и он непосредственно вытекает из того троцкистского представления о большевизме, по которому будто бы большевизм в 1905 г. был учением о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и что он «перевозвооружился» в 1917 г.

Этой фальсификации надо давать беспощадный отпор, куда бы и в какой бы форме она ни проникала.

Правильно ставя эти основные вопросы, т. Рубан однако допускает некоторые неточности в освещении отдельных вопросов, о которых следует сказать для того, чтобы в повторном издании их исправить.

Первым из тех вопросов, по которым у автора нет достаточно четких формулировок, является вопрос об условиях и границах той исторической эпохи, когда совершалась Парижская коммуна. Ленин не раз указывал, что для того, чтобы правильно оценить данное историческое событие, нужно прежде всего поставить его в определенные исторические рамки, точно определив эти рамки соотношением классовых сил и указав характер той эпохи, в которую эти события совершились. Парижская коммуна была первой пролетарской революцией, совершенной в самом конце эпохи буржуазно-демократических революций на Западе. Эпоха эта началась, как неоднократно указывал Ленин, Великой французской революцией. В О Ф р а н ц и и период буржуазно-демократических революций закончился уже в 60-х гг. На очередь дня история поставила задачи борьбы пролетариата за власть. Вопросы борьбы пролетариата за установление своей диктатуры, вопросы пролетарской революции были поставлены историей как центральные вопросы классовой борьбы нового исторического периода. Совершенно ясно, что история рабочего класса Франции, история борьбы пролетариата против буржуазии не начинается 48-м годом. В 48-м году пролетариат уже выступает как класс против буржуазии, а первые

пролетарские выступления, хотя и со слабо выраженным классовым отпечатком, мы имеем и в более ранний период. Для правильной оценки Парижской коммуны безусловно необходимо точно указать, в какой период эта Коммуна совершалась.

Тов. Рубан, говоря (смотрите начало пятой главы, стр. 47), о периоде бурь и революций, говорит о 1848 и 1871 гг., называя этот период периодом буржуазно-демократических революций на Западе. Это сказано конечно несколько неточно. Период буржуазно-демократических революций на Западе включает, как мы уже сказали, более длительный исторический промежуток. Это — во-первых, а во-вторых, во Франции этот период кончается несколько раньше, чем он кончился в Западной Европе вообще.

И Маркс и Энгельс много раз отмечали тот факт, что Франция дала нам в XVIII, XIX веках образцы доведения классовой борьбы до конца. Ни в одной стране пролетариат не шел в своих выступлениях так далеко и не доходил до таких форм пролетарской борьбы, как это было во Франции. При этом для борьбы пролетариата в 1848 и 1871 гг. имело огромное значение то обстоятельство, что он выступал уже и до 1848 г. (например Лионское восстание).

Для оценки Парижской коммуны следует далее отметить не только тот факт, что в 1871 г. кончается эпоха буржуазно-демократических революций на Западе вообще, но и то, что она совершалась в то время, когда эпоха буржуазно-демократических движений во Франции уже закончилась и когда во Франции уже с 60-х годов со всей остротой встала (еще до Коммуны) задача борьбы рабочего класса за пролетарскую революцию.

Вторым вопросом, по которому может остаться неясность, является вопрос о значении опыта Парижской коммуны для лозунга большевизма о превращении империалистской войны в гражданскую. Говоря (на стр. 18) об ошибках Коммуны и о том, что большевики взяли ее будущее, а не прошлое, т. Рубан говорит о том, что большевики, опираясь на опыт Коммуны, выдвинули лозунг превращения империалистской войны в гражданскую. Это указание т. Рубана совершенно правильно в той своей части, где т. Рубан говорит об использовании большевиками опыта Коммуны для создания большевистского учения о задачах пролетариата в войне.

Однако одного этого указания конечно недостаточно. Лозунг о превращении империалистской войны в гражданскую определялся прежде всего, конечно, условиями империалистской эпохи. Если уж говорить о лозунгах большевизма и об их историческом обосновании, то конечно надо было бы прежде всего указать, что эти лозунги вытекали из условий новой эпохи, наступившей с самого конца XIX столетия. Так как об этой смене эпох т. Рубан ничего в своей брошюре не говорит, то этим несколько смазывается значение той новой обстановки, которая в первую голову определила выдвижение большевиками лозунга превращения империалистской войны в гражданскую. В том самом манифесте ЦК, выпущенном в ноябре 1914 г., о котором говорят т. Рубан. Ленин писал ведь, что превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть лозунг, который вытекает «из всех условий империалистической войны между высокоразвитыми буржуазными странами» (подчеркнуто мною. — Ст. Т.). Об этом следует сказать и это следует исправить, потому что у читателя на основании приведенной т. Рубан цитаты из Ленина может создаться впечатление, что Ленин будто бы считал франко-прусскую войну такого же рода войной, как и война 1914 г., т. е. войной империалистской. Между тем известно, что мировая война 1914 г. в этом смысле существенно отличалась от войны между Францией и Пруссией в 1870 г., — отличалась так же, как отличается эпоха империализма от периода до империализма, т. е. от эпохи господства промышленного капитализма на Западе. Опыт Парижской коммуны имел конечно огромное значение для определения лозунга о превращении империалистской войны в гражданскую. Но ведь не только простым историческим обобщением, учетом исторического опыта определяется выдвижение политических лозунгов большевиками. Большевизм, выдвигая те или иные политические задачи, всегда исходит прежде всего из тех условий, в которых приходится действовать. Учет этих условий, учет разницы их по сравнению с предшествовавшими историческими эпохами, представляет собой важнейший момент в правильном определении лозунгов партии.

Так как т. Рубан говорит об этом лозунге (превращение империалистской войны в гражданскую) как о «генеральном» в годы империалистской войны и так как он во

всех последующих случаях при изложении этого вопроса (например на стр. 20) ни слова не говорит о всех тех причинах, которые обусловили возникновение этого большевистского лозунга, то получается несколько ложное впечатление о развитии борьбы рабочего класса, некоторый недоучет смены условий борьбы пролетариата за власть.

Следующим вопросом, о котором следует оказать, является вопрос о подготовке Коммуны. Ссылаясь на слова Ленина о том, что Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял², т. Рубан несколько раз подчеркивает факт ее неподготовленности, давая несколько неточное изложение этого вопроса.

Как надо понимать приведенные выше слова Ленина? В каком смысле он говорит здесь о стихийности?

Внимательное рассмотрение всех высказываний Ленина не оставляет никакого сомнения в том, что эти определения Ленина говорят о том, что Коммуну никто не подготовлял непосредственно. Конечно в смысле непосредственной подготовки восстания, в смысле непосредственной организации борьбы пролетариата за власть, Коммуну никто не подготовлял. Именно об этом и говорит Ленин. При этом Ленин всегда указывал на то, что в общеисторическом смысле Коммуна была детищем I интернационала, что она была в значительной степени подготовлена всей деятельностью Маркса и Энгельса и I интернационала. В той же статье, откуда взята приведенная выше цитата («Памяти Коммуны»), Ленин писал например, что «главную роль в этом движении играли конечно рабочие (особенно парижские ремесленники), среди которых в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу» (Подчеркнуто мною. — Ст. Т.).

I интернационал существовал и боролся как первая организация рабочего класса, как зародыш пролетарской партии, при непосредственном руководстве им со стороны Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс готовили конечно пролетарскую революцию, воспитывая рабочие массы, уча их на опыте их соб-

² Ленин, том. XV, стр. 157. Статья «Памяти Коммуны».

ственной борьбы, подводи их к сознанию необходимости беспощадной вооруженной борьбы рабочего класса за установление своего господства как единственного средства избавиться от капиталистического рабства. В этом общеисторическом смысле, в смысле связи Парижской коммуны с I интернационалом и всей исторической деятельностью Маркса и Энгельса, Коммуна была конечно в определенной степени подготовлена, и этот факт нельзя игнорировать при изучении истории Парижской коммуны. Всякий историк, который будет рассматривать Парижскую коммуну изолированно от всей предшествовавшей борьбы рабочего класса, от всей деятельности Маркса и Энгельса, I интернационала, будет впадать в ошибку, отдавая хотя бы и небольшую дань тому взгляду, по которому Парижская коммуна была всего лишь эпизодом франко-прусской войны или «случайным», «незакономерным явлением». Необходимо поэтому, учитывая все высказывания Владимира Ильича полностью изучив все его замечания и высказывания о Парижской коммуне, учесть и то обстоятельство, на которое указывал Ленин, — что Парижская коммуна была итогом деятельности I интернационала, осуществлением (в определенной степени) заветов и лозунгов борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую революцию.

Тов. Рубан в нескольких местах (стр. 12, 45 и др.) подчеркивает эту неподготовленность Коммуны. При таком изложении смазываются значение I интернационала и всей предшествовавшей интернациональной борьбы Маркса и Энгельса. Исправить это следует тем более, что в последние годы в некоторых статьях, появившихся в наших исторических журналах (см. например статью Книжника-Ветрова в журнале «Каторга и ссылка»), делались попытки доказать, что I интернационал и его предшествовавшая Коммуне деятельность никакого отношения к Коммуне не имели, что Коммуна была якобы результатом революционной деятельности анархистов. Подобная постановка вопроса смазывает все значение Парижской коммуны и I интернационала для мировой борьбы рабочего класса, извращает историю пролетариата.

I интернационал готовил Коммуну всеми имевшимися тогда в его распоряжении средствами. I интернационал и Маркс в частности не имели в руках тогда такой силы, которая позволила бы им непосред-

ственно и значительно влиять на ход событий, хотя Маркс употребил все от него зависящее, чтобы этого добиться. Конечно не вина Маркса и I интернационала, что ему не удалось добиться непосредственно руководства всей героической борьбой парижских коммунаров. Несмотря на это, в общеполитическом смысле Коммуна была именно детищем Маркса и Энгельса, детищем международного товарищества рабочих, и подчеркнуть это крайне необходимо.

Из отдельных замечаний, которые хочется сделать по поводу брошюры, следует сказать прежде всего относительно того места (стр. 26), где автор приводит известные слова Ленина о том, что Энгельс гораздо популярнее, чем Маркс, излагает в своем предисловии к «Гражданской войне во Франции в 1871 г.», написанном в 1891 г., и в письме от 16 марта 1875 г. важнейшие мысли о диктатуре пролетариата и о форме той государственной власти, которую завоеует пролетариат.

Тов. Рубан, выделив разрядкой слова Ленина «гораздо популярнее»³, говорит (неожиданно для читателя) о том, что здесь, в этом месте, Ленин дает «общий отзыв об Энгельсе», и дальше пишет: «Это место из Ленина чрезвычайно интересно для понимания развития идеи диктатуры пролетариата у основоположников научного марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса. Если Маркс дал научную трактовку, то Энгельс гораздо популярнее развил эту же идею» (подчеркнуто мною. — Ст. Т.).

Следует заметить прежде всего, что в

³ У Ленина эти слова без разрядки.

этом месте Ленин отнюдь не дает «общий отзыв об Энгельсе». Ленин только отмечает, что в этих двух документах Энгельс гораздо популярнее, чем Маркс, излагает их общие мысли и конечно роль Энгельса вообще в истории марксизма, несмотря на все превосходство Маркса как основателя и творца научного социализма, отнюдь не сводилась к простой роли популяризатора идей Маркса. Конечно не в этом заключалось и «развитие идеи диктатуры пролетариата»; в популяризации развитие идеи вообще не совершается. Так трактовать вопросы о соотношении Маркса и Энгельса представляется нам далеко не верным, искажающим например борьбу против оппортунизма, за марксистское учение о диктатуре пролетариата, которую вел Энгельс вплоть до последних дней своей жизни и в германской социал-демократии, и во всем мировом рабочем движении, будучи, как отмечал когда-то Ленин в своей статье «Фридрих Энгельс» (см. I том), величайшим пролетарским ученым, соратником Маркса, одним из основоположников научного социализма.

Несмотря на эти недостатки, брошюра представляет собой конечно ценный вклад в нашу историческую литературу, ибо, повторяем, она, систематически излагая взгляды Ленина на величайшее пролетарское движение XIX века, правильно трактует основные вопросы, помогает этим самым воспитанию широких трудящихся масс в духе марксизма-ленинизма и помогает нашей общей работе по изучению и дальнейшей разработке ленинского наследия и указаний Сталина по вопросам исторической науки.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

КНИГА и ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-
ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ и БИБЛИОГРАФИИ**

Выходит под редакцией: А. С. Бубнова (отв. редактор),
А. Гусева (зам. редактора), Х. Кантора (зам. редактора),
И. Вальдена (отв. секретарь), И. Бурдянского, С. Динамо-
ва, В. Егоршина, Л. Перчика, Б. Таля.

Борется за идеологическое качество книжно-жур-
нальной продукции, за соответствие ее требованиям развер-
нутого социалистического наступления и современному
уровню научно-технической мысли.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» имеет следую-
щие отделы:

1. Статьи по общим вопросам теории и практики марк-
систской критики и библиографии.
2. Рецензии и обзоры по отдельным отраслям науки,
техники и литературы.
3. Подготовка и повышение квалификации авторских
и редакционных сил.
4. Рабочие авторы и рабочий рецензент.
5. Библиография библиографии.
6. Хроника.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» рассчитана на
широкий партийный и советский актив: партийцев, рабочих-
ударников, а также на работников библиотек и библио-
графических учреждений и т. п.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» выходит еже-
месячно объемом в 10 печатных листов.

Адрес ред.: Москва, ул. им. Горького, 8, тел. 2-35-53

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 12 р., на 6 мес. — 6 руб., на 3 мес. — 3 р.,
на 1 мес. — 1 ру.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на почте и письмомосцами

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б)
„ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журнал

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИККИ

14-й ГОД ИЗДАНИЯ

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» — орган Исполкома Коминтерна — освещает вопросы международного революционного движения.

Сохраняя характер руководящего органа ИККИП, «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» привлекает в 1932 году к участию в журнале более широкий круг авторов как из секции Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый ПАРТИЕЦ, АКТИВИСТ, ПРОПАГАНДИСТ, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций, ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ «КОМИНТЕРН».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 год:

на 1 мес. — 75 коп.
на 3 мес. — 2 р. 25 коп.
на 6 мес. — 4 р. 50 коп.
на 12 мес. — 9 руб.

Цена отдельного номера — 30 коп.

Подписка принимается на почте, письмомосцами и уполномоченными по партпечати при партячейках.

Материал сдан в набор 21/VIII — 13/X — 32 г. Подписан к печати 22/X — 25/X — 32 г.
5 бум. лист. 157440 зн. в бум. л.

Уполн. Гл. № В—35100. Тип. газ. „Правда“. Москва, ул. им. Горького, 48. Зак. № 1979
Издат. № 830. Тир. 19.700 экз.